

ISSN 0130 1640

www.znanie-sila.su

ЗНАНИЕ-СИЛА®

«Knowledge itself is power» (F. Bacon)

4/2015

6+

Политик с историей
наперевес

*«Эльфы», «альфы», «морские пастыри»...
Почему экологи всё чаще прибегают к
таким акциям, как саботаж, пиратство,
поджоги?*

Стр. **4**

*После развода историю прежней братской
семьи каждый пишет по-своему. Но есть
все же и общие закономерности...*

Стр. **17**

*Человек этот единолично, только своим главным
сочинением вывел петровскую Россию на
передовые рубежи мировой экономической мысли. Кто
он, как удалось ему такое?*

Стр. **55**

*Геноцид, уничтожение целого
народа – как такое может быть?*

*Что лежит в основе
нечеловеческого поведения
человека?*

Стр. **83**

*Инстинкты инстинктами, а у кого
животные учатся всему остальному,
что нужно в жизни?*

Стр. **121**

ЗНАНИЕ СИЛА 4/2015

Ежемесячный научно-популярный
и научно-художественный журнал

Член Российского исторического общества

№4 (1054)

Издаётся с 1926 года

Зарегистрирован 20.04.2000 года

Регистрационный номер ПИ № 77 3228

Учредитель Т. А. Алексеева

Научный совет журнала:

Торкунов А. В. – академик РАН – *председатель*

Галимов Э. М. – академик РАН

Гусейнов А. А. – академик РАН

Зеленый Л. М. – академик РАН

Нигматулин Р. И. – академик РАН

Пивовар Е. И. – член-корр. РАН

Рубаков В. А. – академик РАН

Симония Н. А. – академик РАН

Тишков В. А. – академик РАН

Чубарьян А. О. – академик РАН

Шустов Б. М. – член-корр. РАН

Генеральный директор

АНО «Редакция журнала «Знание–сила»

И. Харичев

Главный редактор И. Вирко

Редакция:

О. Балла

И. Бейненсон (ответственный секретарь)

Г. Бельская

А. Волков

Б. Жуков

О. Корнеева

А. Леонович

И. Прусс

Заведующая редакцией Н. Шатина

Художественный редактор Л. Розанова

Компьютерная верстка Л. Розанова

Интернет- и мультимедиа проекты Н. Алексеева

Корректор Н. Рожкова

Подписано к печати 09.03.2015. Формат 70 x 100 1/16.

Офсетная печать. Печ. л. 8,25. Усл. печ. л. 10,4.

Уч.-изд. л. 11,93. Усл. кр.-отт. 31,95. Тираж 5800 экз.

Адрес редакции:

115114, Москва, Кожевническая ул., 19, строение 6,

тел. (499)235-89-35, факс (499)235-02-52

тел. коммерческой службы (499)235-72-64

e-mail: zn-sila@oronet.ru

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография».

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

Сайт: www.chpd.ru; E-mail: marketing@chpd.ru

факс 8(49672) 6-25-36, факс 8(499)270-73-00

отдел продаж услуг многоканальный:

8(499)270-73-59

Зак.

© «Знание — сила», 2015 г.

«ЗНАНИЕ - СИЛА»

Журнал, который умные люди читают
уже 90-й год!

**Сегодня подписка,
а завтра**

- научные сенсации и открытия;

- лица современной науки;

- человек и его возможности;

- прошлое в зеркале

современности;

- будущее стремительно
меняющегося мира.

Интернет-версия —

www.znanie-sila.ru

На сайте:

лучшие публикации

за все годы;

о редакции;

стаффажи Виктора Бреля;

новости научной жизни;

архив номеров;

подписка;

**электронная версия архива
и мультимедийная продукция.**

В течение 2015 года выпуск
издания осуществляется
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям.

Школы Новороссийска,
Анапы и Геленджика получают журнал
благодаря финансовой поддержке
Новоросцемента

Сельские школы Белгородской области
получают журнал
благодаря финансовой поддержке
фонда «Поколение»

Цена свободная

**Вышедшие ранее номера журнала
«Знание–сила» можно приобрести в редакции**

Подписка с любого номера

Подписные индексы в каталоге «Роспечать»:

70332 (индивидуальные подписчики)

73010 (предприятия и организации)

Подписка в Сети <http://pressa.ru>

Возможна подписка через терминалы QIWI

Продажа электронной версии: litres.ru

4/2015 В НОМЕРЕ

4 ЗАМЕТКИ ОБОЗРЕВАТЕЛЯ

А. Волков
**Экологи под черным
флагом**

Саботаж, пиратство, поджоги — все эти средства из арсенала радикальных экологов, кажутся им самым хороши, чтобы наказать «глобалистов» за их безответственное отношение к природе. Зло побеждают лишь злом? Уже сейчас наблюдатели говорят о набирающем силу «экологическом терроризме».

13 НОВОСТИ НАУКИ

15 В ФОКУСЕ ОТКРЫТИЙ

С. Ильин
Спор продолжается

17 ГЛАВНАЯ ТЕМА История с историей

19 *А. Миллер* Политические приключения исторической науки

24 Едвабне

32 Трагедия Трианона, или Заговор виноватых

40 Эстонская миниатюра

48 ВО ВСЕМ МИРЕ

50 ПРОБЛЕМА: ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗДУМЬЯ

О. Фейгин
Апокалипсис Хиггса

Бозон Хиггса обрек Вселенную на катастрофическую гибель? Она лопнет как мыльный пузырь? Правда, произойдет это через десятки миллиардов лет. Так ли это?

53 РАЗМЫШЛЕНИЯ К ИНФОРМАЦИИ

Б. Жуков
Бациллы судьбы

55 ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ

Е. Сьянова
**«Денежного дела
мастер»**

64 НАУКА И ОБЩЕСТВО

Р. Григорьев
**Может ли ученый
быть верующим?**

Многим хотелось бы знать, в какой степени вера совместима с научным знанием, и здесь возникает необходимость более четко определить, что означает «быть верующим».

66 НАУКА ГЛАЗАМИ ФИЛОСОВОВ

А. Крушанов
**Нуждается ли наука
в идее духа?**

71 БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ!

73 ДИАЛОГИ «З-С»

В. Каганский
**Месть
упущенных
возможностей**

4/2015 В НОМЕРЕ

81 ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Ф. Акин

**Сто лет
и один-единственный шаг**

83 ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА

М. Сорвина

Обреченный народ

Сто лет назад, в апреле 1915 года, началась величайшая трагедия армянского народа. Почти полтора миллиона человек стали жертвами геноцида, развязанного властями Османской империи в разгар Первой мировой войны.

93 КОСМОС: РАЗГОВОРЫ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

В. Смолицкий

Кое-что о Галактиках

94 AD MEMORIAM

С. Смирнов

Реквием по Дон Кихоту

98 А ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ НА...?

99 АРХИВНЫЕ СТРАНИЦЫ

И. Гольдфаин

**Тайна двух московских
подземелий**

103 СКЕПТИК

А. Волков

**А был ли мальчик
в пропасти Лакедемона?**

С древних времен историки говорят о страшном обычае, который сущест-

вовал в одном из самых небольших и наиболее знаменитых государств античной Эллады — в Спарте.

Новорожденного ребенка, если он казался болезненным, хилым, здесь не пестовали, а казнили — бросали в пропасть. Но так ли верно это предание? И, вообще, как воспитывали детей в Спарте?

110 «ЛИСА» В ГОСТЯХ У СКЕПТИКА

**Традиционные
семейные ценности
от Совнаркома**

112 РАЗГОВОР У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Д. Бавильский

**Ускоряя собственное
мышление**

119 ВЕРНИСАЖ «З-С»

Е. Генерозова

Ян ван Эйк

121 РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

В. Климов

**Жизненная школа, или
Научение у животных**

127 КАЛЕНДАРЬ «З-С»: АПРЕЛЬ

III МОЗАИКА

ЭКОЛОГИ под черным флагом

У Земли все больше проблем. Живая планета жалуется (см. «З-С», 3/15). Ее защитники не сидят, сложа руки. В борьбе за спасение природы многие из них легко превышают границы разумного и дозволенного.

Уже сейчас наблюдатели говорят о набирающем силу «экологическом терроризме». Активисты же этого движения утверждают, что их незаконно преследуют. Подлинные террористы — это те, кто уничтожает дикую природу. Именно им — заводам и фабрикам, нефтяным концернам и газодобывающим компаниям — власти всех стран должны объявить настоящую войну. Иначе — на нашей отравленной Земле, среди загублен-

ной нами природы — жизнь человека станет попросту невозможной.

В этой длящейся десятилетиями борьбе и экологи, и их противники прибегают к самым жестким методам. В этой борьбе никто не хочет сдаваться. За одними — финансовая сила, за другими — сила правды, как они ее понимают. За одними — сумасшедшие цифры прибыли, за другими — безумные цифры ущерба, наносимого миру, который нас окружает. Миру, в котором мы по милости случая живем. Миру, в котором «чудо — все, нет ничего, что не было бы чудом», как сказано в эссе Сергея Аверинцева о Честертоне.

В этой борьбе, где все запретные средства хороши, не обойтись без

вмешательства властей. На чьей стороне они оказываются — на стороне тех, кто незаконно нарушает закон, или тех, кто незаконно защищает его?

Одну из самых успешных за последнее время операций против террористов агенты ФБР провели в 2006 году. Участники операции Backfire боролись в тот день не с теми, кто захватил в заложники детей или угнал самолет. Им противостояли экологи. Было задержано 18 человек. Их обвиняли в поджоге, умышленном нанесении вреда, в саботаже и заговоре.

Именно с 2006 года «террористическими» в США стали официально именовать некоторые не подконтрольные властям группировки экологов, в том числе Earth Liberation Front (ELF). Если быть точным, то Фронт освобождения Земли — это не организация с четко сформулированным уставом, а широкое экологическое движение, к которому может примкнуть любой. И любой волен проводить от его имени какие-то «конкретные акции». Не только «ходить с плакатами», кротко протестуя против «насилия над природой», а действовать, бросать вызов. Протестующие заискивают, просят, ищут пути административного, политического решения, участники акций — сами решают, сами судят.

На вооружении «эльфов» (так называют сторонников «фронта», отталкиваясь от аббревиатуры ELF) были, например, «поджоги в большом стиле». Так, в 1998 году в штате Колорадо почти полностью выгорела горнолыжная база вместе с отелями и подъемниками. Это была месть «эльфов» тем, кто построил все это в одном из нетронутых уголков природы. В последующие годы поджоги шли один за другим. «Случайно» выгорало то, что, по словам «эльфов», разрушало окружающую среду: лесопилни, филиалы компаний, занятых вырубкой леса, автопредприятия, новостройки. «Вы строите, мы сжигаем, — было сказано в одном из заявлений «фронтовиков». — Эльфы разбушевались!»

Все эти атаки были бескровными. Никто не пострадал, не погиб. Тем не

менее, один из руководителей ФБР, выступая в американском Конгрессе в 2002 году, заявил, что такая организация, как ELF, представляет собой «серьезную террористическую угрозу». Тогда же было дано определение экотерроризма: «Насильственные действия криминального характера, совершаемые против ни в чем не повинных жертв или их имущества какой-либо группировкой, выступающей в защиту окружающей среды. Действия эти обусловлены экологическо-политическими причинами, но при этом они могут выходить далеко за рамки поставленной цели и зачастую носят символический характер».

Акции «эльфов» подпадали под это определение. И вот — операция Backfire. Люди, объявленные террористами, надолго отправились в тюрьму: один из них был приговорен к двадцати годам заключения.

Сам по себе Фронт освобождения Земли отпочковался в 1992 году от другой радикальной экологической организации, Earth First! Ее создатель, американец Дейв Формэн, с начала 1970-х годов пропагандировал такой метод действий, как саботаж (экотаж).

Его сторонники, стремясь помешать вырубке леса, вбивали гвозди в стволы деревьев, рассчитывая, что пила наткнется на них и сломается. Уничтожали разметку там, где должно начаться строительство автомагистрали. Ломали строительные машины, подсыпая песок в бензобак или перерезая гидравлические шланги. Опрокидывали опоры строящейся линии электропередачи или горнолыжного подъемника. Ежегодный ущерб от подобных действий оценивается в 20–25 миллионов долларов. Единственное, что неукоснительно соблюдается в этих акциях: ни один человек, ни один рабочий не должен пострадать.

Книга Формэна Ecodefense: A Field Guide to Monkeywrenching, что можно перевести как «Экологическая оборона: экскурс в искусство саботажа» (в российской сетевой традиции — «Основные принципы тактики экотажа». — Прим. ред.), стала

Активисты ALF
освобождают
лабораторных шиншил

настоящим манифестом экологической партии, чей призрак бродит в последние годы по всему миру — от Арктики до Антарктики. Ведь эта книга содержит массу полезных «вредных советов» — как, например, вывести из строя бульдозер, как напиговать гвоздями подъездные пути к заповедной роше, как умело заткнуть сточную трубу, чтобы нечистоты потекли не в реку, а на территорию завода. Разве мало занятий у добросовестного эколога, который чутко к внутреннему императиву?

Сам автор изначально не питал иллюзий по поводу того, как воспримут его идеи власть имущие. Книга пестрит замечаниями: «Сотрите отпечатки пальцев», «Не покупайте необходимые вам материалы в непосредственной близости от места, где вы живете», «Не дайте себя поймать».

После прочтения этой книги опушка любого леса и впрямь превращается в линию фронта, разделяя Добро и Зло, «святое воинство Девы-Земли» и «грязную силу бесов-денег», а опытный опасной красотой «акций» эколог видит себя то ли «партизаном

зеленого мира», то ли новым воплощением античного Пана (лешего; снежного человека... — нужное подчеркнуть), который зло подшутит над глупыми захватчиками.

Сходными методами борется за освобождение животных и Animal Liberation Front (ALF). Это тоже, скорее, массовое движение, чем организация. Его сторонники выступают против жестокого обращения с животными, против их истребления. Его активисты считают, что животным надо предоставить те же права, что и человеку.

Конечно, многие «альфы» избегают насилия, ограничиваясь демонстрациями, пикетами и просветительской работой. Однако наибольшую известность «фронту» принесли те, кто действуют по-другому. Те, кто нападают на фермы, где разводят пушных зверей, на питомники, где содержат диких животных, и даже рестораны, где меню оказалось далеко не вегетарианским. Те, кто врываются в научные лаборатории, где проводят опыты на животных, и громят или поджигают их.

Заметим на полях: ученые в ужасе не только из-за того, что «глупые акции» срывают их налаженную работу, но и потому, что акции эти впрямь не

умны. Выпущенные на волю животные почти поголовно гибнут. Они не приспособлены к незнакомой для них жизни. Недаром многие экологи резко осуждают «освобождение животных на верную смерть».

Из-за всех этих акций, сопряженных с насилием, ФБР объявило ALF «террористической организацией». Сами же экологи не устают повторять, что они еще никого умышленно даже не ранили. На самом деле, их заявления далеки от практики. Азарт делает сторонников «фронта» очень воинственными.

Пример тому — начавшаяся в 1999 году травля британской компании Huntingdon Life Sciences (HLS). В ее лабораториях проводят опыты на животных по заказу фармацевтических и косметических фирм. Все начиналось с того, что активисты «фронта» устраивались на работу в эти лаборатории и украдкой снимали фильмы о том, как мучаются животные.

Сторонники «фронта» повели наступление по всем фронтам. Они преследовали всех, кто имел дело с HLS: служащих компании, акционеров, клиентов — не только в Великобритании, но и в других странах, особенно в США.

От банальных демонстраций самые нетерпеливые активисты легко перешли к насилию: поджогам и угрозам убийства. У сотрудников фирмы поджигали автомобили, выбивали окна в домах и квартирах. Их избивали, обвиняли, используя паутину Интернета, в том, что они распространяют детскую порнографию.

Это маниакальное преследование имело успех. Королевский банк Шотландии отказался обслуживать счета HLS. Биржевая стоимость акций компании резко упала. Компания оказалась на грани банкротства.

Потери понесли и сами активисты. Так, в 2006 году шестеро человек, атаковавших американский филиал HLS, были осуждены судом США на тюремные сроки от трех до шести лет. Год спустя в Великобритании, Бельгии и Нидерландах были арестованы 32 активиста; семеро из

них были осуждены на сроки от 4 до 11 лет тюрьмы.

В конце концов, эту затяжную войну сторонники «фронта» проиграли. В августе прошлого года всякая травля HLS прекратилась. «В условиях нарастания репрессий, проводимых властями Великобритании по отношению к активистам, ведущим борьбу за права животных, мы вынуждены пересмотреть методы ведения нами борьбы, оценить препятствия, стоящие у нас на пути, а также заново проанализировать наиболее уязвимые позиции у наших противников», — говорилось в заявлении лидеров «фронта».

И все-таки борьба не окончена. «Согреваемые огнем свободы, с чувством справедливости в своем сердце, мы смотрим в будущее». Заключительная фраза и вовсе звучит как плохо скрываемая угроза: «Так что мы будем делать теперь?» Кто теперь виноват?

Еще один фронт борьбы открыт на полях, где выращивают генномодифицированные (ГМ) растения. Радиальные экологи регулярно совершают нападения на эти поля с начала 1990-х годов. Участники таких акций считают свои действия правомерными, ведь эти растения, настойчиво повторяют они, опасны и для человека, и для окружающей среды. Они-де распространяют «вредные гены».

Борьба с «коварной наукой» получила распространение в Германии, Франции, Индии, Латинской Америке. Вот лишь несколько эпизодов этой глобальной «кукурузиады» (о перспективах ГМ-культур см. подробнее «З-С», 5/11).

В Германии уже в 1992 году протестующие заняли поле в окрестности Геттингена, где выращивали ГМ-свеклу. Начались годы демонстраций и столкновений. Несколько лет спустя радикалы атаковали опытную станцию Гисенского университета.

Во Франции активист Жозе Бове основал движение Les Faucheurs Volontaires. В 2005 году за нападение на поле, засеянное ГМ-культурами, он был приговорен к четырехмесячному заключению. В июле 2006 года он унич-

тожает поле ГМ-кукурузы и приговаривается к денежному штрафу.

В апреле 2007 года 250 активистов организации *mutatoes.org* близ английского города Кингстон-апон-Халл по ошибке нападают на поле, засеянное обычными бобами. Что ж, разведка ошибается не только на войне. Впрочем, радикальные активисты тоже давно ведут свою — объявленную — войну против генетиков.

В конце июня 2008 года во французских департаментах Жер и Верхняя Гаронна одержаны две блестящие победы. Радикалам впервые удалось полностью уничтожить две плантации всё той же страдалицы-кукурузы. Пленных не брали и не ели.

В апреле 2008 года в Германии совершено нападение на опытное поле Института генетики растений. Сотрудники института внедрились в пшеницу два гена — ячменя и бобов. Они должны были улучшить перенос определенных компонентов протеинов в зернах пшеницы, чтобы повысить содержание белков в них, а значит, и качество хлебной продукции. Сумма ущерба от уничтожения ГМ-пшеницы составила 245 тысяч евро, по подсчетам ученых. Суд признал «убедительно доказанным» ущерб в 104 тысячи и обрек участников акции на денежный оброк.

Масштабы «генобесия» нарастают. Оно охватывает всё новые страны. Вести научную работу становится всё накладнее. Инспирированные слухами и телевизионными сплетнями энтузиасты, словно саранча, готовы слететься на любое поле, где запахнет немилым им урожаем.

А в это время на другом континенте идет другая — на этот раз необъявленная — война. Наша машинная цивилизация с неодолимой настойчивостью губит тропические леса (см. «З-С», 8/07).

В одной лишь Бразилии в 2013 году были вырублены леса на территории площадью почти 6000 квадратных километров. Справедливости ради надо отметить, что в последние годы темпы вырубки лесов замедлились. В этом заслуга и сторонников

самой известной экологической организации — «Гринпис». Здесь, в дикой глуши, куда порой не ступала пята закона, им приходится заниматься, скорее, шпионажем, чем саботажем. Вырядившись, как туристы или лесорубы, экологи проникают туда, где леса идут под топор.

Так было, например, в штате Пара, на севере Бразилии, где «разведка» выявила возможные места нелегальной вырубки леса. По крайней мере, туда направлялись подозрительные грузовики. После этого «гринписовцы» тайно оснастили несколько машин GPS-передатчиками, чтобы проследить их маршруты. Так удалось установить, что машины следовали туда, где вырубка леса была запрещена. Ночью они грузились и вывозили оттуда лес — до 80 машин за ночь. Все они следовали на одну из ближайших лесопилок. Теперь активисты «Гринписа» могли обнародовать карту вырубки леса в этом штате.

Подобные расследования ведутся с риском для жизни. Так, первого сентября прошлого года в Перу был убит Эдвин Хота и трое его друзей-индейцев, боровшихся против незаконной рубки леса. Как полагают, они были похищены и казнены контрабандистами, вывозившими лес.

В 2012 году Всемирный банк заявил, что 80% леса заготавливается в Перу незаконно. Даже если там и задерживают этих преступников, их чаще всего отпускают, возвращая отобранные было машины с лесом. Местная мафия слишком влиятельна, местные чиновники слишком легко берут взятки.

Гораздо удачнее экологи сражаются с китобоями. Семидесятые-восьмидесятые годы — это сплошная череда побед. Кампания «Спасите китов!» привлекла внимание многих к неизвестной войне человека против морских исполинов.

Уже в 1982 году Международная китобойная комиссия запретила коммерческую охоту на китов. Но мораторий подписали не все. Норвегия, Исландия и наша страна все еще продолжали охотиться на китов. Поэтому

бывший активист «Гринписа» Пол Уотсон решил, что одних мирных методов недостаточно, чтобы принудить китобоев к миру.

Уотсон одним из первых вступил в «Гринпис», но уже через несколько лет рассорился с «однопартийцами». Тогда, в 1977 году, они протестовали против охоты на тюленей у берегов Канады. В тот день Уотсон и выбился из строя. Он выхватил дубинку у одного из охотников, сгреб тюленьи шкуры, добытые им, и бросил всё в воду.

Соратники осудили Уотсона, повторяя, что никогда не будут применять насилие. В ответ он основал в 1977 году свою собственную организацию, Sea Shepherd Conservation Society, которая принялась действовать так, как требовал его темперамент. Нападать, преследовать, мешать, конфисковывать, уничтожать — например, топить лодки и корабли, которые рыбачат или охотятся там, где не разрешено. Эта организация сразу была взята на заметку ФБР. Уже первые акции, проведенные ею в конце 1970-х, вошли в историю «экологического терроризма».

Sea Shepherd означает в переводе «морской пастырь/пастух». Радикальные экологи, как и ранние социалисты, часто используют евангельские аллюзии, но сами методы борьбы, которые применяли Уотсон и его последователи, — чисто боевые. Они таранили китобойные суда, оттесняли их, не давая подойти к добыче. Однажды в Рейкьявике они потопили прямо в порту два местных китобойных судна. В этом сражении, разыгравшемся в 1986 году, участвовал и будущий пресс-секретарь «эльфов» Род Коронадо. Когда эту акцию упоминают как «образцовый пример терроризма», он искренне удивляется, ведь террористы — это «те, кто убивает китов».

Всего на счету «боевиков» Уотсона уже десять потопленных кораблей — три норвежских, два испанских, два исландских, два южноафриканских и португальский. Их команды вели незаконную охоту, а потому никто не подал иск против Уотсона и его «пиратов».

Его эскадра — Neptuns Navy, «Военно-морской флот Нептуна», — насчитывает шесть больших кораблей и не-

«Морские пастыри»
борются
с японскими
китобоями

Ночные акции

Рано или поздно радикальным экологам придется столкнуться с теми же вопросами, мимо которых бочком-бочком старались пробежать все строители всех новых утопических миров.

Стоит или не стоит? Щадить или не ждать? Взрывать или не взрывать? Сколько убитых – много? Сколько – мало?

От этих вопросов не уйти героям политического триллера *Night Moves* («Ночные акции»; популярные русские переводы названия – «Ночные движения», «Ночные маневры», «Ночные ходы» – не совсем точны. – А.В.), снятого недавно американским независимым кинорежиссером Келли Райхардт.

Так что там, взрывать дамбу или нет? Вода сразу хлынет или как? Может, вначале струйка польется, людей эвакуируют? А, вообще, этот поток много чего может снести?

Итак, три молодых эколога, живущих в дикой глуши, решают взорвать символ глобального зла – дамбу, за которой – громадные массы воды.

Что же готовы, не мелочась, списать в расход сторонники любого политического фундаментализма? А перед чем они останутся?

Ответ создателей фильма категоричен: люди, единожды переступившие ради своей идеи через чужую кровь, отныне обречены слепо следовать за поманившей их радикальной идеей. Они готовы расправиться с любым, кто не согнан в их стаю. Такова неизбежная судьба всех бомбистов-фундаменталистов.

Герои фильма хотели сделать что-нибудь, чтобы «люди, наконец, задумались». «Что-нибудь» становится громадной волной, которая сметает дома и убивает людей. Получилось, что лучший способ заставить людей думать, – нечаянно их убить. Так «пропаганда экологического сознания» превращается в террор. Добрые дела замешиваются на чужой крови.

сколько лодок. Этот флот защищает не только китов, но и тюленей у берегов Канады, акул в территориальных водах Австралии, морских черепах в Коста-Рике.

Но особенно удачными оказались операции, проведенные в водах Антарктики, ведь здесь запрет на добычу китов сплошь и рядом не соблюдается.

Так, «Японский институт исследования китов», используя юридическую лазейку в моратории, занимается отстрелом этих животных «в научных целях». Впрочем, к науке это имеет вот какое отношение: мясо убитых китов продают, а вырученные деньги идут на исследовательскую работу. С таким же успехом лаборатории могли бы проводить эксперименты с подопытными мышами на деньги, полученные от продажи слоновой кости, до тех пор, пока всех оставшихся слонов не перебили бы.

Между тем, в воды Антарктики традиционно заплывает множество китов. Сторонники *Sea Shepherd* считают любую охоту на них бесстыдным браконьерством – тем более, что у побережья Антарктиды нет никакой береговой охраны. Эта часть мира не принадлежит никому. Никто не защитит здесь китов – кроме экологов-энтузиастов.

Они перекрывают маршруты движения китобойных судов, закидывают их зловонными бомбами. В ответ их поливают из водометов, пытаются запутать в сетях.

Ни одна сторона не желает уступать. Случается, суденышки экологов гибнут в таких сражениях, а им самим чудом удается спастись. Так было в январе 2008 года, когда китобойный корабль *Shonan Maru* буквально перемахнул катер *Ady Gil*, который пытался ему помешать.

Уотсон ссылается на Всемирную хартию природы, принятую ООН в 1982 году. Она призывает неправительственные организации и частных лиц «защитить и сохранять природу, даже если та находится вне зоны национальной юрисдикции», причем им позволено «принимать для этого те меры, которые необхо-

димы». Руководители японского «китоведческого-китоизводческого» института называют их пиратами и экотеррористами.

На пиратов они похожи хотя бы своим флагом — черным полотнищем со скрещенными посохом и трезубцем Нептуна, над которыми красуется череп, памятный знак морских разбойников.

На примере Пола Уотсона, кстати, хорошо видно, что радикальные экологи — это люди, которые всю жизнь посвятили борьбе с теми, кого считают врагами. Их можно смело сравнивать с профессиональными революционерами, профессиональными террористами.

В 1997 году Уотсон был заочно приговорен в Норвегии к 6 месяцам тюремного заключения. Коста-Рика добивается его выдачи из-за нападения в 2002 году на рыболовное судно, которое занималось добычей акул. Рыбаки заявили, что Уотсон хотел их убить. В марте 2008 года он едва не погиб: во время стычки с японской береговой охраной кто-то выстрелил ему в грудь, но пуля не пробила бронежилет. В мае 2012 года он был задержан в аэропорту Франкфурта, но через неделю выпущен из тюрьмы, дав обещание не покидать страну. Но пират — он и есть пират. Через пару месяцев его следы затерялись. В декабре его видели у берегов Новой Зеландии, где он дал интервью. Его разыскивает Интерпол. Теперь он вынужден плавать на паруснике, чтобы не делать остановки в порту для заправки топливом. Всюду его могут арестовать. Лишь в открытом море он пока в безопасности. Но борьба продолжается!

Несомненно одно: какими бы спорными ни были все эти «операции», они принесли успех. Начиная с 2007 года, улов китобоев в водах Антарктики ежегодно снижается. Ни разу за это время им не удалось полностью выбрать отведенную для них квоту в тысячу китов в год. Не один раз японским морякам приходилось прерывать сезон охоты и возвращаться домой потому, что охотиться было про-

Ночные акции -2

Американка Келли Райхардт, режиссер триллера Night Moves, героини которого, экологи, прибегают к террористическим методам борьбы, недавно дала интервью журналу Spiegel. Фрагменты этой беседы мы предлагаем вашему вниманию.

— Скажите, вы могли бы снять подобный фильм лет десять назад? По-моему, сразу после 11 сентября фильмы, рассказывающие о конфликтах, присущих американскому обществу, в вашей стране были просто немыслимы.

— Фильм «Ночные акции» и сейчас снимался не на американские деньги. В принципе, в США очень трудно добиться финансирования фильмов, которые весьма неоднозначно трактуют, политические проблемы. Требование таково: добро и зло должны быть четко разграничены, в конце зло наказывается. Всё! Если вы с этим не согласны, вам трудно получить деньги.

— Чем же вас заинтересовала тема «экологического терроризма»?

— Я бы не использовала этот термин. Он навязан властями.

— Чем вы предлагаете его заменить?

— Может быть, выражением «радикальная активность»? Это, конечно, радикально — взять и взорвать дамбу. Но радикально — и выкорчевать тропический лес. Радикально — слить в море миллионы галлонов нефти. Радикально — сидеть и смотреть, как вымирают редкие животные. И тесное сращивание американского правительства с нефтяной индустрией — это тоже радикально. Все просто зависит от того, под каким углом ты на это глядишь.

— А почему тогда вы решили показать в «Ночных акциях» радикальную активность защитников природы?

— Меня увлекла моральная дилемма: если ты убежден в том, что человечество погибнет из-за того, что крупные концерны не остановятся ни перед чем ради наживы — то можно ли закрыть глаза на то, что в борьбе с системой случайно погибнет пара человек? Ответ не прост.

сто невозможно. «Флот Нептуна» знал свое дело!

Конец этой истории, казалось всем, положил Международный суд в Гааге. В 2013 году он признал, что Япония незаконно ведет добычу китов в антарктических водах. Число научных публикаций, подготовленных в стенах пресловутого института, ничтожно мало по сравнению с количеством китов, которых добывают его «сотрудники».

Однако победителями в этой тяжбе оказались не экологи. Ведь их японские противники представили новую программу исследований, для которых опять нужны киты. И, начиная с этого года, им разрешено «в полном объеме» вести отлов китов. Винаватыми в прежних неудачах были признаны экологи. Именно они мешали «ученым» выполнить намеченные планы. «Поэтому работу необходимо продолжить».

В октябре 2014 года руководители Sea Shepherd решили начать операцию Icefish — взяться за защиту рыбы, которая обитает в антарктических водах. Борьба продолжается.

Экологический терроризм — неизбежная реакция на массовое уничтожение природы в XX веке. На стремительную глобализацию последних десятилетий. Власть транснациональных концернов так велика, что перед ней кажется ничтожной власть многих правительств. Зачастую концерны не считаются с законами об охране природы, действующими на той или иной территории. Если законы стесняют их работу, они беззастенчиво нарушают их. Если законы «препятствуют экономическому росту», виноваты законы. В этом их поддерживают и оправдывают многочисленные лоббисты.

Защитникам природы все труднее добиваться даже соблюдения закона (!), оставаясь, прибегнем к языку крючкотворов, «в правовом поле». Их призывы игнорируют власти, их требования не озвучивают СМИ. Баррикады, пикеты, ночные акции — вот их удел. Наиболее ра-

дикальные активисты переходят к насилию. Вокруг них создаются свои боевые группы.

Противники радикальных экологов замечают, что те больше любят природу, чем людей. Что людей они, на самом деле, презирают. Ведь, что бы ни делал человек, от этого непременно пострадает природа. Ведь человек что-то строит, производит. Он — «живая машина», потребляющая природные богатства, перерабатывающая их. Человек, стало быть, опухоль на теле природы. Если людям с таким мировоззрением дать волю, они будут третировать других, подавлять любую их активность, лишь бы в природе — вокруг них — ничего не менялось.

А как же иначе! Ведь люди совершили роковую ошибку, создав промышленную цивилизацию. Это — путь, ведущий в тупик. Мы покинули тот патриархальный мирок, тот райский сад, где все нужное нам давала Земля — ее поля и пастбища. Мы научились изготавливать множество бесполезных вещей. Мы перерыли кладовые Земли, выкрав оттуда ее припасы, чтобы мастерить из них бесполезные вещи — вещи, без которых десятки тысяч лет обходились наши предки. И мы передрались из-за этих припасов потому, что нам казалось, что их не хватит.

Будущее должно стать примитивным. Иначе оно будет никаким. Или — без всяких околичностей — иначе его не будет. Нужны киты, а не концерны, леса Амазонии, а не шоссе Амазонии.

Однажды во Франции мальчики, начитавшиеся руссоистских lamentаций, выросли и совершили Великую революцию. Стали якобинцами и жирондистами, превратились в сторонников Дантона, Шометта и Бабёфа.

Однажды в России подобные фанатики расшатали и подорвали царскую власть. Мыслимо ли, что группы антиглобалистов, к которым неминуемо примыкают экологи, когда-нибудь подорвут власть концернов (прежде всего, сырьевых концернов), воцарившуюся в мире?

Столкновение пузырей вселенных...

Для проверки гипотезы мультивселенной и соотнесения ее с реальным наблюдаемым миром, канадские физики создали компьютерную программу, описывающую столкновение космологических пузырей. Гипотеза о мультивселенной предполагает наличие множества миров: в каждом таком мире существует определенный набор фундаментальных констант и связанных с ними законов природы. Наша Вселенная в этой концепции является только одним из таких миров. В свою очередь, космологический пузырь — модельный объект, в терминах которого возможно описание зарождения и эволюции отдельных вселенных в рамках гипотезы мультивселенной. Первоначально такое описание связано с задачей из статистической физики о зарождении пузырей новой фазы, в которой рассматривается их динамика и взаимодействие друг с другом.

Ученые надеются с позиции стороннего наблюдателя отследить процессы, происходящие при столкновении двух пузырей вселенных. В частности, они планируют имитировать столкновения пузыря нашей Вселенной с другим. Для моделирования необходима информация только о силах притяжения и материи, присутствующих в подобных объектах. Исследователи также рассчитывают выявить среди моделей вселенных реалистичные, которые могут иметь отношение к действительности.

Ученые считают, что их работа позволит сделать отдельные положения гипотезы мультивселенной доступными для экспериментальной проверки.

Информация об исследовании — на сайте Окружного института теоретической физики в Ватерлоо

Образование аминокислот в космосе воспроизвели на Земле

Группа американских и британских ученых провела эксперимент, призванный выяснить, какие аминокислоты

могут синтезироваться из простых соединений в результате падения метеоритов на поверхность ледяных спутников или комет. Для этого в Университете Кента была создана установка, позволяющая выстреливать в мишень метательным орудием с космической скоростью в 2–7 километров в секунду. Лед пропитывали простейшими веществами (углекислотой, формальдегидом и другими), которые встречаются на поверхности комет и других небесных тел. Образцы расстреливали в вакуумной установке стальными пулями, а затем получившиеся соединения анализировали с помощью масс-спектрометрии.

Оказалось, что локальное шоковое разогревание, которое имеет место во время падения метеоритов, должно сопровождаться синтезом довольно сложных соединений. Так, ученые обнаружили в образцах «расстрелянного» льда природную аминокислоту аланин, а также следы аминокислот, которые не входят в стандартный набор: изовалин и 2-аминомасляную кислоту. Интересно, что аланин был найден в равных долях как в своей «биологически правильной» L-стереоформе, так и в D-форме, которой нет у живых организмов. Это говорит о том, что синтез при помощи взрывов не может объяснить проблему происхождения хиральной ассиметрии у первых живых организмов.

Ранее было установлено, что аминокислоты могут синтезироваться при шоковом разогревании в бескислородной атмосфере газовых смесей. А компьютерное моделирование также показывало возможность синтеза природных аминокислот во льду при падении метеоритов.

Исследование опубликовано в журнале Nature Geoscience

На Марсе были озера!

Марсоход НАСА Curiosity обнаружил новые доказательства существования озера на Красной планете. Собранные результаты исследований породы горы Шарп, по данным Лабо-

ратории реактивного движения в Пасадене (США), позволяют говорить о том, что на поверхности Марса существовали обширные озера. Кроме того, ученые полагают, что атмосфера Марса могла поддерживать температуру выше нуля градусов.

Ученые обнаружили, что порода не однообразна, а состоит из различных слоев, причем некоторые из них были образованы под воздействием воды и ветра в течение миллионов лет. Предполагается также, что 3,8 миллиарда лет назад горы Шарп на Марсе не было, а на ее месте находилось крупное озеро или цепь водоемов.

Как отмечают специалисты, чем выше поднимется Curiosity, тем больше экспериментов можно будет поставить и понять, какие изменения происходили в этих озерах. Возможно, в ходе последующих исследований удастся найти следы существования форм жизни на Марсе.

Информация Лаборатории реактивного движения в Пасадене

Древнейшие следы зрения у позвоночных

Палеонтологи впервые обнаружили окаменелости палочек и колбочек — светочувствительных клеток сетчатки глаза (днем «работали» колбочки, а в сумерках — более чувствительные палочки). Эти клетки принадлежали рыбе *Acanthodes bridgeyi*, обитавшей в морях Земли в конце каменноугольного периода — 300 миллионов лет назад. Ее останки были найдены в геологической формации Гамильтон (штат Канзас). Ученые предполагают, что данное позвоночное животное, которое считается последним общим предком современных челюстноротых, уже могло обладать цветным зрением — именно палочки указывают на это.

Знания ученых об эволюции зрения позвоночных очень отрывочны: в палеонтологической летописи сохраняются кальцифицированные роговицы (наружные линзы) фасеточных глаз членистоногих, однако мягкие ткани

глаз и мозга обычно разлагаются сразу после смерти.

Исследование представлено в журнале Nature

Рубила из Армении повлияли на представления ученых о технологическом прогрессе

Артефакты из Армении, возраст которых определяется в 327 тысяч лет, продемонстрировали ученым, что новые технологии среди первобытных людей возникали самостоятельно и, фактически, постоянно, а не расходились из региона, где их впервые изобрели.

Тысячи орудий нашли в комплексе Нор Гехи 1, где между двумя лавовыми потоками сохранился тонкий слой древней почвы. Находки датируют промежуток 325–335 тысяч лет назад, и среди них присутствуют изделия, характерные для двух технологий: бифасы (рубила) и орудия индустрии Леваллуа (более тонкие и остроконечные). Археологи считают переход от грубых и тяжелых бифасов к изделиям Леваллуа признаком начала среднего палеолита (примерно 300 тысяч лет назад).

Традиционно считалось, что индустрия Леваллуа была изобретена в Африке, а в Евразию попала в ходе миграции первобытных людей с одного континента на другой. Эта теория приравнивает технологические изменения к демографическим. Однако находки в Нор Гехи 1 указывают на то, что два способа обработки камня могли сосуществовать в рамках одной культуры, а местные жители сами постепенно научились изготавливать более эффективные и легкие орудия нужной им формы.

Кроме того, как показал химический анализ нескольких сотен артефактов из обсидиана, обитатели стоянки работали с камнем, принесенным издалека (за 120 километров от Нор Гехи 1). Таким образом, уже в то время предки человека активно обследовали обширные территории с разнообразным ландшафтом.

Статья опубликована в журнале Science

Сергей Ильин

Спор продолжается

В лагере климатологов — некоторое замешательство. Начиная с 1998 года, глобальное потепление почему-то приостановилось. С середины 1950-х и до конца 1990-х годов среднепланетные температуры росли вровень с ростом содержания CO_2 в атмосфере, но с 1998 года эта связь прервалась. Выброс тепличных газов продолжается, а среднегодовые наземные температуры не растут. Вот уже несколько лет климато-скептики восторженно ликуют, а серьезные ученые ищут, не покладая рук. Они говорят, что у них нет сомнений в том, что это лишь пауза, но им важно знать ее причину; от этого зависит ее возможная длительность.

Одной из таких причин мог быть временный спад приходящей на Землю солнечной радиации. Во-первых, последний период солнечных пятен по непонятным причинам затянулся на 13 лет вместо обычных 11-ти, а во-вторых, за этот же период на Земле было несколько крупных вулканических извержений, которые выбросили в атмосферу гигантское количество частиц серы и другой пыли, дополнительно отражавшей солнечные лучи. Земля в последние годы явно «недополучала» солнечное тепло, — говорит цюрихский климатолог Кнутти. Действительно, с 2000 года было 17 таких (больших и малых) извержений. Однако расчеты одной из исследовательских групп показывают, что этот фактор мог вызвать лишь 15% наблюдаемого «недогрева».

Другая группа исследователей сообщила в журнале *Nature*, что нашла еще один возможный механизм похолодания. Эти ученые обнаружили, что сосновые леса испускают специфические «запаховые» молекулы, которые

жадно осаждаются на любых микропылинках, носящихся в воздухе, и способствуют прилипанию к ним новых пылинок, что ведет к образованию еще одного отражательного слоя над Землей — слоя аэрозолей (коллоидальной смеси твердых частиц, которая вызывает смог, туман и тому подобное). Исследования этой группы показали, что глобальное потепление постепенно усиливает метаболизм в сосновых лесах, из-за этого испускание этих специфических молекул с каждым годом усиливается, а это ведет к росту аэрозолей и ко все более заметному «охлаждающему» эффекту. Но сами авторы согласны, что и этот механизм не может объяснить приостановки роста температур в последнюю декаду.

Наиболее эффективной возможной причиной такой паузы многие климатологи считают феномен Ла-Нинья. Феномен этот, как известно, является противоположностью Эль-Ниньо, и оба они меняют состояние атмосферы и воды в восточной части Тихого океана. В периоды Эль-Ниньо давление в этом регионе повышается, вода в его восточной части нагревается и возникают течения, несущие эту теплую воду на запад; поэтому холодная вода из глубин не поднимается к поверхности, и это потепление постепенно проявляется в повышении глобальной температуры. Эль-Ниньо повторяется в среднем каждые пять лет и продолжается несколько месяцев, но иногда тянется около двух лет. В 1998 году этот феномен проявился особенно сильно, что способствовало рекордно высоким температурам. Ла-Нинья, как уже сказано, создает обратный эффект. Обычно Ла-Нинья возникает в промежутках между периодами Эль-Ниньо, но ин-

тересно, что после рекордного теплого 1998 года в Тихом океане установилась столь же рекордная череда «холодных периодов» Ла-Нинья, продолжающаяся почти без перерыва вот уже 15 лет подряд (единственный перерыв был в 2002–2004 годах), то есть столько же, сколько длится нынешняя «пауза» в глобальном потеплении. Это совпадение побудило климатологов внести коррективы в свои климатические модели. В статье, опубликованной ранее в журнале *Nature*, сообщено о найденном более точном методе расчета изменения глобальных температур, учитывающем возможную роль Эль-Ниньо и Ла-Нинья. Расчет показал, что учет этих явлений приводит к полному согласию между предсказаниями модели и наблюдаемыми событиями. Хотя эти явления затрагивают всего 8,2% всей земной поверхности, их учет замечательно объясняет всю кривую среднегодовых температур с 1970 по 2012 год, включая нынешнюю паузу.

Этот вывод был подкреплён опубликованными там же результатами еще одной группы, которая показала, что все эти последние годы имели место беспрецедентно сильные пассатные ветры вдоль экватора, которые переносили атмосферное тепло вдоль всего Тихого океана, так что он мог поглощать большее количество тепла, чем обычно, и это сохраняло более низкую наземную температуру, несмотря на продолжающийся нагрев атмосферы. В целом, говорят авторы, воздействие Тихого океана может объяснить более половины «потерянного» за эти годы тепла. Однако в августе 2014 года в журнале *Science* появилась статья китайских ученых, которые утверждают, что главную роль в температурной паузе сыграл не Тихий, а Атлантический океан. Эти ученые собрали миллионы (!) данных о температуре и солености всех океанов, начиная с 1970 года, на 24-х последовательных глубинах от поверхности и до полутора километров вглубь. По этим данным они высчитали, как менялось за это время «тепловое содержание» разных океанов. По их расчетам, во время нынешней температур-

ной паузы Атлантика (на глубине от 300 до 600 метров) вобрала в себя больше тепла (и тем самым больше способствовала наземному охлаждению), чем все остальные океаны вместе взятые. Это накопление тепла, по мнению авторов, происходило за счет ускорения так называемого «мирового конвейера», который состоит в том, что соленая тропическая вода, обойдя Африку, идет в северную Атлантику и там тонет, принося с собой свое тепло. Авторы нашли, что этот перенос тепла из других океанов в Атлантику был рекордно мощным с конца 1990-х по 2006 год. В то же время, всасывание внешнего тепла в южной части Тихого океана было, по их данным, на удивление малым.

Спор между климатологами все еще не завершен и причины Великой Паузы нельзя считать окончательно ясными. Есть и совсем радикальные идеи: например, в одной из них утверждается, что пауза эта — вообще кажимость, вызванная неполнотой глобальных данных, недоучитывающих тенденции в некоторых важных регионах планеты. Но даже если пауза реальна (в чем сходятся большинство ученых), она не говорит (вопреки мнению климато-скептиков) о прекращении глобального потепления. Подобные, хотя и более короткие, паузы уже происходили несколько раз в прошлом. Все новые расчеты единодушно говорят, что по окончании паузы рост температур должен возобновиться с еще большей скоростью. Как констатировал отчет Всемирной метеорологической организации, опубликованный в марте 2014 года, даже если рост наземных температур в последнюю декаду несколько замедлился, то само глобальное потепление продолжалось — просто с 2000 по 2013 год океаны вобрали в себя втрое (!) больше тепла, чем за предыдущие 20 лет, и тепло это ушло в более глубокие слои. Когда океаны, насытившись, начнут отдавать это тепло, радостно, увы, не будет.

История с историей

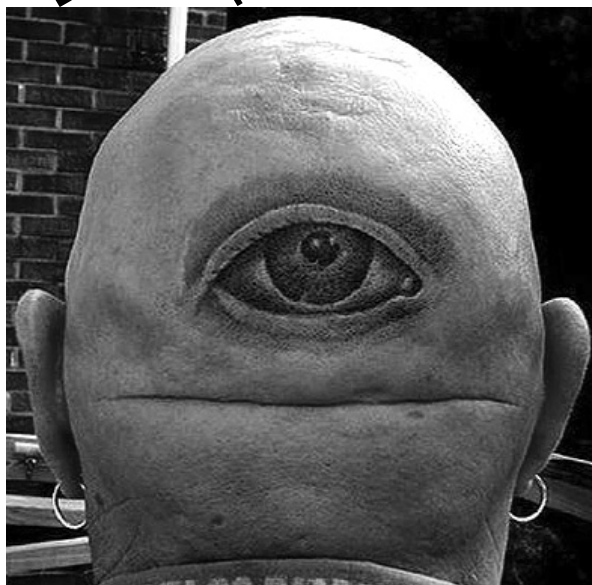
ГЛАВНАЯ ТЕМА

Все мы живем внутри своих стран и сопоставляем себя с другими странами довольно редко, порой даже не догадываясь о единстве многих процессов, идущих у соседей с некоторыми вариациями, иногда очень нравоучительными. Болезненно переживая кампанию стремительной политизации исторической науки в XXI веке в России, особенно представленной в СМИ и в школе, мы даже не знаем, что в то же время примерно то же самое происходило – и продолжает происходить – в уже не слишком братских постсоциалистических государствах Центральной и Восточной Европы. А между тем, после распада социалистического лагеря, у историков началось интеллектуальное пиршество: открылись архивы, множество документов впервые оказалось в их руках. «Результаты их анализа вошли в официальный язык, в учебники», – говорит известный историк Алексей Миллер. «Архивная революция» изменила общественное сознание. Мы сегодня могли бы почитать об этом – например, в городских и сельских библиотеках, которые прежде исправно получали прессу от соседей. Могли бы обсудить прочитанное в той же библиотеке с участием приглашенных экспертов. И, может быть, могли бы чему-то научиться на опыте других стран. Нынче, к сожалению, такая форма досуга не принята. Мы попробуем восполнить этот пробел и предоставить вам такую возможность. Всем европейским странам социалистического лагеря после выхода из него пришлось столкнуться сначала с трудностями экономическими, потом – осознать как проблему потерю прежнего представления о себе и искать (или/и конструировать) новый образ себя. И еще с попыткой сконструировать этот образ из исторического материала так, чтобы в прошлом осталось лишь то, чем можно гордиться, и куда-нибудь делось то, чего нужно стыдиться. Это называется – историческая политика. Это когда историю вашей страны переписывают политики. Посмотрите, как это было в Польше и Венгрии. И как пытаются честно выстроить эту историческую политику в Эстонии. «Историческая политика в XXI веке» – так называется сборник статей историков из Польши, Венгрии, Молдавии, Украины, Японии, Германии и России, посвященный сложной судьбе исторической науки в бывших социалистических странах после распада социалистического лагеря (М., Новое литературное обозрение, 2012 год). В ближайших номерах мы продолжим этот разговор – уже о России.

Главную тему подготовила **Ирина Прусс**

Политические приключения исторической науки

О том, что такое «историческая политика» и какие она успела проделать зигзаги на исторически очень маленьком отрезке нового ве-

ка, с одним из научных редакторов сборника, доктором исторических наук, профессором РГГУ, ведущим научным сотрудником Института научной информации по общественным наукам РАН **Алексеем Ильичом Миллером** беседует наш корреспондент.

— Слово «исторический» всегда смущает двойным смыслом. Исторический — как выдающийся, претендующий на то, чтобы войти в историю, в школьные учебники по истории: исторический вклад, политический поворот, который войдет в историю под именем... и так далее. А еще — история как цепь событий, как прошлое, в котором участвовали наши отцы, деды и прадеды. И еще — исторический, как принадлежащий исторической науке, на ее пространстве разворачивающийся: тогда это политика, на-

правленная на историческую науку. Так что такое — «историческая политика», о которой идет речь в сборнике?

— Конечно, имеется в виду последнее. Точнее — политика, не столько направленная на историческую науку, сколько использующая ее в политических целях, в целях пропаганды определенной идеологии. Другими словами, речь идет о политизации исторической науки как на уровне исторических исследований, так и на уровне распространения исторических зна-

ний в СМИ, в учебниках и так далее.

Впервые это словосочетание прозвучало в адрес Гельмута Коля, канцлера ФРГ, который в начале 1980-х решил, что необходимо пересмотреть некоторые ключевые трактовки недавнего прошлого Германии, чтобы укрепить немецкий патриотизм (и заодно упрочить тем самым победу своей партии над партией социал-демократов). Разразилась ожесточенная дискуссия, которую называют «сражением историков». На волне критики и появилось язвительное: «историческая политика» (*Geschichtspolitik*) — сторонники Коля никогда не употребляли это понятие по отношению к себе и своим действиям.

Но эти же слова: «историческая политика» — прозвучали в Польше в 2004 году совершенно серьезно, без всякого иронического подтекста, обозначая новый поворот к политизации исторического знания. Вскоре понятие было подхвачено всеми постсоветскими странами Восточной Европы.

— *Разве в других странах, без социалистического прошлого, историю не стремятся политизировать?*

— Согласен, тенденция политизировать историю глобальна. Скорее всего, каждый отдельный элемент исторической политики в странах Восточной Европы в последние десять лет можно найти и в других регионах мира, а каждая восточноевропейская страна выстраивает эти элементы немного по-своему. Но сочетание всех этих элементов политизации истории в одном регионе уникально, активность, с которой здесь формы и методы исторической политики страны заимствуют у соседей; эскалация этой политики в сферу межгосударственных отношений — все это создает для ученых особый, новый предмет исследований.

— *Что тут нового? Мы за годы советской власти привыкли к такой политизации истории, какая и не снилась нынешним мудрецам...*

— Это верно, но невозможно все выводить из наследия социализма, как и из татаро-монгольского ига и крепостного права. В первые же годы распада социалистического лагеря все белые пятна, которыми изобиловало про-

шлое входивших в него стран, начали быстро заполняться и были рассмотрены историками с достаточной тщательностью: огромный пласт документов впервые стал им доступен. А, быть может, главное — политикам в первые постсоветские годы было не до ученых, никто не мешал им работать. Насущной идеологической задачей в то время было покончить с коммунистическим прошлым, открывшиеся архивы предоставляли для этого обширный материал. Результаты его анализа вошли в официальный язык, в учебники, новые понятия вроде бы укоренились в общественном сознании. Старые памятники в основном были повержены, новые же, отражающие, в меру понимания их создателей, национальную гордость, водружены.

А примерно в середине нулевых произошел резкий поворот уже в постсоветской истории этих стран.

— *Почему именно тогда и — главное — почему почти одновременно у всех наших постсоциалистических соседей (включая, между прочим, и нас самих)?*

— Новый строй жизни установился, у многих из наших европейских соседей началась более или менее нормальная политическая жизнь — с конкурентной борьбой за власть, с реальными выборами; другие страны стремились к этому, или хотя бы старались создать видимость демократии. История, прошлое — один из инструментов воздействия на электорат, завоевания симпатий многих и многих. Какой же политик упустит такое?

— *Вы не видите в этом повороте возврата к старому, к политическим манипуляциям советского типа с историей?*

— Конечно, прежние интеллектуальные привычки и рефлексy так или иначе проявляются во всех восточноевропейских странах. Но это происходит в принципиально иной ситуации. Ни одно из государств, даже если такое желание и возникает, теперь не смеет открыто претендовать на восстановление такого контроля, который был в советские времена. Нигде нет центра, способного осуществлять прежний тотальный контроль над всей сферой политики, науки, общественной и профессио-

нальной жизни: достаточно вспомнить об интернете. На политической арене восточноевропейских стран сегодня действуют разные игроки, у каждого свои планы, идеи, методы. Историческая политика здесь представляет собой качественно новый набор практик политического использования истории, характерных именно для плюралистических, некоммунистических обществ. Другое дело, что в этих обществах характер политических режимов и гражданского общества существенно отличается от старых демократий Западной Европы.

— *Но разве поворот к исторической политике не означает как раз стремление государства вновь прибавить к рукам прошлое своей страны, точнее, память о нем, и моделировать его, имея в виду сиюминутные политические надобности? Кажется, мы это всё проходили целых 70 лет...*

— Стремление такое у властей, несомненно, есть, но оно нереализуемо в полной мере.

— *Вы уверены?*

— Конечно. Изменились методы, которыми власть пытается влиять на образ прошлого в общественном сознании, что-то убрать из него, а что-то, наоборот, возвеличить, пытается влиять на профессиональную работу историков. Изменились способы сопротивления этим попыткам как научного сообщества, так и гражданского общества. Я не склонен преувеличивать мощь этого сопротивления — но оно возможно и оно явно есть.

Именно политическая природа «исторической политики» заставляет отказаться от формулы «Кремль (польское/венгерское/молдавское и так далее правительство) хочет, велел, постановил, требует» и обратиться к реально действующим силам, институтам, лицам, которые действуют на политической сцене и, конкурируя за влияние, вынуждены доказывать, что именно они наиболее полезны стране со своей интерпретацией отечественной истории.

— *И как же они это доказывают?*

— Идеология исторической политики поразительно похожа во всех странах Восточной Европы. Она опирается на

четыре главных постулата. Во-первых, история и память о ней — арена борьбы с внешним и внутренним противником; следовательно, «история слишком важна, чтобы оставлять ее историкам» — их должны постоянно держать под контролем люди, более искушенные в политике. И нечего им ссылаться на профессиональную этику, претендовать на свободу ученого от политики.

Постулат второй: «все так делают» — принципы функционирования общественных наук в демократических странах всегда и всеми нарушаются, значит, и нам можно. Через некоторое время «неизбежность» превращается в «необходимость», а «зло» незаметно растворяется, превращаясь в добродетель.

Третье: долг историков — противостоять «вредным» для отечества интерпретациям истории, которые навязываются внешними врагами; соответственно, полемика с оппонентами внутри собственного сообщества заменяется обвинениями в пособничестве врагу и предательстве национальных интересов (определять которые, разумеется, может только политик). Так разрушается пространство для диалога по проблемам истории и плодотворные общественные обсуждения прошлого как общего достояния. Диалоги через границы, которые порой называют «диалогом национальных историографий», сводятся в таком случае к жарким перепалкам, в которых никто не стремится ни понять, ни убедить оппонента. Подобные дискуссии только нагнетают конфликты между странами и адресованы они в основном аудитории собственных стран. Последствия такого подхода крайне разрушительны и для профессионального цеха историков, и для общественной морали в целом. В обществе насаждается убеждение, что стремиться к объективности в исторических исследованиях может только или человек наивный, или фарисей, скрывающий за камуфляжем неизбежную национальную или партийную ангажированность.

В замечательном исследовании Голодомора как специфической формы культурной реальности отечественный ученый Георгий Касьянов перечисляет ее «родовые признаки»: конфронтаци-

онность; элементы ксенофобии; доминирование идеологии над наукой; акцент на страдальческой, мученической миссии собственной нации; сакрализация ее страданий; отождествление нации с телом, организмом; преобладание моралистической риторики; оправдательный пафос, возлагающий ответственность за зло на внешние силы, прежде всего на московский коммунизм. Все девять признаков этого синдрома неизменно обнаруживаются в определенном рода работах и дискуссиях в рамках исторической политики во всех странах Восточной Европы.

Наконец, оправданием исторической политики служит якобы плачевное состояние патриотизма и преподавания истории в школе. По этой причине предлагается (временно) принести в жертву плюрализм в учебниках и концепциях, чтобы «дети знали хотя бы главные вещи». Главное — разумеется, не критическая гражданская позиция, а воспитание патриотизма на материале истории, очищенном от темы вины представителей собственного сообщества и сосредоточенном на победах и страданиях своей нации.

— *Прежние, социалистические власти тоже внимательно присматривали за интерпретацией истории в СМИ и в школьных учебниках; только они больше были сосредоточены на классовости — фундаментальной понятии марксизма-ленинизма, а нынешние власти больше пекутся о величии нации. Вся разница в самой доктрине, которой теперь следует придерживаться?*

— Я все-таки настаиваю на том, что главная разница не столько в содержании исторической политики, сколько в том, кто и какими методами ее продвигает. Доктрина сегодня не одна, поскольку партий, движений много, и все так или иначе участвуют в политической жизни страны. Конечно, власть располагает значительным административным ресурсом, и все же, чем более демократична восточноевропейская страна, тем богаче и разнообразней палитра программ, направлений, мнений и тем ограниченной власть в навязывании своего прочтения про-

шлого как единственно возможного и «правильного».

Восточноевропейские страны сегодня демократичны в очень разной степени. В Польше или Венгрии, например, мы имеем дело с пусть недостаточно зрелой и несовершенной, но относительно полноценной демократией, стабильность которой обеспечивается, в том числе, и мощным внешним фактором — влиянием институтов ЕС. В Украине или Молдове — плюралистическая система, в которой исход выборов не всегда предreshен теми, кто контролирует власть в момент подсчета голосов, но при этом демократические институты весьма неразвиты и неустойчивы. Россия и Белоруссия — авторитарные государства, Белоруссия во многом демонстрирует сходство с жесткими авторитарными режимами Центральной Азии. Все эти различия, безусловно, отражаются и в особенностях исторической политики разных стран в годы их пост-социалистической истории.

— *Прежде было достаточно высокому (и не очень высокому) начальству выразить недовольство излишней объективностью ученого-историка, чтобы его возможности работать стремительно сократились, иногда он просто лишался работы, а в лихие времена мог лишиться и свободы, и жизни. Какими методами пользуются сегодня политические оппоненты на исторические темы?*

— Политические партии создают институты, субсидируют проекты, близкие им по интерпретации исторических событий. Это не противоречит демократическим нормам; только в восточноевропейских странах чаще всего в ход идут бюджетные средства, деньги налогоплательщиков — а вот это уже противозаконно. Спонсорство должно быть прозрачным, но в этих странах оно таким не становится. Причем зачастую историки, работающие в таких институтах, получают гораздо более высокую зарплату, чем их коллеги, не удостоенные особых забот той или иной политической организации, имеющей доступ к бюджету.

Политическое вмешательство в работу СМИ бывает не только в восточноевропейских странах — об этом можно прочесть в статьях сборника о Японии и

Турции. Но там это по крайней мере стараются делать тихо, а когда не получается, — неминуем громкий скандал; в странах бывшего социалистического лагеря такая практика скандалов не вызывает, она считается вполне допустимой или хотя бы неизбежной.

Постоянны манипуляции архивами: по закону обязанные стать доступными, они частично закрыты до сих пор и доступ к ним выборочный: только для «своих». Наконец, политическое вмешательство в содержание учебников и программ по истории, вплоть до открытого нарушения закона.

Общее для всех этих методов — использование государственных, административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей партии.

— *Опять все вполне узнаваемо. А что может противопоставить такому мощному давлению сообщество историков?*

— Кое-что может. Авторы сборника прослеживают судьбу организаций, созданных для того, чтобы охранять и сохранять объективность исторических исследований, чтобы скрываемые прежде архивы спецслужб сделать доступными для всех — и для ученых, и для детей и внуков людей, пострадавших от политических репрессий как при социализме, так и во время немецкой оккупации. Новые формы сопротивления давлению политиков страны часто заимствуют друг у друга — иногда по сути, иногда, увы, только по названию. В Польше возник Институт национальной памяти, при создании которого учитывался опыт немецкой Комиссии Гаука*. К сожалению, перенесенный на украинскую почву, Институт превратился в собственную пародию: вместо того что-

бы стать хозяином архивов коммунистических служб безопасности, он стал просто подразделением нынешней службы безопасности Украины.

Как редактору, мне особенно дороги статьи Джона Пола Химки и Дианы Думитру, которые на собственном опыте демонстрируют возможные стратегии сопротивления отдельного историка исторической политике, говорят о цене, которую за это неизбежно приходится платить. Их позиции различаются степенью бескомпромиссности, но в обоих случаях авторам удалось существенно повлиять на дискуссию по ключевым проблемам исторического сознания в их сообществах. В ряде стран, например, в Польше, профессиональные историки организованно противодействуют политическому давлению, отстаивают свою независимость в СМИ. Иногда историческая политика наталкивается на сопротивление традиционных научных структур, например Академии наук — чаще в завуалированной форме саботажа. Но в целом в Восточной Европе попытки политиков вторгнуться в сферу преподавания и общественного функционирования истории не встречают достаточно сильного сопротивления.

Это особенно ясно видно в сравнении, например, с Англией, где интенсивные дебаты о преподавании истории в школе идут уже более двадцати лет, и темы национальной идентичности и государственности занимают в них важное место. Политики участвуют в этих дебатах довольно активно, но ведущей роли они не играют. Она принадлежит таким мощным организациям, как Национальный совет по школьным программам и Ассоциация школьных учителей, готовым жестко отстаивать свою независимость. Политики не могут навязывать собственную повестку дня, а вынуждены, если хотят «заработать очки» у избирателей, участвовать в профессиональной дискуссии и следовать ее правилам, то есть обсуждать весьма сложные и неоднозначные вопросы преподавания истории как общественного достояния по существу, без примитивных политических лозунгов и травли оппонентов.

* Йоахим Гаук возглавляет организацию «Против забвения — за демократию», которая борется с экстремизмом, выступает в защиту демократических ценностей и изучает тоталитарные режимы в германской истории. Он участвовал в немецком издании «Черной книги коммунизма». Накануне объединения Германии он стал специальным уполномоченным по работе с архивами госбезопасности ГДР (Штази) и оставался на этой должности до 2000 года. Сама организация получила неофициальное название «Комиссия Гаука».

ЕДВАБНЕ

Так называется местечко километрах в ста от Варшавы, в котором много лет жили рядом поляки и евреи. Соседи. Но однажды – 10 июля 1941 года – поляки напали на евреев и перебили их. Почти всех. И не просто перебили.

Евреев, прячущихся за кустом или за кучей угля, вытаскивали из укры-

тия, хватали убегающих в поле, били ногами согнанных в толпу, бросали в идущих на смерть камнями, плевали в них, обзывали и смеялись над ними. Потом загнали в сарай и сожгли. Живого.

Сделали это поляки, немцы только наблюдали и фотографировали – не то для отчета, не то на память.

Наверное, и то, и другое: немцы любили фотографировать.

Они пришли сюда на смену советским войскам, которые прежде заняли Едвабне по пакту Молотова-Риббентропа. Тогда многие польские семьи были высланы в Сибирь. Потом пришли немцы, потом их выгнали и война закончилась. Польша стала частью социалистического лагеря, ожесточенно билась за выход из него и из социализма, с подпольем, в котором пребывало большинство поляков, с открытыми выступлениями «Солидарности» и рабочих Гданьска, пока генерал Ярузельский не ввел чрезвычайное положение, чтобы у СССР не было повода ввести в страну свои войска.

Потом социалистический лагерь распался, как и СССР. Началась новая постсоциалистическая жизнь.

О Едвабне забыли. История спрямилась: советские войска по пакту Молотова-Риббентропа, гитлеровские войска, советские войска и построение социализма. Поляки страдали и сопротивлялись. Примерно так описывает предысторию широкой дискуссии об этой трагической истории статья в представленном сборнике.

В 2000 году в Америке вышла книга Яна Гросса, польского историка, профессора Принстонского университета (США), «Соседи». О Едвабне.

Книга небольшая, очень хорошо написанная, одновременно историческое исследование, основанное на показаниях послевоенных уголовных процессов по делу Едвабне, на воспоминаниях нескольких выживших евреев, на интервью с тогда еще живыми свидетелями событий, — и эссе, публицистика, где автор не скрывал ни своей позиции, ни своих чувств. Книга вызвала настоящую бурю.

В статье «Польские споры об истории в XXI веке» в представляемом сборнике историк Роберт Траба пишет: «За последние двадцать лет в Польше лишь однажды удалось провести беспрецедентные дебаты об истории: это была дискуссия (2000-2002) о массовых убийствах евреев в

городке Едвабне в 1941 году. Их совершили по немецкой инициативе «польские соседи». На мой взгляд, ни одна из стран Центральной и Восточной Европы не проходила через подобную очную ставку с собственным прошлым... Впервые мы оказались непосредственно лицом к лицу с образом поляка — виновника преступления. Для одних это стало своего рода катарсисом народной совести, других укрепило в стремлении защищать «польскость» от угрожающих ей внешних врагов». Тысячи публицистических откликов. Научные исследования. Книги.

Историков, как замечает в том же сборнике автор отдельной статьи об этом трагическом эпизоде войны Мачей Яновский, особенно занимало несколько вопросов. Что именно в предыстории Едвабне могло хоть в какой-то мере объяснить это событие (антисемитизм был достаточно распространен в Польше, но, пожалуй, нигде более он не принял таких форм и такого размаха)? Каково было участие немцев: оно ограничивалось фотографированием, или они тоже уничтожали едвабненских евреев, или они были настоящими организаторами побоища? (В официальной истории войны все было списано на немцев, и в таком виде этот эпизод существовал в общественном сознании, занимая в нем, впрочем, совсем крохотный уголок.) Сколько именно погибло тогда людей? (Гросс, сам историк, протестовал против такой постановки проблемы: сколько бы их ни было, это оставалось преступлением против человечности, и те, кто вытаскивал евреев из их жалких укрытий, издевался над ними, были такими же преступниками, как и те, кто поджиг сарай.) Исполнители: кто были эти люди — элита местечка или «отбросы», социальное дно?

За несколько месяцев до выхода книги Гросса в Польше в газетах появилось несколько статей о Едвабне; в них были интервью с жителями городка, которые рассказывали о событиях довольно откровенно: «По-

сле того, что здесь творилось во время советской оккупации, трудно удивляться взрыву гнева поляков, направленного против евреев», — сказал один из жителей Едвабне. Позже журналист Анджей Качиньский говорил: «Правда о преступлении сохранилась в местной устной традиции. Парадоксально, что пока обстоятельства убийства евреев не были достоянием общественности, <...> местечко знало и передавало из уст в уста правду, а когда о ней заговорили все, то многие [жители Едвабне] стали ее отрицать».

Единственного ученого-историка, выступившего против книги Гросса и против всяких серьезных исследований на эту тему и всякой дискуссии по соображениям политическим — как против попытки опорочить честь поляков, их права гордиться своим прошлым и так далее, потом в местечке избрали своим почетным жителем. Политики же изобличали Гросса прежде всего в недостаточной научности, в эмоциональной предвзятости, но сами тут же переходили к аргументам, проникнутым эмоциями и не содержащим никаких рациональных оснований. Гросс, по их утверждениям, писал о том, что «поляки — это гитлеровские коллаборанты, которые подписывают соглашение с немцами в деле убийства евреев... В целом трудно удивляться преступной натуре поляков, ведь их духовными наставниками были служители като-

лического костела. Гросс упоминает только двоих, и оба предстают обычными преступниками...». Но Гросс никогда не выдавал свою книгу за чисто и строго научное исследование; это игнорируется его оппонентами, совсем не историками.

Есть еще группа воинственно агрессивных откликов. «Их «аргументация» (если уж мы делаем авторам честь, употребляя это слово) утомительно однообразна», — замечает М. Яновский. Это, разумеется, международный заговор против Польши, в основе которого лежит еврейская «полонофобия». Его сторонники называются людьми «польско-язычными», то есть не имеющими право на признание себя подлинными поляками. Еще пишут о космополитизме и либерализме как о главных врагах нации. Часто обращаются к «классической антисемитской аргументации, которая в принципе не слишком отличается от созданной европейскими правыми во второй половине XIX века».

Это все — политические игры. А как с вопросами, которые задавали сами себе ученые?

Вопрос первый, как помним, был: почему именно Едвабне? (Ответить на вопрос «почему?» значит в какой-то степени понять событие. Гросс в принципе отрицал его правомерность. Разве можно «понять» преступления нацизма: газовые печи, абажуры из человеческой кожи, кучи трупиков детей в состоянии «кожа да кости»? Точно так же, по мнению Гросса, невозможно — даже безнравственно — пытаться понять поляков, убивавших своих соседей. Мне, пожалуй, близка эта позиция; но тем не менее я с интересом читаю объяснения историков, все-таки искавших какие-то причины и следствия.)

Итак, довольно странное, на первый взгляд, объяснение: потому что Едвабне было чисто польским (точнее — польско-еврейским) местечком в регионе, оказавшемся по пакту Молотова-Риббентропа под советской оккупацией. В других местечках, рядом, большинство составляли

*В сентябре 1939 года
советские войска наряду
с фашистскими
вошли в Польшу*

литовцы или украинцы, их националисты стремились сотрудничать с немцами, в том числе и в уничтожении «своих» евреев: не потому, замечает польский историк Дариуш Столя, что они были антисемитами в большей степени, чем польские националисты, а потому, что очень хотели наладить отношения с немецкими оккупантами. Местные поляки были в конфронтации с украинцами и литовцами, дистанцировались от них и только в Едвабне свободно проявляли свой антисемитизм.

Может ли служить хотя бы некоторым оправданием (понять — значит оправдать?) коллаборационизм местных евреев по отношению к советским властям после 17 сентября? Оправданием жестокого погрома — конечно, нет, но объяснением — хотя бы частично: достаточно вспомнить, что многие польские семьи советская власть отправила в Сибирь, где многие погибли.

Какова была на самом деле роль немцев в этом событии? Оппоненты

историков часто утверждали, что немцы сами, своими руками уничтожили евреев городка, а потом свалили все на поляков; многие из них считали само предположение, что было иначе, оскорблением, проявлением крайнего полонофобства, а разбирательство — недостойным. Историки, наоборот, не сомневались, что все было сделано руками поляков (тому было слишком много доказательств и признаний), однако не были склонны сводить роль немцев в этой истории к позиции наблюдателей, любителей фотографии. Многие из них отмечали странный для обычного погрома ход событий: специально исследовавший именно этот аспект Дариуш Столя показал, что все шло очень организовано, а это совсем не характерно для обычного стихийного погрома. В классических погромах на Украи-

*Жертвы погрома**Захоронение убитых
в Едвабне*

не в 1918–1919 годах выжило около 80% евреев. «После «обыкновенного» погрома остается определенное количество убитых и еще больше раненых, а сам погром постепенно превращается в грабежи и пьянство. Идея убийства всех евреев находится за рамками воображения участни-

ков». Эту идею, считает Столя, жителям городка внушили немцы во время встречи в ратуше накануне трагедии – историк пишет об «инструктаже», на котором, очевидно, оговаривались все привычные в подобных случаях для фашистов действия в привычном порядке.

Кто именно из местных жителей принимал непосредственное участие в уничтожении евреев? Прямого

ответа на этот вопрос нет, поскольку жители городка категорически отказывались вспоминать о происшедшем после того, как Едвабне зазвучало по всей Польше. Но непомерная жестокость обращения с соседями, обычно не предполагавшаяся в «акциях» фашистов, которые шли четко по плану и без «лишних эмоций», заставляет предположить в исполнителях повышенную агрессивность, психологическую склонность к жестокости вообще. Учтите, это были добровольцы, а не люди, которые действовали по принуждению, по обязательному призыву, как жандармы, например. Если вспомнить почетное гражданство идеологически крайне правого историка Новака в Едвабне, можно предположить, что само мероприятие пользовалось в местечке достаточно широкой поддержкой.

Историки сделали свое дело: представили обществу один из драматических эпизодов в его прошлом в достоверных материалах. Повод задуматься. У всех осталась свобода интерпретировать этот эпизод так или иначе; но просто забыть его, вычеркнуть или извратить до противоположности теперь будет трудно.

Впрочем, как мы знаем по собственному опыту, вполне возможно.

Вскоре после того, как дискуссия пошла на спад, в отношении приближенных к власти политиков к истории собственного народа произошел радикальный поворот. Примерно тогда же он ясно обозначился и у нас.

Судя по всему, золотые дни исторической науки в Польше приходятся на то время, когда люди государственных были заняты реформами (которые, как и везде в постсоциалистических странах, должны были спасти экономику страны от полного разрушения мерами болезненными ровно настолько, насколько это было переносимо). Поляки оказались терпеливее многих: болезненные реформы шли быстро, резали «по живому», зато и относительно быстро дали положительный ре-

зультат. Возможно, и потому, что реформаторам хватило воли, и потому, что экономические реформы сопровождались политическими. И настроение поляков, интересовавшихся недавним и не очень недавним прошлым страны, было тогда такое, что помогало им услышать правду, только правду и ничего, кроме правды.

Когда новая власть почувствовала потребность в идеологической легитимации, оказалось, что в этой сфере ей опереться (привычным образом, как опиралась на идеологически истолкованный марксизм-ленинизм прежняя социалистическая власть) — не на что. Основоположники и сторонники польского варианта исторической политики объявили, что традиционная романтическая модель самовосприятия национальной общности разрушилась именно тогда. Другими словами, та модель, которая задавалась польскому обществу всей мощью государственных СМИ, школьных учебников и постановлений партии и правительства при социализме, вполне соответствовала традиционной польской модели. А ведь во многом благодаря ей польский народ сохранял культурное единство долгие годы до всякого социализма, когда территория страны была разтерзана на куски. Погубили все, как видится сторонникам этой модели, либералы со своими реформами и жадной наживы. «Акценты, — излагает главный их тезис Роберт Траба, — сместились с «народа» на «общество», с «однородного духовного тела» на плюралистическую, неоднородную структуру, в основе которой лежит не духовность, а «насушенные интересы». Следствием этого стало разложение (или, скорее, уничтожение) романтического национального канона, выстраивать который в условиях плюрализма «невозможно и необязательно». (Вам не кажется, что вы это уже где-то слышали? Не хватает только «духовных скреп».)

Успех новой-старой концепции «романтического прошлого» в среде

Бойцы польского подполья

самой широкой аудитории показал, по Трабе, что потребность в такой концепции была. Только я не уверена, что широкие народные массы приняли бы концепцию историков и критически настроенных публицистов, даже если бы она была сформулирована и предложена. Народ любит сказки, особенно те, что тешат его самолюбие.

Но Траба совершенно не согласен с тем, что именно плюрализация жизни в постсоциалистической Польше и свободный рынок не принесли с собой ничего, кроме падения идеалов и распада прежнего единства. Общество быстро втягивалось в механизмы свободного рынка, возникала новая конфигурация общественных отношений и связей. Возникло «единственное в своем роде пространство свободы для бунта провинций, новаторского движения «малых родин», для образования региональных сообществ». (Мы немного знаем об этой стороне преобразований. Между тем наделение регионов большими правами в отстаивании своих интересов и в выработке общих для страны планов и законов было очень важной частью реформ, не менее важной, чем часть экономическая; это было тоже «писание Польши заново»). Разрушали ли эти движения общность?

Нет, они становились альтернативой гибридному ПНРовскому патриотизму. Они не приводили к коммерциализации, а, напротив, предлагали польскому обществу на этапе модернизации новые ценности.

Но с той минуты, когда политики обратили пристальное внимание на историю своей страны, началось сильное течение назад, от критического патриотизма 90-х к романтизации памяти общества. Смена трендов особенно сказалась на деятельности Института национальной памяти (ИМП).

Он был организован с благой целью: отделить архивы социалистической службы безопасности от архивов современных служб свободной Польши «и тем самым не допустить, чтобы материалы «личных дел» использовались в политических играх». Политиков решили не допускать к архивам (это 90 погонных километров полок с делами, полученными и собранными сотрудниками Института), отдать их историкам для изучения, чтобы общество могло узнать всю правду о прошлом. Процедура назначения председателя была очень сложной, что делало его достаточно независимым, зато освобождало от давления властей — по крайней мере, так было задумано.

На самом деле с 2005 года ситуация резко изменилась (хотя процедура оставалась прежней). Архив стал почти закрытым для историков. Со сменой руководства началась эра политизации. Были опубликованы списки «тайных сотрудников» спецслужб ПНР. Народно-популистская коалиция, бывшая у власти в 2005–2007 годах, настояла на поправках к закону об ИМП: Институт получил право на люстрацию, и это сместило акцент в его деятельности с возмещения ущерба репрессированным на поиски агентов.

В это же время была разработана «политика памяти», основанная на тезисе, что плюрализм исторической памяти (то есть сохранение не только героических ее эпизодов, но и эпизодов, мягко говоря, неприятных для национального самолюбия) угрожает не только существованию государства, но и «понимаемому как отдельная сущность польскому народу». Отсюда был лишь один шаг до определения иных взглядов как «угрозы национальным интересам», «государственной измене».

Однако польские авторы четко обозначают рамки царства исторической политики: 2005–2007. Не так уж много (особенно по сравнению с нашей постсоветской историей). И даже в эти годы, несмотря на знакомые рычаги зарплат, интриг, попыток начальственных окриков, пространство свободы для исторической памяти сохранялось. Выходили статьи и книги, написанные с самых разных позиций. Шли научные исследования. Продолжалась бесконечная и всегда плодотворная общественная дискуссия о том, какая именно история нужна полякам. В эту дискуссию плавно перетекали споры о том, каким должен быть исторический музей Второй мировой войны: обращенным только к полякам — или не в меньшей степени обращенным к туристам, специалистам и всем интересующимся из разных стран. И не было бы правильным представить героическое польское подполье на фоне

героического подполья других оккупированных стран, на фоне всего, что в то же самое время происходило в Европе? И должен ли в таком музее быть уголок, посвященный Едвабне?

А в 2008 году был запущен новый чрезвычайно важный проект: польско-немецкий школьный учебник по истории.

Он стал продолжением немецко-французского проекта, выпустившего такой же учебник для немецких и французских школ. В проекте принимают участие работники министерств образования Германии и Польши — то есть к нему допущено государство, следовательно, могут добраться сюда и политики. Однако правомочия и деятельность государств тут резко ограничены финансированием, налаживанием выпуска книг и их распространением по школам. К содержанию учебников они не допущены: оно полностью определяется Экспертным советом, в который входят ученые и педагоги, выбирающие темы и авторов отдельных статей.

Значение такого проекта трудно переоценить. Трабу не смущают различия в трактовке многих событий, принятой для школ в разных странах. «Можно прекрасно использовать тот факт, что у поляков и у немцев разный исторический опыт. Мы по-разному определяем события, по-разному испытывали их на себе и можем в дидактической части, той, которая побуждает задавать вопросы, показать «обе стороны». Сказать: «Они понимают это так, а мы — так». Разве всегда права лишь одна сторона?»

Доживем ли мы когда-нибудь до такого учебника? Это была бы подлинная революция в школьном преподавании.

Да только ли?..

Трагедия Трианона,

или **Заговор виноватых**

Трагедии исполнилось почти сто лет: тогда в Трианоне был подписан мирный договор между странами-победительницами в Первой мировой войне и потерпевшей поражение Венгрией. Приговор был крут: Венгрия

потеряла 71% своей территории и 64% населения. На территории страны осталось 8 миллионов венгров, более трех миллионов стали гражданами других государств, возникших вокруг. С тех пор прошло уже почти столетие, и все эти годы Трианон оставался источником коллективной фрустрации.

Холокост

Но это не единственное трагическое событие в венгерской истории XX века. Был еще и Холокост, массовое уничтожение евреев, в котором принимали участие и которому сочувствовали многие венгры. Жизнь евреев в Венгрии до Второй мировой войны отличалась от их жизни во многих других странах: здесь они пережили опыт почти полной ассимиляции, «превращения» в венгров. Этот опыт после Холокоста можно считать перечеркнутым. Когда по Европе прокатилась волна покаяния (в католической церкви особое значение имело покаяние, провозглашенное папой римским Иоанном Павлом II, его примеру последовали многие иерархи католической церкви Европы, которая занимала весьма двусмысленную позицию в «еврейском вопросе»), высказали сожаление о погибших от рук гитлеровцев «многих гражданах Венгрии» и высокие чины венгерской католической

церкви; но об активном или пассивном участии в этом венгров не говорилось. Не было сенсационных разоблачений или открытий, не было долгих и широких дискуссий по поводу вдруг всплывших документов. Погибшим по «беззаконным приговорам» гражданам Венгрии даже выплатили какие-то компенсации, но при этом без прямых упоминаний, что эти граждане почему-то в подавляющем большинстве оказались евреями и что венгры при режиме Хорти устраивали погромы. Платить оказалось проще, чем признать.

Солидарность виноватых

Была еще революция 1956 года, венгры восстали против навязанного им социализма. Революцию очень жестко подавили советские танки, было большое кровопролитие и советские войска остались на террито-

Хорти вступает в Будапешт

23 октября 1956 года.
На улицах Будапешта

Народная расправа над
гэбистом. Будапешт,
октябрь 1956 года

рии независимой страны, готовые в любую минуту к повторению своих подвигов. Чтобы понять нынешнюю реакцию на нее венгерского общества, историк Гобар Дьяни, один из авторов сборника, предлагает различать «горячую» и «холодную» память. Горячая память хранит события, исключительно важные для общества, оставшиеся таковыми до на-

стоящего времени, таковыми осознаваемые, окутанные почти нерасчленимой смесью живых воспоминаний и успевших нарасти мифов. Другими словами, «горячая» память «отражает прошлое, предполагая, что оно до сих пор с нами. Память о революции 1956 года всегда была именно таким... объединяющим факты и вымысел... мифом». Для нового утвержденного и поддержанного Москвой режима Яноша Кадара это был «негативный» миф, «поэто-

му политика, связанная с национальной памятью, была нацелена на сокрытие, а не на восстановление хода событий. Основным методом было замалчивание революции и ограничение доступа к информации, а тем самым и общественной дискуссии на эту тему. Единственным разрешенным источником для школьных учебников или средств массовой информации были пропагандистские материалы и документы, созданные политической полицией».

Но самое интересное было впереди. С развалом СССР все препоны на пути мифа о великой революции 1956-го года рухнули, и обнаружи-

лось, что к режиму Кадара за прошедшее время успели приспособиться, привыкнуть, а в Кадаре видели не предателя дела революции, но жертву. «Совершенно ясно, — пишет Дьяни, — что Янош Кадар и его эпоха очень популярны, поскольку они ассоциируются с общественной стабильностью, четкими перспективами социальной мобильности и чувством солидарности — всего того, чего людям недостает в условиях рыночной экономики. Воспоминания о диктатуре, напротив, исчезают. Стоит отметить, что оценки режима Кадара могут быть абсолютно противоположными: большинство настро-

*Советские войска
на улицах Будапешта*

Янош Кадар

но лояльно, а меньшинство смотрит в прошлое с гневом и презрением».

Все это особенно ярко проявилось в том, как и новая постсоциалистическая власть, и общество решали проблему своих доносчиков. Их было ни много, ни мало — более 40 тысяч, осведомителей, писавших доносы на коллег, соседей, просто людей, к которым они по каким-то причи-

Иштван Сабо

нам относились неприязненно (напомним: после Первой мировой войны в Венгрии осталось 8 миллионов человек, считая детей и стариков — впрочем, старики вполне могут писать доносы, а еще бывают Павлики Морозовы). Первое же демократическое правительство столкнулось с обилием бывших осведомителей среди депутатов парламента и политических активистов (как левых, так и правых партий). Правительство ответило на ситуацию закрытием доступа к документам такого рода. Когда доносчиком оказался сам премьер-министр от социалистической партии (это выяснилось в 2002 году), ученым все-таки позволили изучать документы секретной полиции. Правда, я, убейте, не вижу причинно-следственной связи между этими событиями (премьер-министру нельзя — а депутату парламента можно?) ...Разоблаченные информаторы угрожали подать на журналистов и историков в суд за клевету, и суды часто вставали на их сторону.

На меня самое сильное впечатление произвел скандал вокруг имени выдающегося кинорежиссера Иштвана Сабо (достаточно напомнить «Полковника Редля» и «Мефисто»). Как выяснилось, он был «гражданским информатором» с 1957 по 1961 год и написал за это время 48 «отчетов», в том числе и доносы на своих коллег. Когда это обнаружилось, он заявил, что вынужден был пойти на сотрудни-

чество ради спасения друга. Его уличили во лжи, он нимало не смутился, но признал, что действовал, «чтобы защитить себя», иначе его бы исключили из Института кинематографии и театрального искусства.

Ладно, получили еще одно подтверждение тому, что мораль и талант далеко не всегда дружат. Мало того: в защиту Иштвана Сабо, против его «травли» (имелся в виду только сам факт публикации с сообщением об этом) поднялась кинематографическая общественность и «многие представители интеллектуальной элиты». Больше ста человек подписали манифест солидарности, уважения и поддержки человеку, который снимал такие прекрасные (действительно прекрасные!) фильмы, которые «прославили венгров по всему миру». Среди подписавших были и те, на кого в свое время Сабо писал доносы.

Из этого эпизода (и не его одного) Дьяни делает такой вывод: «События, упомянутые выше, отражают эмоциональный и интеллектуальный контекст попыток венгерского общества примириться со своим прошлым. Поразительное отсутствие критического и, что важнее, самокритичного отношения к прошлому со стороны не только политической элиты, но и общества в целом, вероятно, происходит из-за коллективного соучастия и сотрудничества с режимом Кадара. Именно поэтому всем так неловко об этом вспоминать. Моральное осуждение прошлого, включая и наши собственные поступки, невозможно без ущерба для нашего самоощущения. Описанный пример с бывшими осведомителями, сотрудничавшими с режимом, не является исключительным, это просто яркая иллюстрация того, что чувствуют обычные венгры, которые в определенной степени сами способствовали поддержанию диктатуры».

Если эта тема вызывает в венгерском обществе солидарность на основе чувства вины, то другая — солидарность на основе чувства обиды, до сих пор, как мы с самого начала сказали, не изжитой, глубокой и теперь уже

ощущаемой как совершенно несправедливой.

Переживание Трианона

О комплексе Трианона — как и о многом другом — молчали в коммунистический период. Это тотальное молчание, стремительно сменившее бурные дискуссии, говорило само за себя: больших тем больше касаться не следовало — это значило, что они продолжали болеть. Когда пришла свобода, обнаружилось, что споры разгораются в основном вокруг одной проблемы: можно пережить такую историческую трагедию — или венгерский народ не сможет пережить ее в принципе никогда. Особенно много об этом говорили правые партии. И когда они (ФИДЕС) пришли к власти, они начали действовать, как это и положено политикам.

Говорилось об этом прямо или нет, но речь шла если не о возрождении Великой Венгрии, то о воссоединении всех венгров, оказавшихся волею злой судьбы в разных странах. Некоторые прямо говорили, что это предполагает и возврат земель, на которых жили венгры.

Первый же закон, принятый правительством партии ФИДЕС, которая

пришла к власти в 2010 году, даровал венгерское гражданство всем этническим венграм, которые живут за границами страны. Такой закон не мог не вызвать некоторое волнение соседних стран: это их гражданам предлагалось другое гражданство. Особенно закон задел Словакию с самой большой венгерской диаспорой.

Следующий шаг: правительство издало «Прокламацию о национальной кооперации», предполагавшую объединение и взаимопомощь всех венгров, где бы они ни жили.

Наконец, 4 июня, день подписания Трианонского мирного договора, был провозглашен памятной датой — как день начала Отечественной войны для нас.

Эти шаги, на взгляд Дьяни, создают серьезный риск, что со временем Трианон станет объектом государственного культа, подобно тому, как это произошло в эпоху Хорти.

«Общественная деятельность, связанная с историей и историческим наследием и памятью, выходит из-под контроля академического сообщества, что зачастую приводит к открытой пропаганде националистической картины истории, центром

Партия ФИДЕС

которой является Трианон», — с тревогой констатирует Дьяни. Правительство спешит возглавить стихийно распространяющееся движение, однако поддержанное властью, движение выходит из-под контроля не только профессиональных историков, но и самого правительства, в крайних формах начинает его компрометировать. Культ Трианона, царствовавший между двумя войнами при Хорти, возвращается зачастую в прежних образах, прежнем языке, с прежними лозунгами.

В небольшом городе Варпалота открылся музей Трианона, в 2007 году — научно-исследовательский институт Трианона. Один из руководителей музея, Эрнё Раффаи, — самый известный историк, вместе с соратниками выступающий за «национальное написание истории» — в противовес академической исторической науке. История XX века в руках этой группы оказывается полностью сосредоточенной на Трианоне. В 2009 году группа основала журнал, посвященный обсуждению только этой проблемы. «Основное внимание в журнале уделяется критике неких внутренних врагов Венгрии, которые якобы привели страну к трагедии в Первой мировой войне, — пишет Дьяни, — а в настоящее время пытаются преуменьшить значимость изменения государственных границ в результате Трианонского мирного договора. Интерпретация исторического значения Трианона в этом случае сводится к поиску козлов отпущения, которые должны нести ответственность за венгерскую трагедию. Наряду с членами Антанты (прежде всего Францией) и новыми государствами, возникшими после распада Австро-Венгрии (которые позднее образуют Малую Антанту), в число врагов попали Михай Каройи, премьер-министр Венгрии в 1919 году, впоследствии занявший антифашистскую позицию, выдающийся историк Оскар Яси, лидеры революции 1918 года и даже масоны». Примерно такая историческая конструкция насаждалась властями в двадцатые годы XX века.

Группа историков, «в большинстве своем не имеющих необходимой профессиональной квалификации и научных достижений», основала журнал «Великая Венгрия», «целью которого было обсуждение Трианона и других ключевых моментов истории XX века, исходя из концепции единой национальной правды». Продукты «национального исторического знания» продаются в специальных магазинах особой сети «Ски-та» с остальной продукцией «национальных издательств», но их можно купить и в обыкновенных книжных магазинах. Покупают их намного охотнее, чем книги профессиональных историков. Основатели и издатели «Великой Венгрии» открыли в другом провинциальном городе Дом памяти — музей, ставший оплотом консервативных историков. Министр культуры правительства ФИДЕС открыто их поддерживал, «утверждая, что только им удалось опровергнуть ложные факты, которыми была полна официальная история». Интерес к такой литературе подогревается националистическими журналами и общественными организациями, среди которых наиболее значительны Трианонские общества. Они, опираясь на поддержку местных властей, создают многочисленные монументы, посвященные Трианону. Это уникальная историческая субкультура с национальной поп-музыкой, песнями с националистическими текстами, с традиционными развлечениями, например, военизированными играми с луком. Все это дополняется чтением текстов о Трианоне или истории венгерских племен до принятия христианства.

Традиционная академическая историография тоже не упустила возможности повлиять на общественное восприятие образа Трианона. В 2010 году восьмидесятая годовщина соглашения была использована научно-популярными журналами Rubicon («Рубикон») и Histryia («История») с тиражами в десятки тысяч экземпляров для того, чтобы обсудить проблему Трианона с сугубо на-

учной точки зрения. В газетах вышло несколько статей, лишенных национализма и никак не призывавших к пересмотру итогов Первой мировой войны. Но в академических текстах не уделяют особого внимания роли отдельных лиц, которую так подчеркивают те, кто занимается поиском виновных. Кроме того, в этих публикациях утверждается, что Трианон — часть прошлого, он принадлежит истории и не влияет на события сегодняшнего дня.

Про два конца одной палки и про грабли, на которые мы не устаем наступать

Так или иначе, все это — результат новой демократической жизни, предполагающей существование на политической арене многих партий, а в головах сограждан и в СМИ множества разных взглядов. Некоторые могут быть нам совсем не близки — мы можем с ними спорить, но запретить их невозможно, если при этом соблюдены все законы. Возникавшие в результате образы исторического прошлого, естественно, отличались от тех, на которые опирался школьный курс истории.

В общественное пространство вернулись некоторые пласты исторического знания и концептуальные подходы. Например, представление истории страны через призму так называемой проблемы судьбы — подход, который был очень популярен в Венгрии между войнами. И наконец, невозможно игнорировать острую потребность молодых людей в новой коллективной идентичности, которая должна заменить прежнюю, дискредитированную в 1989 году. Дьяни считает, что венгерскому обществу нечего противопоставить растущему индивидуализму нового общественного строя. А это вызвало к жизни устаревшие формы группового сознания, основанные, в частности, на национальном, этническом принципе.

Очень важно, чтобы демократия сохранила возможность постоянных

дискуссий, чтобы государство не употребляло свое влияние на ход этих дискуссий и, тем более, не стремилось исключить их из общественной жизни. Венгерский историк подчеркивает их стратегическое значение для внутренней и особенно внешней политики страны. Есть серьезная опасность, связанная с политическим использованием радикально националистического образа Трианона. «Чрезмерное увлечение подобной мемориальной практикой может иметь непредсказуемые геополитические последствия. Растущий национализм нынешнего венгерского правительства, с одной стороны, стал реакцией на ксенофобию и агрессивный национализм, проявившийся в политике соседних государств со значительным венгерским населением. Но, с другой стороны, он сам по себе провоцирует подобные настроения и действия в этих странах. В последние годы это вызвало ряд конфликтов между Венгрией и Словакией. Доминирующая в Словакии антивенгерская политическая линия вплоть до последних парламентских выборов провоцировала агрессивный венгерский национализм».

Мы же заметим, что попытка двигаться вперед задом, упирая горестный взгляд на потерянные земли, бесплодна — она порождает только ненависть и превращает вчерашних братьев во врагов на все обозримое будущее. Территории были главным богатством страны даже не во вчерашнем, а в позавчерашнем социально-экономическом укладе, когда превыше всего ценились не знания, не капитал, а земля. Сосредоточенность на возвращении имперского величия вытесняет реальные задачи сегодняшнего и завтрашнего дня. Экономика страны — и Венгрии, и нашей — остро нуждается не в присоединении новых и новых земель, как было когда-то, а в квалифицированном управлении хозяйством страны, в образованных и физически здоровых профессионалах.

Эстонская миниатюра

Политика и нравственность

У маленьких европейских стран своя история, которая даже у новообразованных только кажется маленькой. Она, конечно, составляет часть общей истории европейской ойкумены, — но она происходит и пишется немного иначе, чем история стран крупных, особенно очень крупных и достаточно богатых и влиятельных, чтобы увлекать за собой малые страны, как бы обреченные двигаться в их фарватере. В «Беседах с Масариком», первым президентом Чехословакии (1918–1935 годы), бережно сохраненных известным чешским писателем Карелом Чапеком, меня поразило одно замечание президента: мы слишком маленькие, чтобы общаться с крупными странами иначе, чем взывая к их нравственности. Как известно, попытки общаться с СССР и Германией на основе нравственности ни к

чему хорошему Чехословакию не привели. Однако сам принцип не только вызывает глубокое уважение, но и может оказаться куда более практичным и перспективным, чем кажется на первый взгляд. Во всяком случае, мне нравится так думать.

Доцент факультета международных отношений и европейских исследований Центрально-Европейского университета (Будапешт) Александр Астров опубликовал все в том же сборнике статью об Эстонии, как известно, героическими усилиями добившейся принятия в ЕС. Экономическая политика страны оказалась намного успешнее нашей: не имея практически никаких востребованных на мировом рынке ресурсов, страна вовремя выполнила все требования ЕС — привела в порядок свои финансы, укрепила собственную валюту, избежала слишком большой безработицы и так далее. Это требовало се-

рьежного напряжения сил, что возможно было лишь при полном согласии политической элиты, — и острые проблемы прошлого, чреватые серьезными конфликтами, были отложены до «лучших времен», как и практическая демократизация общественной жизни: решения принимались группой технократов.

Добившись своего, страна оказалась перед серьезным «онтологическим кризисом», как это называет Астров: перед проблемой определения себя в мире, в который она теперь вошла и в котором необходимо было найти себе достойное место. Прежде всего необходимо было определить самой для себя, чем она является и чем хотела бы быть.

Это, пожалуй, единственный во всем сборнике случай, когда об исторической политике автор пишет без плохо скрываемого отвращения — как о чем-то не только неизбежном, но и заслуживающем серьезного к себе отношения. Потому что самоопределение нации, ставшее ее актуальной проблемой, невозможно без провозглашенной политиком и государственным деятелем, одно время — премьер-министром Мартом Лааром задачи, формулировка которой стала лозунгом: «Верните народу его историю!». Причем задача эта осымслась не как академическая, профессиональным историкам отданная и потом популяризированная для школьного употребления, а именно и прежде всего, как задача политическая. Но при этом, как бы мы ни сомневались в принципиальной возможности такого чуда, выполненная честно, ответственно и по возможности объективно (предупреждал Масарик: маленьким народам не остается ничего иного, как быть нравственными; это когда сила есть — можно обойтись без ума и без совести, правда, только какое-то время).

По мнению Астрова, именно историческая политика открывает новые возможности активно выступить на мировой арене для малых государств, которые «традиционно являлись все-

го лишь объектами политической активности «великих держав». Для обществ, некогда зачисленных Гегелем в «народы без истории», историческая политика становится инструментом политической борьбы за место в историческом процессе».

Движения памятников и вокруг них

Недавняя и относительно недавняя национальная история не даст покоя многим эстонцам. Первое время граждане возбуждались в основном скандалами вокруг политических репутаций «видных» людей: СМИ захлестнула волна компроматов. Так было и в других постсоциалистических странах. Было несколько громких скандалов с памятниками: некоторые сносили, другие воздвигали — и тоже сносили. Особенно много шума вызвало появление в местечке Лихула памятника эстонскому легиону СС, сражавшемуся против советской оккупации; его снесли ночью, и снос вызвал широкое возмущение. По своему детскому эгоцентризму Россия, разумеется, решила, что вся эта история направлена непосредственно против нее и ее благородной роли в ВОВ. На самом деле, свидетельствует Астров, Лихульский кризис не имел к нам никакого отношения. Скандал возник по поводу того, что памятник снесли ночью, ни у кого не спросив. Тогдашний премьер-министр, выступая уже после демонтажа, объяснил решение правительства соображениями национальной безопасности. Под этим подразумевалось недовольство, которое мог вызвать изображенный на барельефе солдат в нацистском мундире у влиятельных союзников Эстонии, прежде всего, США. Однако подобные объяснения только усилили раздражение в обществе.

Лихульский кризис обнажил кризис публичной сферы. В распоряжении исполнительной власти оказалось лишь два инструмента: тяжелая техника и ссылка на внешнеполитичес-

Марш эстонских националистов

Памятник советскому солдату

кую необходимость. Возмущение объединило представителей противоположных полюсов эстонского общества. Результатом стала отставка правительства. Но и это не могло снять напряжение в обществе.

Когда интерес к тому, кто из политиков и общественных деятелей служил в «органах» и кто на кого писал доносы, поубавился, возникла потребность в чем-то фундаментальном, в идеях и правилах, которые можно было бы принять, и на этой

основе обрести новую идентичность. В поисках идеологической точки опоры естественно обратиться к сложившимся идеям, фобиям и предрассудкам. Еще в советские времена было сильное, то скрытое, то прорывавшееся противостояние эстонской и русской общин. Теперь радикалы и с той, и с другой стороны заявили о себе как о политической силе. В 2005 году появилось Эстонское националистическое движение и тут же потребовало немед-

ленного сноса монумента советскому солдату на Тынесмяги. Авторы обращения на эту тему сомневались в способности государства, которое контролируют из Вашингтона, Брюсселя, Тель-Авива и Москвы (как вам список?), пойти на такой шаг. Они протестовали и против ЕС, и против внутренней политики интеграции, и против коммунистов в правительстве страны. Русские активисты в ответ организовали круглосуточное дежурство у памятника — так появилось общество «Ночной дозор». Заявление премьер-министра Ансипа, что он не желает «разговаривать с маргиналами» и «не позволит самочинному сообществу контролировать часть эстонской территории», в равной мере относились как к эстонским националистам, так и к русским активистам — и только подлило масла в огонь.

Единственным крупным эстонским политиком, заявившим о своем желании открыто встретиться с активистами «Ночного дозора», стал Март Лаар. Он поставил одно условие: встреча должна быть посвящена обсуждению истории, а не политики. Подобный подход отражал позицию, и поныне доминирующую в эстонском обществе: политические проблемы в отношениях между двумя общинами есть следствие различий в прочтении истории. При таком подходе история представляется набором объективных фактов, поддающихся беспристрастному обсуждению. Такая позиция объединяет всех ведущих эстонских общественных деятелей. Они определяют череду подобных кризисов как процесс «децинизации» (выход из поля одной цивилизации и постепенное вращение в другую) и делегитимизации (когда одни принципы, по которым статус органа власти, партии, общественного движения определяются как легитимные, сменяются другими, а в промежутке по сути отсутствуют). Они уверены, что истоки кризиса следует искать в отношении эстонцев к своей истории. История, утверждают они, отпустит нас

Март Лаар

лишь тогда, когда мы наберемся смелости взглянуть ей в лицо. А это требует признания неоднозначности как советского периода, так и сотрудничества с нацистами. В противном случае памятники, подобные лихульскому, будут и впредь оставаться яблоком раздора.

Не хватало не просто идей, но даже публичных площадок для их обсуждения, то есть институтов, которые обеспечили бы выработку общественного мнения, консенсуса — в советские времена все это было вытоптано начисто. В СМИ все чаще звучали призывы сформулировать новую общенациональную цель, а политики предлагали заключить реальный общественный договор.

Что могло бы стать такой идеей и фундаментом такого общественного договора? Очевидно, широко понимаемые национальные интересы — то, что принято называть скромно и респектабельно *Realpolitik*, «реальной политикой». Однако, комментирует Астров, тут высок риск: национальные интересы, осознаваемые всем обществом, определяют международные отношения страны с партнерами, которые заведомо сильнее, больше, богаче и которые будут по той же логике преследовать собственные национальные интересы. Поэтому, вполне в духе заветов Масарика, Эстония в отношениях с крупными и сильными партнерами апеллировала не столько к общим интересам, сколько к их самооценке, их образу себя как гарантов мира и справедливости в отношениях между странами, гарантов либеральных ценностей, многократно объявленной готовности отстаивать приоритет международного права над национальными интересами и выгодами. Все малые государства Центральной и Восточной Европы,

покинувшие социалистический лагерь далеко не в лучшем экономическом состоянии, пытались убедить своих западных партнеров во второстепенности, а то и этической неприемлемости таких традиционных интересов, как защита внутренних рынков от наплыва дешевой рабочей силы с Востока или сохранение партнерских отношений с Россией ценой ограничения процесса расширения НАТО.

Общей платформой для такой позиции может стать реальная угроза тоталитаризма западному миру.

Новые философы против тоталитаризма

Понятие «тоталитаризм» впервые было предложено Ханной Арендт применительно к Третьему Рейху: тотальный централизованный контроль не только за работой государственных институтов, но и общественных организаций, школ, университетов, СМИ, наконец, за поступками и мыслями людей; централизованное бюрократическое управление всеми сторонами жизни общества; приоритет государственных интересов над частными; шовинизм, расизм и так далее. Этот термин и до сих пор обычно применяется для характеристики гитлеровской Германии; попытка описать с его помощью сталинскую Россию вызывает возмущенное сопротивление советских/российских властей; приложение его к жизни и опыту стран менее крупных, в том числе африканских, ближневосточных и азиатских, кажется, вообще считается интеллектуальной игрой или политической спекуляцией.

Однако со временем знакомые черты этого феномена все яснее проступают то тут, то там. Во всяком случае, они неоспоримы для «новых философов». В большинстве эти философы вышли из левых и крайне левых интеллектуалов. Когда-то они (или их старшие товарищи) восторженно относились к СССР, потом стали страстными ма-

Андре Глюксман

оистами. Они не замечали — не желали замечать — пятен на очередном солнце: западные интеллектуалы решали свои собственные проблемы и были увлечены этим значительно сильнее, чем нашими проблемами: ненавидели французский (американский, английский и так далее) капитализм и нараставший с ним слой мещан. Возможно, «новая философия» хотя бы в какой-то мере стала покаянием западной левой интеллигенции и извлечением уроков из прежних ошибок. Они предали этому занятию — извлечению уроков — с тем же мессианским пылом и той же настойчивостью.

«Новые философы» переопределяют тоталитаризм как «абсолютное зло» и непреложный исторический факт. Его неоспоримость определяется неразрывной связью между тоталитаризмом и геноцидом. Абсолютный характер этого зла позволяет по-новому оценить значительные политические силы современности: и антиамериканизм, и исламский фундаментализм, и «европейский нигилизм», косвенно потворствующий всевозможным тиранам. Так же, как у политиков и общественных деятелей, философов и политологов малых стран, вошедших в ЕС, у «новых философов» особый соперник: всё та же реальная политика крупных держав. Еще один из основателей «новой философии» Берман объясняет: «Реализм никогда не противостоит геноциду. Современный геноцид всегда творится на периферии великих событий и никогда в эпицентре; а политический реализм озабочен калькуляцией могущества в центре,

озабочен калькуляцией Большой Истории. Геноцид атакует слабых, реализм защищает сильных».

Запад против Запада

Впервые за долгий период в середине нулевых возникли серьезные разногласия между самыми сильными партнерами на международной арене: европейские государства солидарно и резко выступили против американского вторжения в Ирак. Давно накапливавшийся антиамериканизм нашел выход — например, в резком письме французского и немецкого философов Жака Дерриды и Юргена Хабермаса, которые противопоставили друг другу США и Европу и настаивали на сплоченном противодействии Европы претензиям США на гегемонию в мире. Им ответили европейские политические и общественные деятели (среди инициаторов ответного письма были и два американских сенатора, резко осуждавших политику Буша: Джон Маккейн и Джозеф Байден). Это «письмо 115-ти» подписал президент Чехословакии Вацлав Гавел, чья нравственная репутация всегда была безупречной; один из ведущих европейских «атлантистов» (сторонников трансатлантического единства) Карл Бильдт, эстонец Ильвес, и один из создателей и самых ярких представителей «новой философии» Андре Глюксман. Они писали о том, что в мире, где возможны события в Беслане, Запад не должен идти против Запада (если кто уже не помнит, в Беслане в 2004 году российские войска расстреляли школу, в которой чеченские боевики удерживали более тысячи заложников, в большинстве — детей; погибло много детей. Москва жестко пресекала все попытки вести переговоры. Кто отдал приказ штурмовать школу, и кто несет ответственность за массовую гибель детей, до сих пор официально не установлено).

В распрях Запада с Западом малые государства должны были во что бы то

Вацлав Гавел

ни стало удержаться на хотя бы нейтральной позиции, еще точнее — удержать трансатлантическое сообщество от распада, который мог свести почти на нет все их прежние усилия: «младшие партнеры» остались бы сиротами, брошенными на произвол игры национальных интересов «старших».

США тут же попытались расколоть европейцев: Дональд Рамсфельд предложил деление Европы на «старую» и «новую». Решила воспользоваться случаем и вложить свои пять копеек в потенциальный распад европейской ойкумены Россия: она в это время усиленно акцентировала двусторонние отношения с великими державами и пыталась торпедировать любые формы многостороннего сотрудничества. Малые европейские страны были особенно заинтересованы в том, чтобы срочно найти новую формулу трансатлантического единства «или сообщества, членство в котором было бы им гарантировано».

Внешнеполитическая элита Эстонии, по мнению Астрова, была лучше других подготовлена к тому, чтобы разрабатывать и артикулировать такую формулу. Один из ее бесспорных лидеров, Тоомас Хендрик Ильвес еще до формального вступления в ЕС и до «письма 115-ти» выступил с резкой критикой как Рамсфельда, так и совместного письма Жака Дерриды и Юргена Хабермаса. Он считал, что антиамериканизм грозит Европе ошибкой исторического масштаба.

Томас Хендрик Ильвес

Очень яркая формулировка этой позиции принадлежит Юри Луйку, в разные годы занимавшему посты министра иностранных дел, министра обороны, посла в США и в НАТО. Основной тезис Луйка таков: семнадцать лет, прошедшие с момента крушения коммунизма в Восточной и Центральной Европе, — не повод для того, чтобы забыть о преступлениях коммунизма. Наоборот, за эти годы многие восточно- и центрально-европейские государства сумели выстроить собственные правовые институты, достаточно крепкие для того, чтобы наконец заняться расследованием этих преступлений. Основа такого расследования — отнюдь не «переписывание истории», не пересмотр итогов Нюрнбергского трибунала, а наоборот — следование их букве и духу в той части, что дает определение «преступлениям против человечности». Задача заключается не в ревизии этих определений, тем более, фактов, на основе которых они были сформулированы. Речь должна идти об их неукоснительном применении, но теперь уже и в отношении деяний, предварительно классифицированных как «преступления коммунизма».

Не надо строить идеальные государства — это плохо кончается...

Из прошлого Луйк предлагает взять успешный опыт деятельности неправительственных организаций, таких, как еврейские, их умение целенаправленно формировать международный политический консенсус конкретными, четко сформулированными и эффективно реализован-

ными инициативами. Он подчеркивает, что нынешний статус Холокоста ни в коей мере не был, да и не может быть предопределен самими по себе юридическими решениями Нюрнбергского трибунала или профессиональными исследованиями историков. Он стал результатом длительной и напряженной политической борьбы. Борьба эта, по собственному признанию Луйка, смогла увенчаться успехом лишь в 1960-е, когда на смену первоначальному желанию поскорее оставить позади трагедию двух мировых войн пришло стремление заново оценить собственное прошлое. Пришло, опять же, не само по себе, но под напором радикально настроенного молодого поколения.

Именно формирование согласия стран, международных организаций и так далее в отношении к преступлениям коммунизма и есть, по мнению Луйка, важнейшая задача посткоммунистических обществ. Институты, которые будут созданы для осуществления этой задачи, национальные или международные, не должны иметь юридических полномочий. Прежде всего они призваны инициировать публичное и как можно более широкое обсуждение тех событий, которые хорошо известны историкам. Нужны не альтернативные исторические или юридические расследования, а новая общественная сфера — что и является главным смыслом политики. Посткоммунистические общества «начнут нормально функционировать лишь в том случае, если их боль будет открыто обсуждена и универсально признана». Государства, «испытывающие трудности, легче других становятся жертвами иллюзий об идеальном обществе»; молодые люди в майках с портретом Че Гевары — свидетельство того, что подобные иллюзии пользуются популярностью и в наши дни. «И только новый международный консенсус позволит нам избежать этих опасностей».

Это заявление, считает Астров, интересно сразу с нескольких точек зрения. Спустя четыре года после

присоединения Эстонии к ЕС оно признает наличие «трудностей общественного роста». В нем говорится, что эстонское общество, как и многие другие в Центральной и Восточной Европе, нельзя назвать нормально функционирующим. В том числе и из-за трансатлантического раздора. Его источники автор статьи видит в социальных потрясениях 60–70-х годов прошлого столетия. Горячие активисты того времени выросли, заняли важные посты. Например, среди поклонников Че был и молодой студент медик Бернар Кушнер, который посвятил «доктору Эрнесто Че Гевара» свою диссертацию. В 2007 году он стал министром иностранных дел Франции.

А сегодня новые молодые носят майки с портретом Че, не зная, что «любой коллективный революционный проект... оборачивается тоталитарным кошмаром».

Но почему Луйк, говоря о том, что общественный кризис в Эстонии продолжается, основу стратегии преодоления этого кризиса видит именно в исторической политике, при этом направленной почти исключительно на преодоление коммунистического прошлого?

Нет никакого сомнения в том, что среди тех, кто сегодня практикует анти-тоталитаристскую версию исторической политики, немало желающих просто свести счеты с конкретными державами, прежде всего с Россией, или использовать анти-тоталитаризм в качестве внешнеполитического инструмента, который может обеспечить поддержку со стороны других великих держав, прежде всего США. Их выступления слышатся чаще и звучат громче. В том числе и в Эстонии.

«Однако, — пишет Астров, — в мою задачу входило обратить внимание на гораздо более серьезный и при этом гораздо менее заметный со стороны элемент эстонского интеллектуального дискурса, в котором историческая политика является инструментом политической борьбы за место в истории как таковое». И приводит слова президента Ильвеса —

совсем не об отношениях с Россией: «Для того чтобы увековечить свою независимость, мы 20 лет боролись. Мы исполняли критерии и требования, проводили реформы и выполняли домашние задания. Эстония была учеником, поступившим в школу, то есть в Европу, когда у других занятия уже шли полным ходом по давно утвержденной программе. На западном направлении борьбы за равное место в истории исторические аргументы уступили место экономическим — приоритетной задачей стало присоединение к единой европейской валюте; но, что характерно, ради достижения все той же цели: «После перехода на евро мы сами будем определять дальнейшие ориентиры». Как того и хотели «наши предки в девятнадцатом веке», осознавшие, что «эстонцы — равные среди других народов».

На самом деле речь идет не только — и, может быть, не столько — о новой идеологии, философии и исторической политике маленькой Эстонии, сколько о выборе точек отсчета для дальнейшего развития всего европейского мира, включая, разумеется, и США, и Австралию, и Новую Зеландию, и всех совсем новеньких его поселенцев. Тоталитаризм одерживает осязаемые победы на фронтах Исламского Государства: пока он выигрывает битвы, но не войну в целом, однако внутренние распри, постоянные подсчеты реальных и возможных экономических потерь способны слишком ослабить коалицию, готовую с ним бороться. Можно вспомнить и другие примеры подобной политики. Один из ее яростных противников как-то кинул европейским политикам: вы готовы продать веревку, на которой всех вас повесят...

Разумеется, экономические факторы развития исключительно важны — особенно если помнить о ближайших выборах. Но есть и иные приоритеты, которые исповедуются, но порой играют роль чисто декоративную. Те, о которых нам напоминают совсем маленькие страны.

**Насильников
найдут
микробы**

Австралийские ученые утверждают: микробы, обитающие в паховой области людей, могут помочь правоохранительным органам установить личности преступников, совершивших изнасилования.

Сейчас преступники стараются не оставлять генетического материала, из-за чего анализ их ДНК невозможен. Чего не скажешь об анализе микробов – их-то преступник в любом случае передаст жертве. Чтобы доказать свою гипотезу, биологи изучили сообщества микробов, проживавших на паховых волосах семи человек, двое из которых являются мужем и женой. Более того, удалось установить, что между супругами 18 часов назад состоялся половой контакт. Получается, микробиота действительно может служить надежным «свидетелем»...

**Таблетка
против
ожирения**

Ученые из Швейцарии и США разработали систему, позволяющую превратить белую жировую ткань в бурую. Это должно способствовать похудению, разумеется, если специалисты найдут соединения, пригодные для употребления в качестве таблеток.

Жировые клетки бывают двух типов. Белые способствуют развитию ожирения, сахарного диабета второго типа и сердечно-сосудистых

заболеваний. Бурые помогают согреться. Ученые нашли соединения, способные превращать стволовые клетки жировой ткани в бурые. Но пока выявленные соединения также воздействуют на молекулу, играющую важную роль в воспалительных реакциях. И возможно, что употребление таблеток на основе этих соединений может расшатать иммунную систему. Исследования продолжаются.

**Любознательность
и общительность
приводят
к болезням**

Американские ученые выяснили, что любопытство и общительность опасны для здоровья. Так, обучение требует контактов с другими особями, а это ускоряет распространение эпидемий. Любопытство же часто приводит к заражению ранее неизвестными паразитами и микроорганизмами.

Биологи обобщили данные по социальным контактам и исследовательскому поведению среди 127 видов приматов. Результаты анализа однозначно указали на такую зависимость – чем более любопытен и любознателен тот или иной вид, тем чаще заражаются его представители. Ученые считают, что этот вывод применим и к человеку.

«Наше исследование объясняет, почему никто не конкурирует с человеком за статус и экологическую нишу. Способность быстро понимать и обучаться сопровождается таким риском для здоровья, что это имеет

смысл далеко не для каждого животного», – заявили исследователи.

**Теперь
вулканы
виноваты!**

Именно их ученые называли причиной вымирания динозавров. Новое исследование базальтовых пород на западе Индии позволило определить точное время начала одного из мощнейших вулканических извержений в истории Земли. Оно продолжалось полмиллиона лет (за это время излилось полтора миллиона квадратных километров лавы) и вполне могло стать причиной вымирания динозавров в конце мелового периода.

Осталось непонятно, изливалась лава беспрерывно, или извержения вулканов носили характер вспышек. В любом случае в атмосферу попали в огромных количествах сернистые газы и другие соединения, что могло привести к закислению океанов и вымиранию планктона (основы океанических пищевых цепочек). Однако

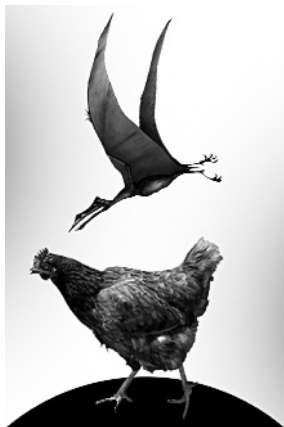

падение астероида как причину гибели динозавров с повестки дня никто не снимал.

Родственники динозавров

Американские ученые пришли к выводу, что ближайшими родственниками летающих динозавров – общих предков всех птиц – являются куры и индейки.

Орнитологи проанализировали эволюцию генома 21 вида пернатых. Геном птиц имеет большое количество микрочромосом. Изучив их, ученые обнаружили, что подобные структуры в ядрах клеток были свойственны крылатым динозаврам. «Среди прочих птиц наименьшее количество генетических изменений в ходе эволюции претерпели куры, именно они наиболее схожи со своими дальними предками – динозаврами», – заявили исследователи. На втором месте по соответствию хромосомному набору пернатого динозавра разместилась индейка. А ближайшими родственни-

ками всех птиц являются крокодилы.

Было сделано и несколько побочных открытий. Так, гены, отвечающие за слух и воспроизведение звуков у человека и соловья, одни и те же. Певчие птицы эволюционировали быстрее других, поскольку ген пения стимулировал развитие их мозговой активности.

Готовить дома вредно для здоровья

Ученые из США обнаружили, что чем больше времени женщины тратят на приготовление пищи, тем выше у них риск возникновения сердечно-сосудистых заболеваний, связанных с повышенным давлением и уровня холестерина в крови.

Медики сравнили показатели 2755 женщин в возрасте от 42 до 52 лет. Их интересовало наличие обменных, гормональных и клинических нарушений, происходящих на фоне ожирения. То есть гипертонии, высокого уровня холестерина, избыточной массы тела, повышенного содержания глюкозы и липидов в крови. Наличие хотя бы трех этих признаков свидетельствует о повышенном риске развития сердечно-сосудистых заболеваний. Так вот, риск подобных нарушений был высоким у всех женщин. Однако самый худший результат отмечен у тех, кто много времени уделял приготовлению пищи. Участницы исследования, которые на кухне не особо задерживались, обладали более

крепким здоровьем, а риск развития заболеваний у них оказался снижен на треть.

Эксперты отметили, что подобные результаты могут быть связаны с тем, что люди едят больше, когда готовят, нежели когда покупают готовую еду. Верно ли это для мужчин – неизвестно, среди них такие исследования не проводились.

Снежный человек оказался бурым медведем

Исследованием снежного человека занимались многие ученые. Наконец, сравнив результаты анализа ДНК из волосков йети со всеми содержащимися в базе ДНК животных, биологи обнаружили сходство только с генетическим материалом арктического медведя, вымершего более 40 тысяч лет назад. Недавно датские ученые провели повторный анализ и обнаружили ошибку, допущенную прежними исследователями. ДНК снежного человека походит на ДНК тьянь-шанского бурого медведя.

Гималайский подвид обычного бурого медведя обитает в высокогорных областях Пакистана, Непала, Тибета, Бутана и Индии. Кстати, в базе ДНК, с которой работала предыдущая группа, этого генетического материала не было.

Рисунки А. Сарафанова

Олег Фейгин

В прошлом номере журнала мы поделились сообщением о возникших сомнениях в открытии бозона Хиггса (см. рубрику «Новости науки», №3/15). Теперь, когда после ремонта и модернизации должен быть перезапущен Большой адронный коллайдер, на котором и было совершено историческое открытие, к нему опять проявляется повышенный интерес. Дело в том, что, если существование «частицы бога» окажется неподтвержденным, это лишь подольет масла в неугасающую полемику о последствиях проводимых под Женевой экспериментов. Мы не уделяли бы ей столько внимания, если бы в нее не были вовлечены такие знаковые в современной науке фигуры, как, например, «возмутитель спокойствия» Стивен Хокинг с целой компанией нобелевских лауреатов. А уже через месяц мы снова вернемся к нему – уже в качестве героя и участника еще одной из многих будоражащих умы дискуссий.

«Божественная частица», или бозон Хиггса, об открытии которого под бурные овации официально объявила Европейская организация по ядерным исследованиям (ЦЕРН), на самом деле «обрекла» Вселенную на катастрофическую гибель. Фактически она лопнет, как мыльный пузырь. Правда, произойдет это не раньше, чем через десятки миллиардов лет, и со скоростью света, так что «никто ничего не почувствует».

Джозеф Ликкен, речь на собрании Американской ассоциации содействия развитию науки в Бостоне

Апокалипсис Хиггса

Может ли «божественная частица» разорвать пространство и время

Бозон Хиггса имеет очень опасный потенциал: в случае вхождения в состояние повышенной нестабильности он может привести к распаду вакуума.

С. Хокинг. Предисловие к книге «Мост в скрытые измерения»

Кембриджский оракул

После нобелевского признания микрочастицы, перевернувшей наши представления о Мире, – бозоне Хиггса, появилось много статей об истории поиска и удивительных свойствах этого нового объекта микромира. Ученые, журналисты и научные обозреватели соревнуются в написании «победных реляций» о новом потрясающем успехе современной науки, не забывая отдать должное и главным авторам открытия – Питеру Хиггсу и Франсуа Энглеру.

Среди «хвалебных од» ускорителю элементарных частиц – Большому адронному коллайдеру (БАК), на котором и было сделано эпохальное открытие, выделяется небольшая статья британского теоретика Стивена Хокинга. Этот известнейший ученый современности (часто его сравнивают с самим Альбертом Эйнштейном) прикован тяжким недугом к инвалидному креслу, общаясь с окружающими через компьютерный синтезатор речи. В свое время медики предрекали, что молодой аспирант не дотянет и до своего тридцатилетия, однако профессор Хокинг недавно разменял восьмой деся-

ток лет и с оптимизмом смотрит в будущее, собираясь даже совершить космический полет на частном ракетоплане. Отличаясь завидным чувством юмора, он называет себя «первым кембриджским киборгом» и не боится делать шокирующие прогнозы судьбы Мироздания, последний из которых уже получил ярлык «Апокалипсис Хиггса».

Океан Хиггса

Тут надо вспомнить, что бозонами называются элементарные частицы, объединенные девятью десятилетиями назад в одно семейство индийским физиком Шатендранатом Бозе и великим Эйнштейном. К бозонам относятся частицы света — фотоны и таинственные (пока еще не открытые) гравитоны. Существует и еще один род частиц с иными свойствами — фермионы. От бозонов фермионы отличаются, прежде всего, порядком вращения вокруг собственной оси (физики говорят — спином).

Почему же в последнее время из сотен элементарных частиц всеобщее внимание привлекает именно хиггсон или просто — хиггс?

Одна из причин связана с новым «хиггсовским полем». Теоретически оно должно пронизывать все на свете, разливаясь, как вселенский океан. Всплески и рябь «океана Хиггса» и представляют те самые «частицы бога». Все материальные тела вместе с нами плывут по волнам этого безбрежного океана и, собственно говоря, именно за счет взаимодействия с «водяной средой» поля Хиггса становятся массивными. Мы как бы проталкиваемся сквозь эту «среду», а она противодействует движению, тормозя нас. Это была очень красивая гипотеза и для ее подтверждения предпринимались большие усилия.

Наглядно хиггсовский механизм можно изобразить в виде рассыпанных по поверхности пинг-понговых шариков (безмассовых частиц), разлетающихся от порывов ветра. Если их высыпать на водную поверхность, то их движение становится связанным. Здесь взаимодействие с жидкостью играет роль вакуумного хиггсовского поля, придающего частицам инертность. А аналогом «частиц бога» будет рябь от дуновения на свободной поверхности воды. Тут надо

отметить, что вода мешает любому движению шариков, а поле Хиггса не оказывает влияния на частицы, движущиеся равномерно и прямолинейно, противодействуя лишь их ускорению.

В ходе экспериментов на БАКе неоднократно выяснялось, что масса бозона Хиггса предположительно находится в интервале 115–135 гигаэлектронвольт (ГэВ). Это имеет очень важное значение, фактически определяя кривизну нашего Мира. При такой массе «божественной частицы», энергия ее поля, пронизывающего Вселенную, может при определенных условиях просто «свернуть» ее до размеров... футбольного мяча.

Теория вакуумной катастрофы

Чем же так напугал околонуучное общество кембриджский физик?

По его мнению, «божественный бозон» в определенных условиях может запустить реакцию распада самого фундамента нашего Мира — пространства-времени.

Все начнется с... пустоты, предсказывает Хокинг. Он уже давно в соавторстве со своим другом, известным физиком Роджером Пенроузом разрабатывает «ужасную теорию» о квантовом распаде вакуума — мнимой пустоты, заполняющей Вселенную. Британские физики считают, что существует как бы два вида «пустоты» с различными свойствами. По Хокингу, наша Вселенная находится в высокоэнергетическом «ложном» вакууме и напоминает пузырек воды во льде низкоэнергетического «истинного вакуума». В обычном состоянии эти вакуумы хорошо изолированы друг от друга, однако в принципе изоляцию можно и разрушить.

Пока еще физические эксперименты далеки от «дестабилизации хиггса», но, по мнению Хокинга, уже в недалеком будущем будут созданы гигантские космические ускорители частиц, питаемые энергией Солнца. В них физики смогут создать поток нестабильных хиггсонов, который запустит своеобразную реакцию в изолирующей оболочке нашего Мира и создаст перемычку между ложным и истинным вакуумом. В результате появления этого «туннеля» в поле Хиггса вся Вселенная перейдет в иное физическое состояние,

точно так же, как мгновенно кристаллизуется вода на сильном морозе.

Надо заметить, что британский физик уже давно несколько предвзято относится к «частице бога» и даже назвал ее открытие «скучным», поскольку оно подтверждает старые теории шестидесятих годов прошлого века и препятствует развитию совершенно новой физики. Ведь если бы хиггсон так и не был найден, то ученым пришлось бы заняться разработкой альтернативных идей, которые не только были бы интереснее, но и открыли бы новые пути в науке.

В последнее время Хокинг еще более ужесточил критику божественных частиц, указывая, что их открытие не только «существенно обеднило науку», но и открыло перед человечеством новые риски вселенских катастроф, способных привести к исчезновению окружающей реальности.

Гибель Мироздания

Так уж случилось, что с самого начала создания БАКа то один, то другой ученый, не говоря уже о дилетантах и журналистах, предрекал ужасные катастрофы глобального и даже вселенского масштаба при столкновениях частиц, разогнанных до колоссальной энергии. Не избежала этой участи и концепция «частицы бога».

Надо сказать, что подобные опасения в шутку или всерьез высказал в конце шестидесятих годов прошлого века один из «крестных отцов» бозона Хиггса, ныне покойный, профессор Браут. Строя математическую модель Вселенной, пронизанной незримым полем, он натолкнулся на любопытное решение, в котором некоторые микрочастицы могут катастрофически быстро обрастать «божественными частицами», тем самым практически неограниченно обретая массу. Далее следует хорошо известный и часто обсуждаемый сценарий возникновения множественных черных дыр, которые сливаясь, превратят всю Метагалактику в единый гравитационный коллапсар.

Сегодня к этим страхам добавились еще и «сенсационные» сообщения СМИ. В них всячески обыгрывается информация, что для воссоздания бозонов Хиггса

физики пытаются с помощью БАКа создать условия, существовавшие 13 миллиардов лет назад сразу же после Большого Взрыва. Однако с тех пор многое изменилось и известная темная энергия, «расталкивающая» Вселенную, сегодня не сосредоточена в некой условной точке, а «разлита» по необъятным космическим просторам. Поэтому нет силы, препятствующей возвращению новорожденной материи обратно в пучину сингулярности (состоянию с бесконечной плотностью энергии и вещества).

Несколько более оптимистичный сценарий на суд научной общественности представил американский физик-теоретик Джозеф Ликкен из лаборатории имени Энрико Ферми близ Чикаго (в просторечии — Фермилаб). Его версия растягивает катастрофические события на многие миллиардолетия, что, однако, не меняет конечный результат — гравитационное схлопывание Мироздания.

Впрочем, теория Ликкена лишь несколько приближает неизбежную «кончину» Вселенной, ведь ее ускоренное расширение под действием темной энергии все равно неминуемо приведет к ужасу «Большого Разрыва», или альтернативному превращению нашего Мира в «холодную мертвую пустошь».

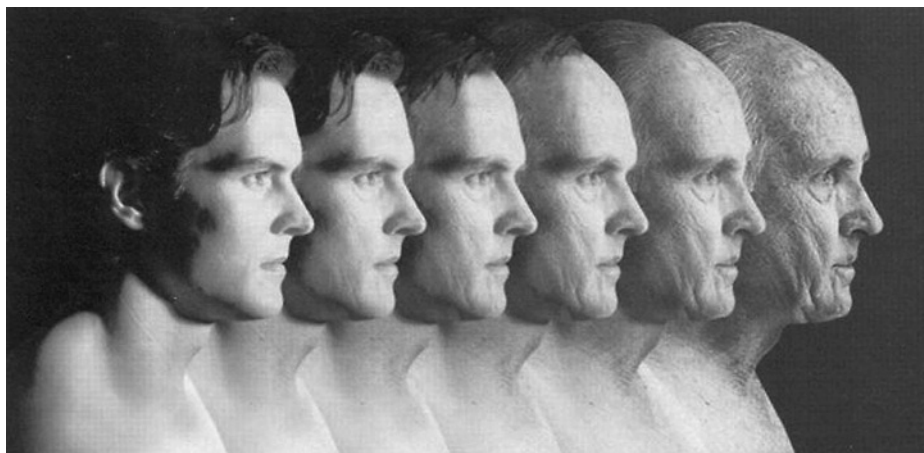
В ответ на многочисленные критические замечания доктор Ликкен доказывает, что его космологический сценарий намного более оптимистичный, чем появившиеся гипотезы о нестабильности поля Хиггса. В этом случае дальнейшее расширение пространства в принципе может привести к такой дестабилизации «божественных частиц», что масса будет просто как бы «сметена» и наш Мир в мгновение ока превратится в «газ» из безмассовых частиц и электромагнитного излучения.

Впрочем, злые языки утверждают, что построения американского теоретика во многом вызваны как многолетней конкуренцией Фермилаба с ЦЕРНом, так и неотмеченным вкладом команды Ликкена в серию экспериментов по «ловле» бозона Хиггса на БАКе.

Как бы там ни было, но в список грядущих вселенских катастроф ныне добавились еще «Нестабильность Хиггса» и «Вакуумный Апокалипсис Хиггса».

Борис Жуков

Б а ц и л л ы судьбы

Чем определяется срок человеческой жизни? Явная ограниченность ее во времени, а также закономерное ослабление в преклонном возрасте всех жизненных функций организма наводят на мысль, что человеческое старение не сводится к накоплению случайных поломок и ошибок и непохоже на обветшание и износ механических систем. Картина больше напоминает запрограммированное отмирание, вроде осеннего увядания листьев у листопадных деревьев.

Идея «запрограммированного старения» обсуждается в биологии вот уже около полутора веков. Однако большинство специалистов ее отвергает: как могла возникнуть в эволюции такая странная программа? Ведь любой шаг в эту сторону должен был бы немедленно пресекаться естественным отбором. И наоборот — любая мутация, выводящая эту программу из строя, должна подхватываться отбором, так что если бы такая программа каким-то чудесным образом и появилась в нашем геноме, она была бы быстро разрушена.

Неожиданный взгляд на этот старый парадокс предложили недавно двое американских ученых — микробиолог Мартин Блэйзер и математик Глен Вебб. Они предположили, что это вовсе не наша программа. Предел нашей жизни кладут «квартиранты» нашего тела — бактерии, обитающие внутри человеческого организма (в основном, в кишечнике, но также в легких и некоторых других органах). По мысли авторов новой гипотезы, эти бактерии когда-то были обычными патогенами, их жизнедеятельность наносила организму хозяину немалый вред и нередко приводила к смерти, особенно если речь шла о ребенке. Затем в ходе совместной эволюции бактерии последовательно снижали свою злобность (ведь паразит, губящий хозяина, погибает вместе с ним). Они перестали причинять вред детям и молодым людям, а некоторые из них даже превратились в полезных симбионтов, без которых человек уже не может обойтись. Но начиная с опре-

деленного возраста они принимают-ся понемногу отравлять хозяина, снижая его жизнеспособность и в конце концов приводя к смерти. Результатом этого становится постоянное обновление популяции хозяев и формирование в ней оптимальной возрастной структуры — что в конечном счете выгодно и бактериям. Примерно так же любой скотовод заботится о маточном стаде и молодняке, но режет старых животных, так как дальнейшее их содержание — лишь пустая растрата ресурсов.

Гипотеза Блэйзера и Вебба вобрала в себя сразу несколько чрезвычайно модных тенденций и тем в современной биологии. Помимо уже упомянутой острой проблемы теории старения, следует отметить, что подход авторов полностью соответствует канонам социобиологии — весьма популярного направления в эволюционной биологии, пытающегося трактовать все характерные черты строения и поведения живых существ как результат неких «эволюционно стабильных стратегий» (подробнее см. «3-С» № 10/13). Чрезвычайно модной в последние годы стала и тема того, как паразиты и симбионты влияют на физиологию и поведение своих хозяев, перестраивая их в выгодном для себя направлении. Наконец, сам основной метод исследования — разработка компьютерной модели и сравнение ее результатов с уже известными статистическими данными — также принадлежит к числу наимоднейших. Вздумай кто-нибудь смоделировать идеальный образец ультрасовременного исследования, у него вряд ли получилось бы лучше.

Тем интереснее видеть, как выпукло и наглядно проступают в этой образцовой работе слабости и ограничения применяемых методов и подходов, наглядно демонстрируя пределы их применимости. В самом деле, если непонятно, как могла возникнуть генетическая программа, понуждающая животное по достижении определенного возраста умереть — так то же самое можно ска-

зать и о программе, понуждающей паразита убить своего хозяина: ведь со смертью хозяина погибнет и сам паразит! (И никакая аналогия со скотоводом тут неуместна: ведь тот не погибает, зарезав состарившуюся овцу или корову.) Значит, естественный отбор среди самих бактерий должен противодействовать формированию такой программы и поддерживать любые ее поломки.

Да, собственно, и чем плохи для бактерий «долгоиграющие» хозяева? Ведь если старческая дряхлость и немощь — лишь результат хронического отравления организма выделениями его «квартирантов», то им достаточно перестать его травить — и он останется вечно молодым, исправно предоставляя им идеальную среду обитания. Если бактерии смогли каким-то образом отказаться от вредоносного воздействия на организм в его юности — зачем им возвращаться к этому воздействию в более поздних возрастах? Помимо всего прочего, такая стратегия требует какого-то способа измерения времени в масштабах десятилетий — то есть десятков (если не сотен) тысяч бактериальных поколений. Проще говоря, у бактерий, живущих в строго постоянной среде, где нет ни дня, ни ночи, ни зимы, ни лета, должно быть свое летосчисление и исторические хроники!

Возникает впечатление, что авторы, увидев интересную возможность обойти старое теоретическое затруднение, не стали продумывать ее до конца, а сразу принялись создавать модель. А когда результаты модели (после некоторого подбора параметров) показали хорошее совпадение с реальными данными — поспешили написать и опубликовать статью.

Впрочем, вряд ли стоит их за это осуждать. В истории науки крупные прорывы в той или иной области не раз начинались с осознания того, что последовательное применение господствовавших в этой области концепций к какой-то конкретной проблеме приводит к очевидному абсурду.

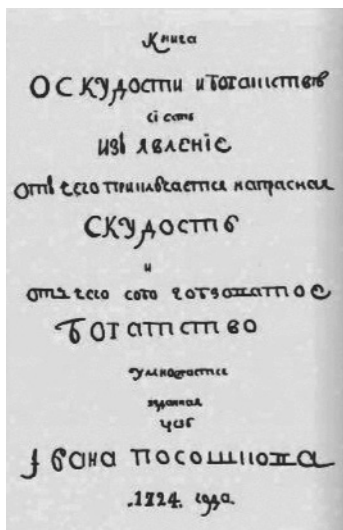
«Денежного дела мастер»

**«В коем царстве
люди богаты,
то и царство то
богато, а в коем
будут убоги,
то и царству
тому не можно
богатому быть»**

Среди «птенцов гнезда Петрова» его нет. Император, если и встречался с этим человеком один-единственный раз, то даже имени его не запомнил. Слишком скромн был этот мелкий купчишка-неудачник, слишком далек от двора. Тем не менее, со всей ответственностью заявляю — именно этот

человек, единолично, своим главным сочинением вывел петровскую Россию на передовые рубежи мировой экономической мысли. А в чем-то и сделал шаг вперед, опередив зарубежных коллег. Вот так. Не больше и не меньше. Добавлю только, что еще и жизнью за это поплатился.

Нежданный, негаданный, незамеченный...

«Самородок гнезда Петрова», Иван Тихонович Посошков.

Вглядываясь в личность этого человека, поражаешься тому, насколько отсталое, «допотопное» мировоззрение в некоторых вопросах светской и религиозной политики может сочетаться с опережающим свое время новаторством в вопросах экономического переустройства России. Так и хочется воскликнуть: не требуйте от гениальных экономистов передовых идей, даже глубокого понимания современности не ждите! Экономист — особое устройство головы. И тем более удивительно, что Посошков, будучи человеком «допетровского» воспитания, понимания жизни и интересов, сумел сформулировать и предложить императору такой грандиозный план реформ, который тому и не снился. Этот план, вошедший в историю мировой экономической мысли под названием «Книга о скудости и богатстве», был представлен Посошковым Петру I в августе 1724 года. И с этого времени мог бы начаться новый этап реформ для страны, уже ступившей на этот путь... Мог бы... Это даже не пресловутое «сослагательное наклонение», не признаваемое историей, это просто сожаление о том, что к российским правителям всех времен почти

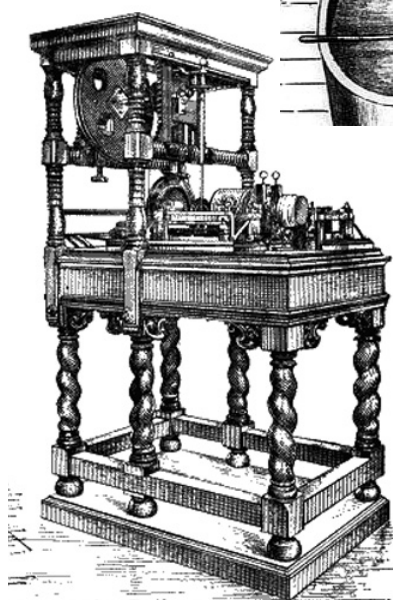
невозможно пробиться обыкновенному человеку, даже если он гений. Невозможно, прежде всего, потому что все подходы наглухо перекрыты холоуями и охраной. Петр I в молодые годы был открыт для новых людей, а потом и сам не заметил, как Меншиков воздвиг вокруг своего «мин-херца» крепостную стену.

Что такое был Иван Посошков для императора?! Да в том-то и дело, что в разные времена по-разному! Ведь в начале века он еще смог свободно общаться с Петром, как это было, например, в селе Преображенском. Тогда Посошков, всегда будучи человеком изобретательным (о себе он жаловался: «У меня вымыслов пять-шесть было пожиточных, а покориться мне не дали, и все те вымыслы пропали ни за что»), рассказал царю о придуманной им «огнестрельной рогатке», и Петр это устройство одобрил и поручил сделать образец. Посошков сделал, но рогатка так и осталась невостребованной, поскольку Петр уже начал закупать и копировать иноземные образцы вооружения.

Но Посошков всегда был предприимчивым человеком, его голова работала постоянно. Как все люди такого рода, он, будучи гениальным в одном, в остальных областях был просто талантливым. И, как все гении, в обычной практической жизни зачастую непродуктивен, даже нелеп. А еще не повезло русскому самородку в том, что слишком уж низкий старт был ему задан от рождения. Его отец Тихон Посошков, «оборочный крестьянин» из села Покровское, ничего не мог ему дать в плане образования. Однако, «самообразовываться» Иван начал довольно рано, поскольку его родное село находилось в ведении Оружейной палаты, и покровские сызмальства работали в мастерских Государева двора. А эти мастерские были очень разнообразны: оружейные, столярные, винокурные, иконописные, гравировальные...

Молодой Посошков, видимо, поработал в нескольких из них и сумел

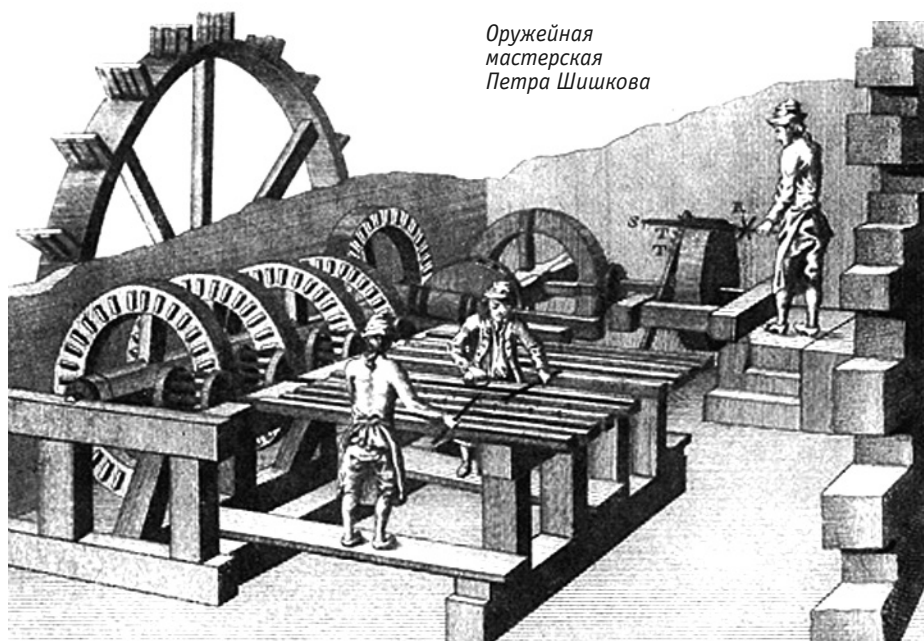
Изготовление бумаги
при Петре I
в XVIII веке

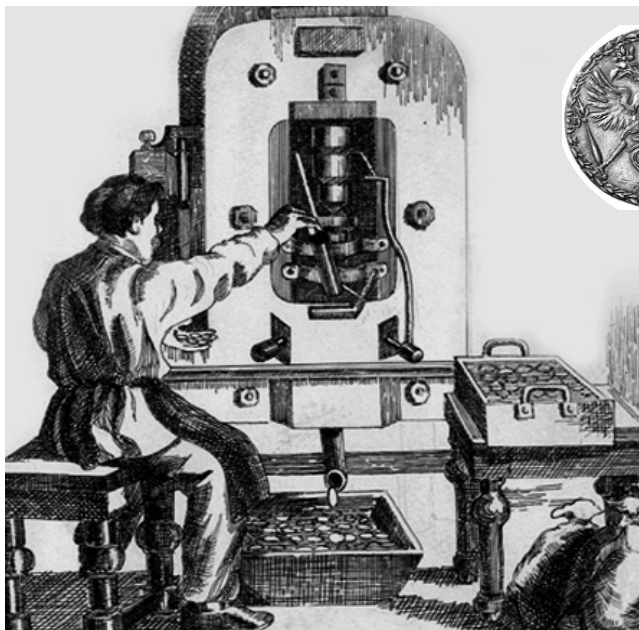

Первый копировальный
автомат
А.К. Нартова, 1712 год

приобрести самые разные познания и навыки. Но только лет в сорок, если верить его биографам, Посошков сумел открыть собственное дело – винокуренный заводик, который, по-видимому, особого дохода не приносил. Потому что года через три Посошков вернулся на службу – пошел работать в Оружейную палату «денежного дела мастером». Это было время, когда Петр повелел изготавливать на Монетном дворе круглые монеты из меди, а как делать, на чём? Решили было выписать мастера из-за границы, поскольку, как о том пишет Посошков, «никто из

Оружейная
мастерская
Петра Шишкова

Первый серебряный
гривенник

Чеканка монет

русских людей... не сыскался, чтобы те инструменты к такому делу соорудить». А Посошков за эту работу взялся и, по его словам, «всё то денежное дело установил». В награду, видимо, и получил назначение «уставных денежного дела мастером».

Дальше не совсем понятно: то ли ему это дело наскучило, то ли по другим причинам, но спустя четыре года Посошков уже занимается изготовлением игральные карт, и, конечно же, не без «рационализаторского предложения» — поменять рисунок на трефовых картах, чтобы не ассоциировались с православным крестом. И снова недолго пробыл в «картном промысле» Посошков: в 1707 году он уже «водочный мастер» в Москве, затем в Петербурге, в Новгороде. Причем, репутация его, как честного человека, была такова, что в течение всех лет его, выражаясь тем языком, «не считали» (не проверяли). Посошков занимался и торговлей, и полотняным делом, и еще чем-то...

Дело шло в разные годы по-разному, бывала и прибыль, случались и неприятности, но, в общем, особых успехов он не достиг. И это при всех его способностях, дарованиях, трез-

вости и хватке?! А не удивительно! Параллельно со всей коммерческой возней в этом человеке шел совершенно особый процесс. Никому не заметный, и, может быть, им самим поначалу не вполне осознанный. Процесс осмысления экономического переустройства России.

Вот она, величайшая загадка тех редких людей, что прорываются в неведомое, заводя «часовой механизм» истории: как среди житейской суеты, служебных и семейных неурядиц они умудряются прокладывать внутри себя тот путь, по которому затем движутся народы?! Когда, в какой момент своей жизни Иван Посошков, отложив в сторону какую-нибудь купчую или очередное прошение, вдруг взял чистый лист и написал следующее:

«Аще кто восхошет умными очима воззрети на житие наше православно российское и на вся поведения и дела наша, то не узрит ни во единой какой-либо вещи здравого дела?»

Это было самое начало нового, восемнадцатого века. Посошкову «стукнуло» пятьдесят; еще лет пятнадцать, и про него в те времена сказали бы — «зажился». Но царь был молод, и «Россия молодая, в бореньях силы напрягая,

мужала с гением Петра! И кому, как не ему, пятидесятилетнему, пожившему, было не видеть всех несуразностей современной ему реальности:

«...ниже во гражданском, ниже в поселянском, ни в воинском, ни в судейском, ни в купецком, ни в художном, ниже в самых скитающихся на улицах нищих, — и не вем такого дела или вещи какой, еже б пороку в ней не было. Несть в нас целости от главы, ... и живем мы всем окрестным государствам в смех и в поношение. Вменяют они нас вместо мордвы, а и чуть что и не правда их, понеже все у нас худо и непорядочно».

Программа экономического переустройства России будет созревать в голове Посошкова следующие двадцать лет. В реальной жизни это были годы наибольшего коммерческого успеха Посошкова, когда он сумел сделаться, наконец, относительно состоятельным человеком. Однако в духовном плане они стали самыми тяжелыми. Немолодой уже человек, обремененный семьей и обязательствами, переживает состояние внутреннего раздвоения. Он, безусловно,

поддерживает Петра, восхищается им, видя в нем «правдолюбца», работника, русского «сизифа»:

«Видим мы вси, как великий наш монарх о сем трудит себя, да ничего не успеет, потому что пособников по его желанию немного: он на гору аще и сам — десять тянет, а под гору миллионы тянут: то како дело его спору будет? ... Откуда ни посмотришь, — нет у великого государя прямых радателей, но все судьи криво едут».

Внутренний раскол Посошкова с годами усугубляется: по мере проведения Петром реформ в светской жизни российского общества Посошков все больше осуждает императора за отход от исконного православия, за все эти балы и куртаги с «богомерзкими танцами»... Но самого Посошкова за подобное старческое брюзжание трудно осуждать, потому что время было странное, причудливое во многих своих проявлениях: ведь сам Петр, входя в церковь, снимал не только шляпу, но и... парик.

«Не имея сил умолчать, исполненный «презельной горячности» к общему благу», Посошков продолжает

*Петр I в столярной
мастерской*

Ассамблея при Петре I

писать, порой и «нужду свою домовную презрев».

«Отеческое Завещание» — это противопоставление полумонашеского, «духовного жития» «светскому», петровскому, по которому «еже есть на свете, то все чисто и свято... и грехи ни в чем несть» (выражаясь современным языком — «что естественно, то не стыдно»), и можно «до полунощи, иное же и до самого света, в скакании и танцевании без сна проводить... и пить с музыками и карты играти».

«Завещание» Посошкова отражает мировоззрение русского человека, вышедшего из семнадцатого века, но в круг светских реформ Петра так и не шагнувшего. Для Посошкова Запад — это дьявол, искушающий православные души. Однако, вслед за «Завещанием» он напишет трактат, в котором использует и перерабатывает многие идеи западных экономистов, о ком в окружении Петра порой и не ведали. Использует, естественно, не зная, откуда они. В 1719 году, ещё не закончив «Отеческого Завещания», Посошков составляет «доношение» императору с крити-

кой «новоначинающихся» денег — мелкой низкопробной серебряной монеты, поскольку, по выражению Посошкова, «такая деньга весьма есть к воровству способна» (то есть, удобна для подделок).

Чтобы подать свое «доношение», Посошков пытается попасть к кабинет-секретарю царя Макарову. Однако «за жестокими караульщиками» (читай — из-за грубой охраны) не попадает. Приходит снова, и опять не может пройти.

Судьба словно пытается предостеречь Посошкова: не искушай меня, не суйся со своими писаниями, не по чину тебе. Но воспоминания о том, как прост и доступен казался прежде государь, как заинтересованно разговаривал, понимая трудной доли самодержца-реформатора, его фактического одиночества снова и снова толкают Посошкова к опасной черте.

К счастью, тогда за эту черту он так и не переступил, и вынужден был убраться восвояси со своими писаниями, поскольку, пока обивал секретарский порог, император уехал из Петербурга. Судьба подарит ему еще семь лет жизни — для главного труда — «Книги о скудости и богатстве».

Мне трудно представить себе Ивана Тихоновича Посошкова в эти последние годы его жизни. Уйди он в монастырь, отринь все житейские заботы, было бы понятно, как рождался этот труд. Но Посошков купец, строитель, изобретатель, владелец недвижимости в нескольких городах, обремененный «многосуетными» делами, отец семейства, где не сыскать помощников, а одни дразги, да нелады... Да и лет ему за семьдесят. Может быть, этим объясняется довольно резкий тон, которым Посошков, обращаясь на этот раз лично к государю, критикует российскую действительность со всеми ее «неправдами» и «неисправностями». Он даже иногда оговаривается, чтобы смягчить эту редкость, как бы извиняется за нее:

«Не постави, Господи Боже мой, сего моего словесе в осуждение, еже дерзнул поносителю на пастырей своих писати»... «страшен ми сей глагол, что дерзнул о таком деле великом писати, но презельная моя горячесть понудила мя на сие дело».

И даже просит Петра не называть его имени никому, поскольку лишь ему, государю, верит, а все прочие «сильные люди» — только ябедники да обидчики, и «не попустят мне и мало-го времени на свете жить и потому буду я сам себе убийца».

Да кому ж из «сильных» понравились бы такие строчки: «крестьянам помещики не вековые владельцы, того ради не весьма их берегут, а прямой их владелец — Всероссийский Самодержец!» «Книга о скудости и богатстве» исследует два основных предмета: богатство и правду. Под «богатством» автор понимает общенародное обогащение, которое составляет суть государственного или царского богатства:

«Сие дело невеликое и весьма нетрудное, еже царская сокровища наполнити богатством..., но то великое многотрудное есть дело, еже бы народ весь обогатить». «В коем царстве люди богаты, то и царство то богато; в коем царстве люди будут убоги, то царству тому не можно слыть богатому».

Посошков несколько раз повторяет эту мысль. По мнению его биографов, он вплотную подходит к знаменитой формуле физиократов: *rauvre paysan — раувре гоуаите — раувре гоі*. «Что означает: крестьянское богатство — царственное, а нищета крестьянская — оскудение царственное».

А в «правде» Посошков видит «невещественное богатство», то есть, хорошие законы и их соблюдение, хорошее управление государством и послушание подданных.

В вопросе об источнике богатства автор «Книги» абсолютно современен. По Посошкову — это производительный труд! А в вопросе об источнике скудости он еще современной: отсталое сельское хозяйство, низкая производительность труда и неразвитая торговля. Как с этим бороться?

Во-первых, искоренить праздность, всех принудить работать, причем, работать с полной отдачей. Во-вторых, экономить. Ничего не тратить зря, все пускать в дело. В «Книге» есть главы о внутренней и внешней торговле. В этом вопросе Посошков прямо-таки суперсовременен! Предлагает всё, что можно, производить внутри страны, чтобы менее зависеть от других государств, а ввозить только то, что произвести никак нельзя. А еще: прекратить вывоз из России промышленного сырья и экспортировать лишь готовый продукт. И поменьше закупать предметов роскоши. За взвинчивание цен у Посошкова предусмотрен радикальный метод — штраф и батоги. А чтобы проще, как сейчас сказали бы, прозрачнее, налаживался бизнес, следует уничтожить множество налогов, а ввести единый «государственный... сбор... то есть десятинный», и с товара установить единую пошлину. И в налаживании бизнеса у Посошкова тоже есть способ: почему бы не строить заводы за государственный счет, а затем передавать их в частные руки для лучшего ими управления?! Посошков был сторонником номиналистической теории денег. Для него богатство это

не золото в казне, как принято было считать столетиями. Для него *богатство* — это весь произведенный в стране продукт, все материальные блага, находящиеся в руках государства и народа:

«Не то царственное богатство, еже в царской казне лежащие казны много, ниже то царственное богатство, еже синклит Царского Величества в златотканых одеждах ходит, но то самое царственное богатство, ежели бы весь народ по мерностям своим богат был самыми домовыми внутренними своими богатствы, а не внешними одеждami или позументным украшением».

Очень эмоционально написана в «Книге» глава о «Закоренелой древней неправде», то есть, о тогдашнем российском судопроизводстве. Посошков приводит примеры из собственной жизни, как образец судебного произвола и абсурда.

Вот подал он князю Дмитрию Голицыну, с которым был даже лично знаком, прошение разрешить ему построить винокуренный завод... И что же? «Неведомо ради чего» Посошкова взяли под караул и продержали неделю. «А я, кажется, и не последний человек, и он, князь Д.М., меня знает, а просидел целую неделю ни за что. Колями же паче коего мизирного посадят, да и забудут!»

Еще случай: некий полковник ни с того, ни с сего в присутственном месте грубо обругал Посошкова, назвал вором и «похвалялся посадить его на шпагу». Посошков пытался жаловаться, пошел в суд, но без толку. «Как же, — обращается он к государю, — сыщет суд, кто мизирнее меня? Только что о обидах своих жалуйся на служивый чин Богу!»

Такие маленькие и большие «неправды», чинимые повсеместно, по мнению автора, пагубно влияли на состояние общества.

«В немецких землях вельми людей берегут, а наипаче купецких людей: и того ради у них купецские люди и богаты зело. А наши судьи нimalo людей не берегут, и тем небрежением все царство в скудость приводят».

«Правосудное установление — самое есть дело высокое, паче всех художеств, на свете сущих».

Кто и теперь не подпишется под этими словами?! Но, в общем, автор понимает, что главное — это беспощадно «менять древние порядки», которые все «обветшали и исказились»; и предлагает собрать «многонародный совет», чтобы он провел коренную реформу всей судебной системы. А при государе учредить «особливую канцелярию», которой стал бы править наивернейший, ближний к царю человек, кто как «око Царево, верное око, за всякими правителями смотрел властительно».

Совершенно неожиданно у Посошкова встречаются суждения по военному делу. Например, он считает нужным уделять внимание воспитанию каждого солдата, а не превращать армию в единый безликий и бессознательный механизм. Эту идею значительно позже развил Александр Васильевич Суворов.

В «Книге о скудости и богатстве» Посошков поднимает вопрос и о том, что сейчас назвали бы «рациональным использованием лесных богатств России». Вроде, ничего особенного, но напомним, в какое время это писалось. Начало восемнадцатого века: леса казались безбрежными, неисчерпаемыми, вырубка леса делом передовым и прогрессивным. Лесная торговля процветала, причем зачастую в убыток государству, именно в силу психологии — чего много, того не жаль. Но на то и гений, чтобы предвидеть беду — быстрое оскудение нашей земли лесами! Предвидел, предупреждал... И рыбы тогда много было в реках! Но и этим богатством Посошков считал нужным дорожить, а его предложения по правильному ведению рыболовства, как отмечают биографы, часто совпадают с серьезным научным исследованием Бэра и рыболовным уставом, который появился только в 1859 году!

В 1752 году Михаил Ломоносов обратил внимание своего покровителя Ивана Шувалова на трактат Посошкова, «Книгу о скудости и богат-

стве». Тогда же было сделано несколько списков с «Книги» для публичного распространения и один — для Академии наук. Ломоносов указал Шувалову, что вот, мол, еще несколько десятилетий назад умный человек предлагал ввести в России всеобщее обязательное обучение в следующих строках:

«Паки немалая пакость крестьянам чинится и оттого, что грамотных людей у них нет... Я чаю, не худо бы было так учинить, чтобы не было и в малой деревне безграмотного человека, положить им крепкое определение, чтобы безотложно детей своих отдавали учить грамоте, и положить им срок года на три или на четыре».

А Шувалов, выбрав подходящий момент, поведал о «Книге» Посошкова императрице Елизавете Петровне под предлогом того, какие умные головы при ее отце такие умные книжки писали! И пересказал ей содержание нескольких глав. Императрица и сама не преминула похвастать Посошковым перед иностранными дипломатами: вот де, какие передовые прожекты еще при батюшке писались в России, до коих Европа еще и не додумалась. Шувалов, правда, не рассказал Елизавете, что за сей передовой трактат с той умной головой при ее батюшке сделали.

Посошков шел семьдесят четвертый год... Он продолжал много работать. Писания писаниями, а нужно было заботиться о семействе, развивать бизнес, как сейчас сказали бы. Летом 1725 года Посошков приехал в Петербург, чтобы подать прошение об открытии в Новгороде полотняной фабрики. Прошение приняли к рассмотрению, и... внезапно, вместо положительного ответа — арест. 26 августа Посошков вместе со своим малолетним сыном был взят под караул и отведен в тайную розыскных дел канцелярию. Дом Посошкова обыскали, изъяли письма, деловые бумаги и главную «улику» — «Книгу о скудости и богатстве». Оказалось, что еще год назад Посошков представил это свое сочинение императору Петру. Год пролежало сочинение

Посошкова среди писем и прошений государю. А когда дошло до его рассмотрения, кто-то из бдительных чиновников канцелярии счел, что автора столь дерзостного писания следует для начала хорошенько «проверить на лояльность». Арестовали, посадили. Стали разбираться с его бумагами, допрашивали родню. Все это делалось медленно, тянулось месяцами... Неважно, что вины явной нету. Сиди жди. А много ли старику надо? В петровских казематах и молодые недолго выдерживали.

Посошков продержался пять месяцев. 26 января 1726 года, чувствуя приближение смерти, написал завещание, исповедался, причастился. А несколько дней спустя, 1 февраля, отправился в мир иной с благословения протопопа Исаакиевского собора.

Похоронили Посошкова на Выборгской стороне, около церкви св. Сампсония Странноприимца, где хоронили заключенных Тайной канцелярии. Криминальное «дело» его за полгода, что умирал в заключении, так разобрать и не успели. Не до того было. После смерти Петра власть пошатывалась... Меншиков «аки пес» бегал вокруг престола, рычал, тявкал, искал подпорки... Кинулся в аферу — велел чеканить гривенники из сплава «новой инвекции». Сплав из селитры, мышьяка и сулемы вскипал пузырями, рассыпался, а сколько народу отравили! И ничего не достигли, кроме «великого бесславия государству». Через год-два приказано было повсеместно изымать из обращения эти ужасные «меншиковы гривенники», но народ уже перестал доверять и сербренным петровским. Погорели на этом деле и казна, и сам Меншиков. Талантливый политик — задуманный им Верховный Тайный совет был ведь, по сути, шагом к превращению личной воли в государственное учреждение, — он вторгся в область, в которой ничего не понимал. Реформаторам нужны экономисты.

Может ли ученый быть верующим?

Доктор Роберт Ашер — известный палеонтолог. Он читает лекции в Кембриджском университете и является куратором университетского Зоологического музея. В своей недавней публичной лекции «Может ли ученый быть верующим?» доктор Ашер поначалу отвечает на этот вопрос коротко и однозначно: «Да». И действительно, среди ученых довольно много религиозных людей. Тем не менее, его ответ не является исчерпывающим.

Многим хотелось бы знать, в какой мере вера совместима с научным знанием, и здесь возникает необходимость более четко определить, что означает «быть верующим». И тут, говорит доктор Ашер, нужно проводить разграничение. Если «быть верующим» означает верить во всемогущее, человекоподобное Нечто, которое вмешивается в природные процессы, отменяя те или иные законы природы или творя те или иные чудеса, подобно тому, как механик вмешивается в работу неисправной машины, то такая религиозность не является рациональной или разумной. Она не совместима с научным знанием. Учитывая наши сегодняшние знания о мире и о космосе, полученные с помощью методов, на которые мы опираемся практически во всех областях нашей повседневной жизни, было бы неразумно верить, что звезды подвешены на нитках к металлическому небосводу, что возраст Земли составляет 6000 лет, что девственницы могут рожать детей, и что разложившийся труп может снова вернуться к жизни.

Большинство людей, исповедующих ту или иную религию, продолжает доктор Ашер, способны мириться с тем, что некоторые догмы их священных

книг несовместимы с тем, что они знают о реальном мире. Подобно святому Августину, жившему в IV веке, они понимают, что в конфликте между нашим толкованием священных текстов и нашим пониманием естественных законов какая-то сторона должна чем-то поступиться и, как правило, этой стороной оказывается толкование религиозных текстов, а не понимание законов природы. Соответственно, многие из таких людей признают, что «чудо» (если определить его, как внезапное нарушение закона природы) обычно оказывается следствием невежества или недостаточного знания, а не чего-то, органически присущего предметам и явлениям окружающего нас мира. Аптеки древней Мексики в XVI веке сделали трагическую ошибку, возведя свое невежество относительно испанских лошадей и копыеносцев в ранг чуда, и эта ошибка (вкуче с оспой и некоторыми воинственными соседями) привела к падению их империи. Те, кто сегодня набожно склоняются перед каким-то явлением только потому, что оно представляется им необъяснимым, совершают ту же ошибку. И наоборот, головкружительную красоту Большого Каньона нисколько не умаляет тот факт, что мы понимаем, какие геологические процессы позволили создать эту красоту. «На мой взгляд, — говорит доктор Ашер, — существование законов природы, да и самого разума как такового — вот что может быть легитимной основой для благоговения; но никак не невежество в отношении этих законов».

Далее в лекции доктор Ашер говорит о Дарвине: «Его иногда изображают как атеиста, потому что он сформулировал закон, не позволяющий более человеку считать себя исключе-

нием из правил, которое не подчиняется законам природы. Он доказал, что мы животные — весьма особые, это верно, но тем не менее, животные. И если ваша религия требует считать иначе, значит она — по меньшей мере, в какой-то детали — не верна. Примечательно поэтому, что сам Дарвин в своем «Происхождении видов» (1860 год), четко разъяснил, что не видит «никаких причин, по которым это сочинение могло бы покори́ть чьи-либо религиозные чувства», а в письме 1879 года добавил: «Мне представляется абсурдным сомневаться в том, что человек может быть убежденным теистом и одновременно эволюционистом... Лично я даже в самых своих крайних проявлениях никогда не был атеистом в смысле отрицания существования Бога». Вплоть до конца жизни Дарвин, видимо, не признавал личностного Бога или типичного христианского объяснения природы человеческих страданий. Тем не менее, вопреки тому, что сегодня его изображают атеистом, его статьи и письма со всей очевидностью опровергают подобные толкования».

И далее доктор Ашер объясняет, почему создатель эволюционного учения, которое, казалось бы, непримиримо противоречит религии, всё же не считал, что оно идет вразрез с религиозными чувствами верующего человека. «Этот кажущийся парадокс, частично, обусловлен тем, — считает Ашер, — что Дарвин очень скромно (и точно) понимал пределы эволюционной биологии как науки, которая занимается становлением разнообразия жизни после ее возникновения и не вдается в вопрос о происхождении самой жизни или о существовании Бога, тогда как сегодня широко распространено обратное представление. Это неправильное представление затрудняет многим людям понимание того, насколько убедительны доказательства эволюционной теории. Дарвин предсказал многое из того, что позднее ученые обнаружили, изучая сходства и различия среди ископаемых останков животных, в анатомии и развитии различных видов, а также в их генетичес-

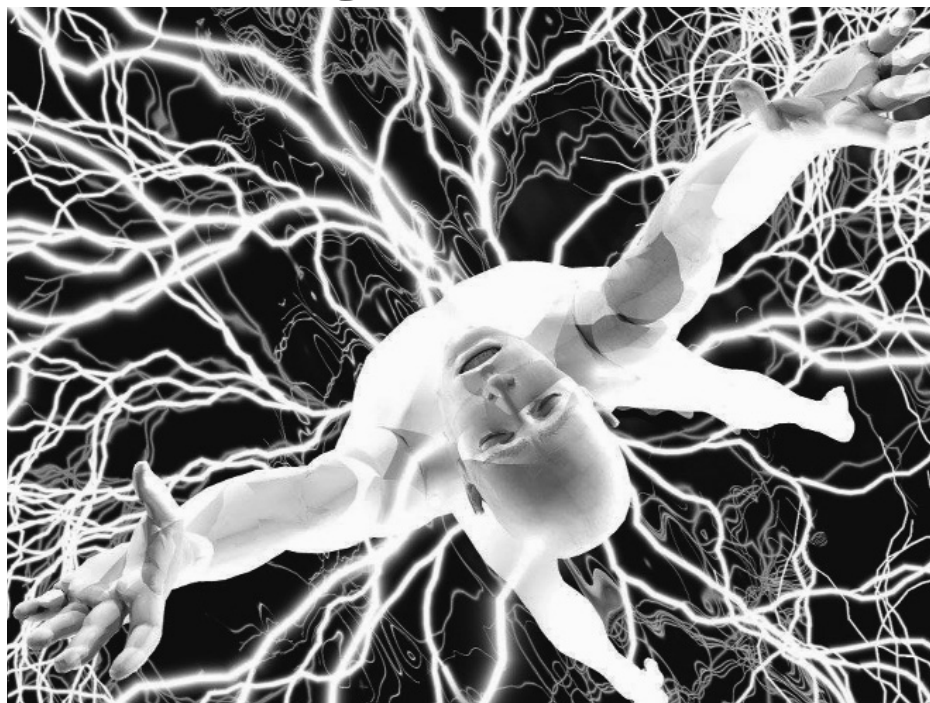
ком разнообразии, которое тоже согласуется с его предсказаниями».

В завершение лекции доктор Ашер затрагивает вопрос о так называемой «теории Разумного Дизайна», которую противники эволюционизма в США и в Европе пытаются сейчас противопоставить теории Дарвина как «легитимную альтернативу». «В своей книге «Эволюция и вера: исповедь религиозного палеонтолога», я последовательно показываю, что развитие науки подтвердило полную правоту Дарвина во всех существенных деталях, и объясняю, каким образом биологическая сложность возникает из вполне естественных процессов. Будучи абсолютно убежден, что эти процессы не связаны с каким-либо человекоподобным Высшим Интеллектом, я в то же время нисколько не отрицаю этим существование Бога. В этом плане я могу лишь повторить утверждение самого Дарвина, что его теория описывает возможный механизм становления природного разнообразия, указывая на его причину, но не уточняя возможный характер сил, стоящих за этой причиной. Эволюционная биология — вкупе со всеми прочими естественными науками — противоречит суевериям, но не исключает веры в Бога».

Правильное понимание сути конфликта между религиозной верой и научным знанием, — говорит в заключение доктор Ашер, — это одна из важнейших задач нашей эпохи. Ее решение требует проведения четкой границы между религией и суеверием. В священных текстах есть многое, что справедливо во все времена и во всех условиях. Таковы, например, заповеди скромности, честности и сострадания. Но многое в них тесно связано со своим временем и своей культурой. Каждому поколению христиан (как и людей любой иной веры) приходится заново вдумываться в такие тексты, порой разумно предполагая, что, возможно, те или иные «сомнительные» места следует толковать иначе, чем мы их понимали. «Подобно всем человеческим начинаниям, интерпретация религиозных текстов также требует тем большего обдумывания и корректирования, чем глубже мы постигаем космос и самих себя».

Александр Крушанов

Нуждается ли наука в идее духа?

Есть такая шутка:
Раньше психология была наукой
о душе.
А теперь – это наука об отсутствии
души!

В.П. Зинченко

В современном общественном сознании и, соответственно, в СМИ присутствует целый ряд тем, само существование которых наука считает помутнением рассудка и даже чем-то весьма оскорбительным для ответственно мыслящих ученых. В

то же время интересно уже то, что множество подобного рода тем, как ни странно для безумия, весьма обозримо и сводится главным образом к нескольким основным ответвлениям: «летающие тарелки», сюрпризы криптозоологии вроде Йети, допо-

топные цивилизации (Гиперборея, Лемурия и др).

Ну и, конечно же, в этом цикле самостоятельное и очень заметное место занимают представления о существовании и особой значимости духовной реальности — духа, что профессиональным исследователям вообще-то полагается рассматривать лишь как «термин, используемый в *ненаучной* литературе (курсив мой — А.К.) для обозначения души или чего-то такого, что является нематериальным и несет в себе энергию, управляющую миром и человеком» (Психологический словарь Р.С. Немова). При этом в соответствии с давней традицией можно считать, что душа — это индивидуальное воплощение духа, как всеобщей мировой сущности (начала), то есть мирового Духа.

Как это ни удивительно для самого автора данных заметок, но размышление над накопившимся к настоящему времени познавательным опытом, как коллективным, так и личным, все более провоцирует мысль о том, что у идеи духа (духовного начала, субстанции), сегодня признаваемой внеучной, возможно, есть потенциал трансформироваться в настоящую научную категорию.

Следует уточнить: данная, упорно существующая в пику науке тематика, не остается застывшей и к настоящему времени хоть и внешне, но подкорректировалась, так что приобрела даже совсем не раздражающее, но обманчивое звучание. Ее нынешним adeptам показалось более респектабельным и современным отказаться от традиционной риторики, и потому теперь чаще можно встретить упоминание, скажем, не о «духовной оболочке» Земли или о «хрониках Акаши», но, например, об «информационном поле Земли», «о тонких взаимодействиях» и других онаученных фиксациях всё того же, вроде бы изжитого наукой феномена.

Разумеется, стоит отчетливо понимать, что, скажем, под «информационным полем Земли» при этом подразумевается совсем не область преимущественных интересов кибернетики

или теории информации Шеннона. Да, конечно, речь идет о некотором предполагаемом мощном, но скрытом источнике знания. Но источник совершенно особой, мистической, природы, существование которого, как представляется поклонникам этой идеи, и позволяет людям-феноменам (типа Эдгара Кейси, Ванги, Вольфа Мессинга, Нострадамуса и других) получать знание, например, о будущем. А нормальным талантливым творческим личностям это «поле» просто дарует то, что обычно оценивается как значительные достижения этих творцов.

Стоит подчеркнуть, что у подобного взгляда на творчество есть некоторое внятное основание. Так, наш широко известный писатель Даниил Гранин вдруг замечает: «Гений — просто писарь, ему кто-то сверху диктует, а он только пишет. Он не хозяин себе, он раб своего дара». И то же самое говорят о творчестве и другие широко признанные и тонко чувствующие мастера в разных областях креативной деятельности.

Скажем, можно привести слова нашего замечательного режиссера Владимира Меньшова: «Это какие-то отношения с высшими силами, я их не понимаю, хотя всю жизнь пытаюсь разгадать. Все более или менее значительные люди всегда в разговоре скажут: «Это делал не я, меня что-то тянуло, я не знаю, как это получилось». Это касается и политических деятелей, а особенно творческих людей». Ему вторит, например, лидер популярной российской рок-группы «Чайф» Владимир Шахрин: «Для меня появление песни до сих пор абсолютная загадка, поэтому я не считаю себя профессиональным сочинителем. У меня есть такая «теория радиоприемника»: приехал радиолубитель в поле, вытащил антенну, начал крутить и — р-раз! И слышит позывные, голос из какой-нибудь Бразилии. Никто этого не слышит, кроме тебя, потому что у тебя такой приемник особенный. И меня, наверное, природа наградила таким приемником, чуть более чувствительным, чем у других, с

чуть более мощной антенной. Ведь песня, слова и музыка, как я понимаю с годами, существуют где-то в пространстве и непонятно откуда вдруг возникают в твоей голове».

Не скрою, суть высказанных творческими деятелями впечатлений возможно объяснить вполне естественным, не экзотичным образом: сходство приведенных высказываний может определяться не существованием некоего мистического вселенского (или планетарного) банка информации, а просто тем, что все авторы данных свидетельств знакомы с популярными трудами Станислава Грофа, утверждающего в общественном сознании метафору: мозг — это лишь приемник, а не генератор информации! В этом контексте простым и правдоподобным объяснением может быть следующее: речь можно вести лишь о запрограммированном взгляде упомянутых творческих людей на функционирование своего внутреннего мира. Разумеется, исключить данной возможности априори невозможно. Однако, с другой стороны, на мой взгляд, стоит иметь в виду и то, что эту же ситуацию можно прочесть совсем противоположным образом: не являются ли публикации Станислава Грофа столь популярными потому, что очень хорошо перекликаются с необычным и важным опытом продвинутых творческих людей?

Уже само описание свойств духа в приведенном Р.С. Немовым, вполне типичном толковании души показывает, что речь идет в принципе об очень серьезном феномене. А следовательно, его влияние не может не проявляться и в нашем родном материальном (природном) мире. Почему же тогда это влияние еще не выявлено? Увы! Вынужден сразу заметить, что в отмеченной связи не должно быть завышенных ожиданий и требований. Ведь мы понятия не имеем, как возможно отследить подобное влияние, даже если идея духа — это не простая ошибка познания и не всего лишь фантазия. Так что пока это совсем не выглядит решающим аргументом против самой идеи.

В этой связи позволю себе напомнить, скажем, о лишь недавнем открытии «темной материи» и «темной энергии», которые, между тем, как выяснилось, составляют в нашей Вселенной аж около 85 ее процентов! То есть, до недавнего времени астрофизики, несмотря на дружную и массовую работу, в известном смысле активно интересовались лишь «громкими космическими моськами» (да простят мне уважаемые астрофизики и небеса эту дерзость, — как говорится, ничего личного!), не замечая находящегося в непосредственном соприкосновении с ними целого космического «слона»!

Или обратимся к бессознательному в психике человека. Активное изучение неосознаваемых психических процессов, как известно, развернулось опять же сравнительно недавно — в начале XX века, хотя «...уже результаты первых исследований показали, что проблема бессознательного настолько обширна, что вся осознаваемая человеком информация — это лишь верхушка айсберга, большая часть которого не видна глазу наблюдателя» (слова психолога А.Г. Маклакова).

В силу чрезвычайно удивительной специфичности обсуждаемого феномена (пока для научного сознания, конечно же, даже спекулятивного!), его позитивное упоминание и сколько-нибудь серьезное принятие чреватое важными следствиями. В итоге можно заполучить ярлык легкомысленного, неквалифицированного, а то и паразитирующего на моде исследователя, или же быть заклеянным как идеалист или даже фидеист. Поэтому специалисты о своих необычных наблюдениях подобного цикла не пишут вообще или сообщают о таком экстравагантном опыте очень «негромко», как правило, скрывая признания этого рода в своих развернутых общих интервью. И лишь журналисты «продают» в таких случаях ученых с головой, придавая отдельным высказываниям статус специальных категоричных заявлений и вынося сказанное прямо в заголовки интер-

вью. К счастью, в наши времена к публикациям в СМИ уже не относятся так же трепетно и строго, как прежде, а потому очень неординарные замечания обсуждаемого рода в конце концов все же проходят для авторов вполне безболезненно и без каких-либо оргвыводов.

Однако благодаря такой практике любопытная информация о встречах исследователей с крайне удивительными и «противоестественными» проявлениями нашего внутреннего мира время от времени все же представляется на широкий суд. В результате можно считать совсем не уникальным и скорее всего имеющим под собой реальное основание заявление явно хорошо информированного доктора военных наук, первого вице-президента Академии геополитических проблем Константина Сивкова о том, что необходимо «объяснить достаточно большой класс явлений, которые объединяются сегодня под названием «паранормальных». Абсолютное большинство из них — это ничем не подтвержденный вымысел околонучного жулья. Однако уже есть достаточная статистика строго научно зафиксированных явлений такого рода (в частности, экстрасенсорика и ясновидение), которая не позволяет просто от них отмахнуться и требует своего объяснения».

В этой связи лично мое внимание привлекают, например, следующие (имеющие внятное академическое происхождение или подтверждение) свидетельства, ситуации и феномены. Авторы приводимых далее наблюдений отлично понимают, что события, о которых они говорят, парадигмально (то есть в рамках нынешних научных представлений) невозможны, поэтому говорят о них фактически робко, как бы между делом, но, на мой взгляд, очень важно, что при всем дискомфорте ситуации эти свидетельства все же выдаются публично.

В качестве примера приведу два буквально шокирующих, но, главное, авторитетно фиксируемых явления:

Проблема «вещих снов». Несмотря на признанную экстравагантность те-

мы и даже «неприличность» ее упоминания в контексте научного подхода к миру, на мой взгляд, нельзя пройти мимо того, что, скажем, по опыту такого серьезного исследователя, как академик Наталья Бехтерева, вещие сны — это событие, которое «редко, но бывает». «Я сама за две недели со всеми подробностями увидела во сне смерть моей матери».

Для серьезного нетривиального размышления достаточно и этого, но все же приведу еще и свидетельство доктора биологических наук, руководителя лаборатории нейробиологии сна и бодрствования Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН Владимира Дорохова: «В последнее время накапливается все больше достоверных данных, демонстрирующих феноменальную точность некоторых «вещих снов»».

Проблема «выхода личности (души) из тела», называемая также проблемой внетелесного опыта (ВТО). Данный необычный феномен настолько хорошо известен, что за рубежом получил даже специальное обозначение, как out-of-body experience. Упоминается мной в связи с тем, что опять же академик Бехтерева, судя по ее интервью, мучилась вопросом: «Почему женщины во время родов иногда видят происходящее с ними со стороны?». И еще: «По нашим исследованиям, у нескольких процентов рожениц тоже бывает состояние, как если бы «душа» выходит наружу. Рожаящие женщины ощущают себя вне тела, наблюдая за происходящим со стороны. И в это время не чувствуют боли».

Кстати сказать, показательно, что подобный опыт соприкосновения с «Зазеркальем» академик Н.П. Бехтерева посчитала необходимым представить и в своей книге «Магия мозга и лабиринты жизни» (СПб., 2007).

Мне кажется, в подобного рода случаях стоит задуматься о возможности существования и действия некоторого еще не принимаемого во внимание и потому не изучаемого фактора, причем скорее всего духовной природы, поскольку до становления объективной (эмпирической) психологии представ-

ление именно о духе (душе) отвечало за все наблюдавшиеся проявления нашего внутреннего мира, теперь всегда рассматриваемые как психологические по своей природе. Я бы заметил, что фактически эта идея долгое время выполняла для психологии ту же роль, что и идея теплорода в термодинамике. Как известно, со временем выяснилось, что образ теплорода стал плохо сопоставим с поднакопившимися в термодинамике данными, и от подобной гипотезы отказались.

Нечто подобное произошло и с идеей духа. Был длительный период, когда она помогала весьма продуктивно. И все же аналогичным образом со временем от нее отказались. Вопрос однако в том, навсегда ли и не преждевременно ли? Ведь в этой связи можно, например, вспомнить историю представлений о свете. В XVII веке изучение световых явлений привело к рождению сразу двух противоположных теорий света: корпускулярной и волновой. Позже, в начале XIX века, опыты Томаса Юнга убедили, что свет — это все же явление волновое. Но прошло время, и в первой трети XX в. была построена квантовая механика, в том числе объяснившая, что свет имеет двойственную корпускулярно-волновую природу!

Казалось бы, столь смелое сопоставление очень зыбко и неправомерно. Ведь нет ответа на решающий вопрос: как можно обсуждать пока лишь мимоходом упоминаемые экзотичные «проявления духа», если уже проведенная интенсивная и весьма длительная работа исследователей самого разного профиля не установила существования подобной сущности как экспериментально фиксируемой и доступной для изучения и воспроизведения разными учеными?!

И все же ситуация мне представляется не столь прозрачной и однозначной, как ее принято оценивать. Принципиальный «нюанс» проблемы состоит в том, что до сих пор выработались средства разностороннего изучения именно психики. То есть влияние «духа» (если таковое и присутствовало бы) могло быть или очень сла-

бым (что похоже), или проявляться там и так, что обычные познавательные средства, парадигмально направленные на раскрытие психического мира человека, могли этого влияния просто не замечать и не отслеживать.

В то же время принципиально важно помнить возможность иного подхода к этой проблеме. Когда, например, возникла необходимость изучать электростатическое поле, из-за неизвестности его природы француз Шарль Кулон стал делать это в известном смысле напрямую, просто используя пробный заряд. Фактически он изучал прямое действие одной пока непонятной сущности на другую сущность, но той же природы.

К ситуации с предполагаемой духовной сущностью, похоже, было бы естественно подступить аналогично, памятуя слова нашего замечательного мыслителя Ивана Ильина: «Человек есть личный дух». Фактически это означает, что первоочередным и прямым свидетельством существования духовного начала может и должно выступать ощущение его присутствия человеком. Кто знает, не потому ли так крепки и распространены религиозные убеждения, так сильна тенденция к одушевлению природы (анимизм, гилюзоизм, панпсихизм) и так устойчиво стремление ко всему мистическому?

Ведь индикатором присутствия духа, как уже говорилось, пока способен определенно выступать лишь человек, его интуиция. Соответственно, необычный внутренний опыт человека может быть вовсе не проявлением буйства фантазии или беспокойства бессознательного, но высвечиванием деятельности духа. И в данном случае это не субъективизм и произвол, но учет особенности природы обсуждаемой сущности. А этот путь, насколько мне известно, еще активно не опробован.

Так что отказ от принятия идеи духа при научном подходе к миру мне кажется не вполне предусмотрительным и даже просто расточительным. Хотя, согласен с Натальей Петровной Бехтеревой: «Это, конечно, еще не наука. Но и не лженаука. Так — бывает...».

Диагноз поставят по фотографии

На форме лица и строении черепа отражаются до 40 процентов генетических заболеваний. Ученые из Оксфордского университета проанализировали несколько тысяч фотографий и определили черты лица, характерные для того или иного заболевания. После чего они создали компьютерную программу, которая с высокой долей вероятности способна определить предрасположенность к синдромам Дауна, Ангельмана, Марфана и другим редким генетическим расстройствам.

Программа способна к самообучению: с пополнением базы будут увеличиваться ее диагностические способности. Кроме того, она может группировать пациентов с неизвестными расстройствами, у которых схожее строение лиц, а также поможет диагностировать серьезные заболевания на самых ранних стадиях и, в первую очередь, у детей. Полезная она будет и при планировании беременности.

Так что берегите семейные фотографии – они могут пригодиться.

Почему бешенство опасно для человека?

Как известно, бешенство – смертельно опасное заболевание, не поддающееся лечению. Вирус бешенства приводит к развитию патологических изменений в головном и спинном мозге. И если человек не получает вакцину, у него развивается па-

ралич, проводящий к смерти.

Долгое время специалисты не знали о том, как именно вирус захватывает центральную нервную систему. И вот израильские биологи это выяснили.

Вирус связывается с рецептором нейронального фактора роста p75, расположенным на поверхности периферических нейронов. Рецептор поглощается клеткой, и вирус попадает внутрь нейрона. Оттуда он распространяется по спинному и головному мозгу.

Перемещается вирус за счет аксонов – отростков нервных клеток. Эти отростки передают нервные импульсы и вещества. Но если рецептор отсутствовал, вирус перемещался медленнее. Так может быть, если нарушить передачу вируса через аксоны, бешенство удастся остановить?

Нестандартные лекарства

Из чего только не делают лекарства! Так, американские и израильские медики утверждают, что инфекции *C. Difficile* могут победить капсулы, содержащие замороженные экскременты.

После приема антиби-

отиков, которые нарушают бактериальный баланс организма, нередко возникают проблемы с микрофлорой. Другие, более сильные антибиотики либо помогают, либо провоцируют тяжелейшие инфекции.

Чтобы проверить свою гипотезу, ученые давали добровольцам по 15 капсул нового лекарства в течение двух дней подряд. У 14 человек симптомы полностью пропали и не появлялись в течение 2 месяцев. После еще одного курса симптомы остались лишь у двоих.

Материал для капсул забирался у совершенно здоровых доноров. Почему капсулы? Они являются более приемлемой для пациентов формой доставки донорского материала, нежели пересадка. Также можно создавать оптимальные смеси здоровых бактерий, которые бы подошли пациентам.

Быстрое снижение веса безопасно

Обычно сбрасывать вес советуют медленно и постепенно. Но, оказывается, быстрое снижение веса может быть эффективнее. Более того, такой подход снижает риск повторного набора веса. И совсем невероятное: при жесткой диете вы не лишаете организм важных веществ.

Диетологи провели исследование с участием тучных людей, которым предложили 12- или 36-недельный курс снижения веса. В первом случае люди питались только заменителями еды (400–800 ка-

Рисунки А. Сарфанова

лорий в день). От худевших постепенно требовалось уменьшить калорийность рациона на 500 калорий (с 2500 до 2000 для женщин). Далее, добровольцы, скинувшие более 12,5% от веса тела, были переведены на трехлетний режим питания, призванный поддержать вес.

В итоге желаемого результата смогли добиться четверо из пяти человек, сидевших на жесткой диете. Из второй группы тем же могли похвастаться лишь 50% людей. В дальнейшем первая группа реже набирала вес, хотя в целом у участников из обеих групп примерно 71% от скинутых килограммов возвращался. По мнению экспертов, жесткие диеты могут поддерживать мотивацию именно из-за быстрого результата. Но придерживающимся их следует обезопасить себя от авитаминоза.

Мухи вылечат большинство болезней

Ученые Корнеллского университета расшифровали геном обычной мухи и пришли к выводу, что он позволит разгадать секреты как минимум 100 человеческих болезней. В частности, специалистов заинтересовали гены, которые защищают мух от патогенов, живущих в их собственном организме. Также у мух оказался особый генетический код, помогающий разлагать всякий мусор вроде фекалий. Потому они и не страдают от антисанитарии, хотя являются переносчика-

ми паразитов и вирусов.

После чего геном обычной мухи сравнили с геномом плодовой мушки, что позволило выявить уникальные гены. У домашней мухи оказалось больше «иммунных генов», дающих защиту от разных опасностей. Так что, возможно, это открытие подскажет, как справиться с болезнями людей.

Вес влияет на зарплату

И снова о весе. В новом его исследовании приняли участие 150000 шведских мужчин – ученые проанализировали медицинскую статистику и данные об их доходах. Выяснилось, что мужчины, в 18 лет страдавшие ожирением, повзрослев, зарабатывали на 16% меньше, чем их сверстники с нормальным весом. То есть столько, сколько те, кто не доучился в университете.

Исследователи предположили, что у подростков с ожирением не развиваются ни мотивация, ни уверенность в своих силах. Издевательства, низкая самооценка и дискриминация со стороны сверстников и учителей, веро-

ятно, косвенно влияют на дальнейшее материальное благополучие. Ученые отмечают, что выводы касаются не только Швеции, но и других стран. По приблизительным оценкам, во всем мире от 150 до 160 миллионов детей школьного возраста имеют избыточный вес, из них около четверти страдают ожирением. Следовательно, они не смогут разбогатеть. И тут главную роль должны сыграть родители, ведь рацион питания школьников во многом зависит от них.

Физическая активность зависит от места жительства

Британские ученые выяснили, что люди, которые посещают пляж, а также те, кто живет возле него, очень активны.

В испытаниях приняли участие более 180000 британцев. Оказалось, что жители западного побережья страны, где немало пляжей, любят разные виды физической активности, от простых прогулок до плавания и бега. Однако среди жителей обрывистого восточного побережья физические нагрузки не были столь популярны. С пляжами там, мягко говоря, есть проблемы...

Ученые предполагают, что природные особенности подталкивают людей к занятиям спортом. Возможно, это утверждение верно только для британцев. Многие россияне, например, живущие у моря, бывает, не купаются годами...

Месть упущенных ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Вначале мы с **Владимиром Каганским**, известным географом и публицистом, намеревались говорить о том, как видится ему, специалисту по постсоветскому пространству, происходящее на Украине и в связи с этим, в свете этого – в России. Тем более, что еще полтора десятилетия назад, в совсем другую, казалось бы, историческую эпоху, наш собеседник написал статью о специфике Украины как страны и как государства и ее возможных перспекти-

вах* – текст, уже тогда предлагавший объяснения многому из того, что происходит там сегодня. На принципиальном различии «страны» и «государства» Каганский, кстати, настаивает – при том, что неразличение их, по его словам, – «общее место», мешающее видеть географическую, социальную и культурную реальность.

Поэтому его разговор с нашим корреспондентом **Ольгой Балла** не мог не выйти далеко за рамки изначально намеченной темы. Речь пошла о смысле предлагаемого различения и, главное, о силах, удерживающих страны и государства в целости и, напротив, способствующих их распаду.

О. Балла: Прежде всего: как вы различаете «страну» и «государство»? – которые, по вашим представлениям, не совпадают. Дайте, пожалуйста, понятное для неспециалиста определение того и другого.

В. Каганский: Ну, что такое государство – всем понятно...

О.Б.: Это единица только юридическая или еще что-то сверх того? – скажем, символическая...

В.К.: «Сверх того». Государство, государственная машина, государственная политика – всё это по ведомству так называемых гражданских религий: всё для государства, ничего для человека, всё через государство... И при этом говорят, часто не задумываясь, о странах, – отождествляя «государство» и «страну».

Между «страной» и «государством»

*Первый вариант опубликован: Неприкосновенный запас, №1(9), 2000, с. 22–25. = <http://magazines.russ.ru/nz/2000/1/kagan.html>

возможны три типа отношений. Первый: почти полное соответствие — территориальное, сущностное, смысловое, демографическое. Такова, например, современная Эстония. Это тем более интересно, что Эстония никогда не имела государственности — зато имела очень определенную, отчетливую общность, даже в составе Российской империи: она включала в себя целиком Эстляндскую губернию и половину Лифляндской. Общность была налицо, и едва эстонцам дали возможность — они сформировали эффективное государство.

О.Б.: В каком смысле «эффективное»?

В.К.: Государство закона. У них никто не умирал с голоду, не было концлагерей, гражданских войн, на улицах не убивали и не грабили. По стране не бродили банды. То есть, был очень высокий уровень национального консенсуса и национальной безопасности. Было и хуторское расселение, оно эффективно работало...

О.Б.: В таком случае, что должно входить в определение страны? Благодаря чему она образует единство?

В.К.: Как ни странно, когда я стал заниматься этой проблематикой, я обнаружил, что страна не определяется никак. Как, впрочем, и многие, якобы самоочевидные вещи в социальной сфере — они считаются понятными по умолчанию.

О.Б.: Это значит всего лишь, что над их определением не принято задумываться. Но разве они не могут быть определены?

В.К.: Могут. Я пытаюсь этим заниматься. В одной из статей* я уже писал: страна — это консенсус населения и элит по поводу многих разных вещей — образа жизни, истории... И главное: консенсус элит по поводу того, какие именно территории образуют страну. Территориальное единство связей, взаимодополнительность частей подразумеваются, но этого недостаточно.

* Каганский В.Л. Страна и государство// <http://www.russ.ru/mirovaaya-povestka/strategicheskaya-povestka>. Там же ссылки на более фундаментальные и развернутые работы автора.

О.Б.: То есть, это единство символическое?

В.К.: Нет, и фактическое тоже. В частности, по поводу территории. В истории был пикантный эпизод: когда Юденич наступал на Петроград, — армия у него была ничтожная, тысяча-две штыков, — эстонцы предложили ему помочь взять город и покончить с советской властью. Но при одном условии: Юденич признает независимость Эстонии. Юденич отказался. Потом эта история повторилась: в 1919 году, Маннергейм предложил то же самое Колчаку. Он тоже отказался, сказав, что Родины не торгует.

Другой пример такого, уже контрастного, но целостного государства и одновременно страны, — Швеция. Там были разные исторические перемены; юг Швеции исконно отличался по культуре — там говорят на диалекте шведского языка, стоящем ближе к датскому, была уния с Норвегией. Одно время Швеция была великой морской и военной державой, империей. Потом все устоялось в ее нынешних границах. Несмотря на то, что на севере на трети территории живут саамы — почти традиционным, туристически конвертированным (то есть показным для туристов) образом жизни, — это единство, которое изнутри не проблематизировано. Саамы не хотят отделяться. Не хотят строить свое государство. Ну, наши потомки посмотрят, что будет дальше. А пока Швеция — пример хорошего ответа «страны» и «государства».

О.Б.: Но кроме консенсуса населения и элит, есть ли еще факторы, удерживающие страну в целости?

В.К.: Связность географическая и символическая; ощущение общности истории...

О.Б.: Но разве это все не по ведомству консенсуса? — кроме разве географической связности.

В.К.: Возможно.

О.Б.: А экономические связи относятся к связующим факторам?

В.К.: Не обязательно. Канада — страна, в которой проблематизирован только Квебек.

О.Б.: А Канада вообще образует страну?

В.К.: Образует, и очень интересную: это малая большая страна. Хотя каждая провинция Канады экономически больше связана с прилегающими территориями США, чем с другими канадскими провинциями.

О.Б.: *Что же в таком случае удерживает все эти провинции вместе?*

В.К.: Не побоюсь здесь употребить странное слово «ментальность».

О.Б.: *Соблазнительно пуститься в расспросы о корнях и основаниях особой канадской ментальности. Но давайте всё же сначала назовем все типы соответствия между страной и государством. Первый мы проговорили...*

В.К.: Тип второй: страна и государство не полностью соответствуют друг другу. В таком случае национальная история превращается в историю довольно насильственного сшивания разнородных территорий, которая завершается образованием единой страны. Но такое единство в любой момент может быть проблематизировано.

Такова история Франции. Мы знаем, что она состоит из Севера и Юга, что Прованс — это совершенно другая территория, запад Прованса входил в Великобританию, говорил на своем языке и прочее... А Корсика — и вовсе французская колония. Корсика воюет — как и Страна басков в Испании: консенсуса явно нет. В этом смысле Франция, Испания, Великобритания как страны частично проблематизированы. А вот в Германии, где прошло относительно мало времени с момента объединения — о консенсусе говорить можно.

О.Б.: *Выходит, как только появляются основания говорить о консенсусе, — это значит, что страна встала на путь, ведущий к цели, то есть к цельности?*

В.К.: Да. Но стоит помнить, что это обратимо.

И, наконец, тип третий: территории, которые были объединены искусственно. Буквально: вокруг некоторой территории повешали табличек и сказали, что теперь здесь будет государство Сомали или государство Ирак.

Есть и еще более интересный четвертый тип. Когда большевики захватили власть, им надо было, как всякой власти, организовывать пространство.

Делать это надо было, с одной стороны, утилитарно, а с другой — идеолого-демагогически, чтобы служить образцом для пролетариев всего мира. Отсюда — идея советской федерации. Советская конституция меня всегда поражала: там написано, что все союзные республики имеют право на самоопределение, вплоть до отделения. А что было реально? И, главное, откуда взялись эти союзные республики?

Одни из них были целостными странами, инкорпорированными в империю — как Эстония. Другие были выделены искусственно, по существу сконструированы заново — вроде Узбекистана, которому никакое конкретное территориальное единство не соответствовало никогда. Узбекистан либо делился на части, либо входил в большие империи вроде империи Тимура. Понятно, что там сейчас бешено происходит процесс консолидации. Хотя, что касается, скажем, Самарканда, — еще сто лет назад в страшном сне не могло бы присниться, что он — с его таджикским, то есть, в сущности, персидским населением и древней культурой — окажется под властью узбеков.

Наибольшие же проблемы представляли две самые крупные республики бывшего СССР: Россия и Украина.

Во-первых: никому не пришло бы в голову сказать, что Украины и России нет. Они существовали исторически довольно давно. Во-вторых: конкретные исторические общности, существовавшие раньше, не совпадали с границами соответствующих союзных республик. Причем не совпадали противоположным образом: и Российская империя, и СССР были больше Российской Федерации, а украинская держава всегда, даже во время Украинской народной республики, когда она достигала невиданных до тех пор размеров и охвата периода 1918–1920 годов, — была намного меньше нынешней Украины. Ну чем была территориально та же Запорожская Сечь?

Кстати, к началу XX века российское общество начало различать страну Россию и империю с тем же именем. Иначе откуда бы взялись книги «Россия и Кавказ», «Россия и Сибирь»?

Так вот, с распадом Союза элиты —

если таковые у новых государств вообще были — оказались перед лицом определенных проблем. Предстояло, прежде всего, примириться со своими границами и попытаться осуществлять интеграцию — одновременно культурную, территориальную, экономическую и прочую.

О.Б.: То есть, срastить целое из тех элементов, которые достались?

В.К.: Именно. Но соответствующих элит в России и на Украине не оказалось.

Украина очень сложна территориально. Она мозаична и децентрализована: по культурному значению, по населению, по промышленности с Киевом вполне сопоставимы такие города, как Донецк, Одесса, Харьков, Днепрпетровск, Львов. Составляющие ее территории не просто контрастны в природном отношении, но имеют разные геокультурные векторы.

С одной стороны — Галиция с ее абсолютно европейским, польским центром Львовом, где в свое время была мирового значения Львовско-Варшавская школа логики (ее название не случайно начинается с Львова. Кстати, именно львовские математики создали в свое время лучшую в тогдашнем мире школу криптографии, взломали немецкую шифровальную машину «Энигма», передали результаты Великобритании и Франции, и, как пишут неангажированные историки Второй мировой войны, это стало большим вкладом Польши во Вторую мировую войну, чем ее вооруженное участие). Правда, поляки во Львове не составляли абсолютного большинства населения — были же еще украинцы и евреи. И вот, Украина получает Львов. Начинается так называемый «обмен населением», то есть взаимные депортации. Украинцев в Польшу не спрашивали, хотят ли они вернуться на Украину — а их там было около миллиона. Их просто вывезли на территорию Украины.

С другой стороны, коренная, гоголевская Украина: Полтавщина, Сумщина, Черниговщина; Черновицкая область, принадлежавшая прежде Румынии и включенная в Украину вообще непонятно с чего; Закарпатская область, где

в 1945 году были демонстрации: «От Ужгорода до Владивостока — один народ, одна Россия». Относительно украинцев они считали себя русскими. И по сей день на выборах Закарпатье голосует так же, как Восточная Украина.

Донбасс, как всякая промышленная область, — экстерриториален. Туда просто стекался всякий сброд, искавший работы, — именно его называли пролетариатом в конце XIX века: люди, которые, не имея ничего, были вынуждены продавать свою рабочую силу. В советские времена происходила большая накачка Донбасса производствами военно-промышленного комплекса. Восточная и Центральная Украина была важной деталью советского ВПК, — тоже экстерриториальной структуры, поверх административно-территориального деления.

О.Б.: То есть, он не был завязан на локальные особенности, а насаждался сверху как нечто универсальное?

В.К.: Да, как единая структура, — которая еще в какой-то степени сохранила свои связи.

И вот, вся эта мозаика достается властям Украины. Учет такой мозаики в рамках одного государства имеет единственную форму: федерация. Причем речь идет не о такой формальной федерации, как российская, которую в любой момент можно перекроить, и где большинство денег и полномочий сосредоточено в центре. Россия сейчас, несомненно, во всех отношениях империя, даже независимо от текущей политики. В этом смысле Австро-Венгерская империя была большей федерацией. Во-первых, она была двуединая, там было два центра, во-вторых, провинции имели немало прав.

Итак, на Украине выходом могла бы стать не конфедерация: реальные конфедерации очень редки — и здесь иной случай, — а именно федерация. Но после распада федераций СССР, Югославии и так далее сама форма федерации стала восприниматься как путь к распаду.

О.Б.: То есть, отказ от федерализации как способ интеграции, конструктивного выращивания страны был ошибкой?

В.К.: Да, это было ошибкой. Эф-

фективная сборка страны осуществлена не была.

О.Б.: Что входит в понятие «эффективной сборки страны»? Мы уже произнесли слово «консенсус», но, чтобы собрать разнородную страну в целое, нужно ведь что-то еще? Какие возможны меры по его достижению?

В.К.: Баланс местных и центральных интересов. Тонкие формы учета территориально-культурного плюрализма. Другого пути нет.

О.Б.: И эти локальные интересы учтены не были?

В.К.: Нет. То есть, они были «учтены» весьма своеобразно — путем образования региональных олигархатов. Региональные олигархи на Украине влиятельны даже более, чем в России, — какой олигарх сейчас в России пользуется политической властью? Никакой — и потому он не является олигархом. Последним олигархом в России был Лужков, обладавший и большим состоянием, и большой властью.

Вместо федерализации на Украине имела место экспансия одной модели. Украинский Запад получил доминирование над Востоком без учета его специфики — региональной и локальной специфики вообще. (Интересно, что Киев, относящийся к Восточной Украине, за 25 лет, благодаря ориентированной на Запад молодежи, стал западным — относительно Украины — городом.) Выразительным символом этого явилась языковая модель. Ну что это такое, когда специалистов по русской филологии на Украине заставляют писать свои труды на украинском языке? Понятно, что украинский язык должен был развиваться, но всякий маятник качается в две стороны. Теперь маятник качнулся в сторону культурного, политического и прочего доминирования украинского Запада. Что понятным образом вызвало противодействие со стороны Востока.

Понятно, что человеку жаль потерять ногу или руку. Но бывают случаи, когда на это приходится соглашаться. Степень целостности страны на порядок ниже, чем человеческого организма. Иногда нужно идти на утрату некоторых ее частей. Хотя это — скорее из

сферы геополитической фантастики.

Случаев политической мудрости, когда страна сбрасывает территории, которые не может удержать, мы почти не знаем. Государство — казалось бы, рационально построенный институт — ведет себя как амеба: она не уменьшается сама, пока на нее не капнут кислотой. Единственное исключение — мудрый Александр II, который фактически отдал Аляску. Сбросил ее как бремя, несмотря на то, что там были большие ресурсы. Зато Россия получила на две мировые войны стратегического союзника. И это был мощный и разумно-щедрый стратегический союзник.

Для элиты важно, чтобы какие-то вещи были вне сферы ее политического воображения. В этом смысле российская политическая элита, как и украинская, не существует. Российская квазиэлита, параэлита сделала свой выбор: любой ценой удерживать и увеличивать территорию государства. Чисто имперский инстинкт. А не обустривать страну — может быть, и за счет территориальных потерь. Все эти дорогостоящие игры с Абхазией и Южной Осетией показали, что имперский инстинкт еще жив.

Украинская элита — если бы она была — должна была бы понять, что ее поставили в очередь. И надо было предпринимать экстраординарные меры независимо от их популярности на украинском Западе. Дать восточным регионам 80 % налогов. Пойти на двуязычие в масштабах всего государства. К сожалению, опора этого государства — западенцы — никогда бы не пошла на проект равноправия русского и украинского языков. Ну, какая, честно говоря, разница, если это Украина? В конце концов, в Канаде тоже равноправны английский и французский языки, просто на остальных территориях, кроме Квебека, по-французски никто не говорит. Но у того, кто хочет выступать в суде по-французски, есть такая возможность.

С другой стороны, были же языки и культурные локусы, которые исчезли или почти исчезли. Во всех нынешних политических действиях не видно глубинного чувства истории и современ-

ности как неизбежного продолжения этой истории. Впрочем, как ни странно, политики — это те, кто идет против истории*. Сегодня рассуждение о том, что когда-нибудь, в многовековой перспективе Россия исчезнет и на место русских придут другие народы, рассматривается как нарушение закона об экстремизме. Но какая страна вечна? Тем более, что существование страны как явления вообще невожимо в базисные идеологии. Христианство о «странах» ничего не говорит. В рациональной политической теории тоже нет никаких «стран» — там есть государства.

И если ты соседствуешь с агонизирующей, но еще имеющей силы империей, ты должен с этим считаться. Не торговаться по копейкам за газ, а обустривать собственную страну.

При этом в самой постсоветской России существуют разные позиции в отношении Украины. Либерально-прагматическая точка зрения такова: Украина нам нужна как буфер с Западом, как партнер по ВПК, поэтому лучше иметь с ней приемлемые отношения, и можно даже допустить вступление Украины в НАТО. Имперская позиция, которая сейчас обретает евразийские риторические формы, выглядит так: нужно аннексировать как минимум всю Восточную и даже Юго-Восточную Украину, в идеале — Украину целиком. Я писал об этом еще пятнадцать лет назад.*

Первая точка зрения была более реалистична. Например, она не придавала никакого значения Черноморскому флоту, — какового он, как и Балтийский, не имеет. Потому что оба флота не имеют выхода в открытое море — проливы закрыты.

А как же, спросите вы, средиземноморская эскадра, которая базировалась в Сирии и Ливии? Отвечу: это эскадра Северного флота. Потому что Гибралтар — открытый пролив.

О.Б.: Что же, Черноморский и Балтийский флот имеют исключительно символическое значение?

В.К.: Конечно. И хорошо бы оба этих флота, особенно Балтийский,

музеефицировать в связке с музеефикацией всего Санкт-Петербурга (отличая его от Ленинграда).

О.Б.: Но если так, как вообще возможны настолько дорогостоящие символы?

В.К.: Это характерно для эпох господства семиотически неискушенных масс: овеществление символов. Символы должны быть материально выражены. Олимпиада в Сочи — вещественное выражение возможностей России вступить в клуб полноценных держав, — а полноценные державы — это те, что принимают у себя Олимпийские игры, обязательно и летние, и зимние. Даже если климат не позволяет. Ну вот Австралия, хорошо себя чувствующая экономически, зимних Олимпийских игр не планирует. А летние она проводила — хотя и находится далеко.

Тут много задач у направления, которое еще, по-моему, не сформировалось — стык геополитики и психопатологии масс. Может быть, такое направление где-то и есть, а я просто этого не знаю, — во всяком случае, в России я его не вижу.

Для меня обсуждаемая ситуация интересна и важна, она бросает мне вызов как специалисту по трансформации постсоветского пространства. И, кстати, она опровергает то суждение, что после распада СССР никаких больших событий на постсоветском пространстве уже происходить не может, что все уже решено.

Кстати, одним из самых значимых и мудрых решений в XX веке (а в политике качество крупного решения определяется тем, увеличило или уменьшило оно объем кровопролития) был нулевой вариант при распаде СССР. То есть, его разломили по тем границам, которые уже были.

Характерно, что эти решения не проходили через парламенты. (Парламент — это же воплощение воли масс). Потому что не только Россия могла предъявить территориальные претен-

* Каганский В.Л. Украина: география и судьба страны //identityworld.ru/load/kategorii/monografii/kaganskij_v_1_kulturnyj_landshaft_i_sovetskoe_obitaemoe_prostranstvo/3-1-0-239

* См. также Главную тему этого номера.

Черноморский флот

зии, но и другие республики могли их ей предъявить. Сейчас мы видим переход в новую фазу — исходные условия распада СССР, принятые всеми участниками, поставлены под сомнение. Вначале в маленькой Грузии, теперь — в большой Украине.

О.Б.: Удивительно ли? — Границы же, насколько я себе представляю, были проведены более-менее произвольно.

В.К.: Ну, все границы когда-то проводятся произвольно. Потом они врастают в ткань ландшафта и оестествляются.

Отдельный вопрос, что нельзя из пустого места, насыщенного контрастными, конфликтующими общностями, сделать государство.

Вспомним, что в конце Первой мировой войны происходило конструирование новых территориальных образований. Предпринимались попытки создать страны, и не все оказались успешны. Тогда конкурировали два проекта: Большая Армения и Большой Ирак. В силу уже неизвестных причин Армении решили не восстанавливать. Решили нарисовать на пустом месте государство Ирак, — которому в реальности ничего, кроме месопотамских империй трехтысячелетней давности, не соответ-

ствовало. Происходящее сейчас в Ираке фундировано ошибочным решением в сфере географической инженерии. То же случилось и с Сомали.

Так вот, видимо, Украине надо было осуществлять комплекс парадоксальных мер: одновременно держать полностью открытую границу с Россией, проводить мощную децентрализацию — то есть делать страну еще более децентрализованной, чем она есть на самом деле, — и федерализацию, уравнивать украинский и русский язык. Сторонникам западной модели следовало честно признать: если мы навязываем всей стране западную модель — мы теряем целостность Украины. Это и произошло.

Я не могу делать никаких прогнозов — у меня нет ни должных фактических сведений, ни компетенции в области военной стратегии, — но я вижу здесь результат упущенных, уже десятилетия назад, возможностей Украины.

Когда я писал уже упоминавшуюся статью об Украине, мне казалось, что есть коридор возможностей, что нужно либо принять определенные меры, независимо от их популярности, либо ждать катастрофы. Просто не было дру-

гого выбора. Ни одна из этих мер принята не была: ни децентрализация, ни федерация, ни уравнивание языков, ни восстановление на территории Украины центров не только русской и украинской, но и гуцульской, русинской, польской, татарской, еврейской культур, по крайней мере, сохранение мемориальных объектов и так далее. Ничего из этого сделано не было. Понятно, что Украину постигла катастрофа. Но меньшая, чем можно было предполагать. И имеющая, возможно, позитивные последствия.

Может быть, Украине стоило следовать примеру Бельгии. Там существует большое напряжение между общинами — франкофонной и фламандской, фактически, голландскоязычной. И вот, путем долгой процедуры, эти стороны цивилизованно разводятся. Вначале — путем федерации, до чего дело дойдет, неясно, но избежать открытых — даже массовых, не только военных — столкновений пока удастся. При этом, если в Бельгии есть общенациональная элита, она понимает, что лучше мирно разделиться, чем консолидированно воевать.

Мы не можем себе представить Украину без Киева. Вот в чём проблема: невозможно представить раздел Украины, потому что непонятно, кому достанется Киев. Но Киев своей политической активностью доказал, что он — не с Востоком. 30–40 лет назад, когда я бывал в Киеве, это был русскоязычный город. Сейчас он — двуязычен. И молодежь, которая становится всё более весомой просто в силу демографических причин, — чем моложе, тем западнее. Карта украинского голосования очень интересна не только географически, но и по уровню образования, и по возрасту. Там — такая же четкая картина: чем образованнее, тем западнее. Чем моложе — тем тоже, в общем, западнее.

Однако современные события показали, что на Украине происходит не разлом на запад и восток (он не исключен в предвидимой перспективе), а отлом крайнего востока. «Активная» роль России общеизвестна, но не об этом речь.

А пока в Восточной Европе — ожесточенная война. Это на самом деле

война, причем структурно мотивированная. Бывают войны, мотивированные политикой, и публицисты всех мастей относят эту войну к мотивированным политикой. Я же считаю, что это — война, заложенная в самой структуре пространства.

Поэтому целесообразно осмыслить структуры культурного и политического пространства, которые генерируют такие войны. Тогда будет понятно, что именно происходит, не на уровне журналистской событийности, а на уровне истории структур, включая сюда и географическую инженерию как корректный эквивалент геополитики.

Мне кажется, происходящее сейчас на Украине служит еще и мощным уроком для формирования повестки послепутинской России.

Я читал манифесты всех основных оппозиционных сил России. В той или иной степени все они напоминают семью, которая рассуждает: «Хорошо бы нам сделать генеральную уборку, мебель новую купить...» — но ничего не говорит о том, как будем жить, сколько детей заведем... Ну хорошо, прекратим коррупцию — а дальше жить как будем?

О.Б.: Вообще, что необходимо для того, чтобы некая общность была структурирована и удерживалась в жизне-способном единстве?

В.К.: Ценности, институции.

О.Б.: Откуда они берутся?

В.К.: Или наследуются, или конструируются. Другого пути нет.

О.Б.: Кто же их конструирует?

В.К.: Элита. Необходима вменяемая элита и структурированное общество, которое этой элите доверяет.

О.Б.: Что же выходит: символические процессы первичнее всех остальных, включая географические и экономические?

В.К.: Ну, для экономистов это не очевидно, а для меня — очевидно. Но это не столько символические процессы, сколько социокультурные. И дело здесь не в географии — как географ, я с грустью признаю, что есть вещи посильнее географии. Это — символические структуры и, повторяю, качества элиты плюс структурированность населения. То есть — наличие общества.

Сто лет и один-единственный шаг

Сто лет назад, в апреле 1915 года, началась величайшая трагедия армянского народа. Почти полтора миллиона человек стали жертвами геноцида, связанного властями Османской империи в разгар Первой мировой войны. В Турции до сих пор замалчивают те страшные события. Тем удивительнее было появление в программе Венецианского кинофестиваля 2014 года фильма «The Cut» («Шрам»), снятого немецким режиссером турецкого происхождения **Фатихом Акином**, ведь эта картина была посвящена именно тому, что произошло сто лет назад. Турецкие национал-патриоты посчитали поступок режиссера, который родился и прожил всю жизнь в Германии, предательством. Теперь он регулярно получает угрозы. В интервью журналу *Spiegel* он объяснил, что подвигло его, преуспевающего режиссера, на этот поступок. В нашей рубрике мы предлагаем читателям фрагменты этой беседы.

Spiegel: Господин Акин, ваши мелодрамы и гангстерские баллады завоевали любовь публики. Ваш новый фильм «Шрам», мрачная политическая трагедия, совсем не похож на них. Еще до премьеры на кинофестивале в Венеции вас угрожали убить за снятый вами фильм. В Венеции, представляя свою картину, вы сказали о том, что художник должен быть готов «умереть за искусство». Вы говорили это всерьез?

Фатих Акин: Не совсем. Конечно, в представлении о том, что художник должен рисковать жизнью ради искусства, есть что-то романтическое. Когда-то мне довелось беседовать на эту тему с кинорежиссером Константином Коста-Гаврасом, который прославился своими политическими фильмами. Мы встретились в Париже и за обедом разговорились о том, что было бы, если бы его застрелили за снятый им фильм. Коста-Гаврас сказал: «Это была бы все-таки неплохая смерть». Но я думаю, что он говорил это не всерьез. Ведь, как бы это ни было романтично, мне хотелось бы жить очень долго и снять еще много фильмов.

— Турецкие националисты угрожают вам потому, что ваш фильм рассказывает об истреблении армян, начавшемся сто лет назад. В результате политики, проводившейся тогда турецкими властями, было убито до полутора миллионов армян. Угрозы националистов вас пугают?

Ф.А.: Нет, я верю в то, что все предопределено. Верю в судьбу. Мой девиз гласит: «Свою смерть не накличешь».

— В фильме «Шрам» вы хотели воплотить на экране ваши представления о происходивших тогда событиях?

Ф.А.: Я пытаюсь быть правдивым во всех своих фильмах. И мне интересны истории, в которых что-то умалчивают, истории, которые перевирают. Например, в Германии или США почти ничего не знают об этом геноциде. Возможно, события, происходившие сто лет назад, замалчивают потому, что боятся обидеть партнера по НАТО, Турцию, или вызвать раздражение у турок, проживающих в Германии.

— Фильм «Шрам» отличается от ваших прежних картин. Как вы пришли к решению снять фильм на эту тему?

Ф.А.: Я бы сказал, что тема сама меня нашла. Я был подростком, ходил в школу в Гамбурге, когда впервые услышал о том, что турки во время Первой мировой войны убили множество армян. Турки! Мои соотечественники! Я был шокирован, я узнал, что множество турок отрицает сам факт истребления и что даже разговоры о нем в Турции фактически запрещены. Я был немедленно заинтригован. В самой этой теме было что-то опасное, запретное. Поэтому я начал интересоваться ею, читать книги о том, что тогда случилось.

— Родители помогали вам в этом?

Ф.А.: Нет. То, что рассказывали мне родители, в точности соответствовало официальной позиции Турции. Они говорили, что шла война и жертвы были с обеих сторон. Теперь в Турции сформировалось демократическое движение, участники которого открыто говорят об уничтожении армян, об изгнании из страны армянского населения. Издаются книги о геноциде, их можно увидеть на витринах магазинов.

— Вы показываете в своем фильме, как трупы сбрасывают в колодец, как женщины и дети умирают от голода в лагере смерти. Ваш фильм — это политическое заявление?

Ф.А.: Я не такой наивный человек, чтобы верить, что один-единственный фильм может изменить мир. С другой стороны, все истории, которые мы рассказываем, все мифы и сказки восходят к реальным событиям. Это же касается и киноисторий. Делается это для того (и это также моя цель), чтобы подобные ужасные события никогда больше не повторялись.

— Когда зрители увидят на экране, как армян под угрозой смерти пытаются заставить отказаться от христианства и принять ислам, многие невольно вспомнят об аналогичных событиях, которые происходят в наши дни в Сирии и Ираке, где точно такие же методы практикуют сторонники Исламского Государства.

Ф.А.: Я сам поражен тем, что мой фильм оказался — до ужасного — актуальным. И мой фильм обсуждает те же проблемы, что волнуют людей и сегодня. Что бывает, когда человека заставляют убивать других людей? И что нужно сделать для того, чтобы люди не убивали, а спасали людей?

— Симон Абкарян, один из ваших армянских актеров, сказал о фильме «Шрам» следующее: «Фатих Акин снял фильм, который армяне во всем мире ждали много лет». Вы снимали фильм, руководствуясь этой идеей?

Ф.А.: Нет, я задался куда более трудной целью. Я хотел, чтобы мой фильм посмотрели и турки, которые отрицают геноцид, и турки, которые признают его как исторический факт. В принципе, уже появлялись фильмы о тогдашних событиях, хотя их было не так много. Поэтому я думаю, что Симон Абкарян имел в виду следующее: мой фильм стоит особняком потому, что его снял турок, причем он симпатизирует жертвам геноцида.

— В Турции ваш фильм будут показывать в кинотеатрах?

Ф.А.: Я уверен, что власти не станут его запрещать. Вопрос в том, захотят ли его показывать сами кинопрокатчики.

— Правильно ли я воспринимаю ваш фильм как призыв отказаться от слепого следования религиозной вере?

Ф.А.: Да, ведь я не верю в то, что следование религиозным догматам поможет людям двигаться вперед. По крайней мере, это касается трех монотеистических религий, зародившихся на Ближнем Востоке. Они всячески манипулируют человеком. Но это вовсе не означает, что я проклиная людей, которые считают себя верующими. Я сам верую в Бога, у меня есть свои представления о добре и зле, и я ни в коем случае не считаю себя атеистом. Моя позиция — это, скорее, позиция хиппи.

**Фатих Акин — родился в 1973 году в Гамбурге. В 2004 году удостоен премии «Золотой медведь» и приза ФИПРЕССИ Берлинского кинофестиваля, а также приза Европейской киноакадемии за фильм «Головой о стену». В 2007 году за фильм «На краю рая» получил приз за лучший сценарий Каннского кинофестиваля, а также приз Европейской киноакадемии за лучший сценарий. В 2009 году на кинофестивале в Венеции ему вручен специальный приз жюри за фильм «Душевная кухня».*

Материал подготовил
Михаил Георгиади

Обреченный народ

Эти заметки я посвящаю моей ученице Шушан, которая хочет стать актрисой. Так же звали двенадцатилетнюю девочку, жестоко замученную сто лет назад по дороге в Тигранакерт. Истощенные беженцы, женщины и дети, и без того страдали от голода и жажды, от непосильно тяжелого пути, но и тогда их не оставляли в покое — издевались, грабили, насиловали. Шушан увели ночью. Только потому, что губернатору и его чиновникам хотелось позабавиться, и понадобилась красивая рабыня. Вернули покаленную, уже умирающую.

Невольно задумываешься о том, что лучше уж убить собственных детей, чем отдать их на поругание и унижение. Именно так поступила

еще в начале XVIII века кроткая Сатеник, жена легендарного армянского полководца Мхитара Спарапета, когда их дом окружили османские захватчики — убила своих сыновей. Ужасное деяние, но возможно ли иначе, когда степень зверства не поддается никакому нормальному объяснению.

У девочки, убитой в 1915 году, даже не было настоящей могилы, только надпись на стене, под которой ее зарыли: «Здесь похоронена Шушан». Да и надписи той уже не осталось, как и самой стены — сто лет прошло. Время, ветра и дожди уносят все, даже человеческую жизнь. Только память остается.

Их у меня много было — в каждой группе обязательно один, два или три:

Эгине, Мари, Аня, Гоар, Альберт, Мануэль. Многие хорошо учатся, но не проявляют при этом нескромности, самодовольства. Ни одного наглого слова, кособокого взгляда. Они по большей части сообразительны, красивы и хорошо воспитаны. Это менталитет нации. Невозможно представить себе, чтобы даже это могло вдруг стать объектом зависти, ненависти, испепеляющего желания уничтожить, стереть без следа. Но такое случилось сто лет назад.

Бывают в истории моменты, когда общее становится частным, а частное — общим. Речь идет о военных потерях, но не о тех, которые неизбежны, и даже не о тех, которые чрезмерны в силу непредвиденных обстоятельств или нерадивости военачальников. Речь о гражданском населении — том самом, которое ни сном, ни духом не чаяло этой войны, и порой даже не подозревало об опасности, продолжая каждый день открывать свою лавочку, печь хлеб, пасти овец, просто жить. И так — пока не кончится эта жизнь.

Жизнь кончилась к весне 1915 года. Политики и военачальники к тому моменту уже настолько перестали испытывать болевые ощущения, что не сразу заметили — происходит нечто ужасное, уже не контролируемое, необратимое. Дипломаты сновали по Европе и Востоку, плетя паутину и занимаясь закулисными интригами. Полководцы напоминали детей в песочнице, заигравшихся в какую-то увлекательную игрушечную баталию и забывших о реальности. Каждый из них выстраивал пирамиды своей шахматной стратегии, планировал геополитическую последовательность событий: кто кому и чем должен помочь, кого надо повысить в цене и поднять в собственных глазах, дабы получить в ответ союзническую преданность и готовность крушить всё на своем пути. Всё — ради победы! Масштабы этих игр затрагивали страны, народы, континенты. До людей ли? В таких ситуациях начинают всплывать, как точки на географической карте, очаги локальных интересов и переплетений: сербы нравятся русским, поляки — австрийцам, турки —

германцам. И все это — временно: пока отвечает интересам крупных империй. Тогда и начинают умело подогрывать в каждом народе или этнической общности агрессивные настроения, национальные амбиции, чтобы получить в ответ крепкую армию идеальных солдат, которым ничего не нужно, кроме ненависти и возможности излить ее на главного врага — того самого соседа, который давно мешал. И чаще всего выбирают того, кто беззащитен.

В таких условиях пахнувшей порохом, пеплом и паралитическими газами мировой баталии, когда все перманентно нравились всем и мгновенные страсти личных интересов перемещались по всему миру, армяне оказались никому не нужны. Маленький народ, не воинственный и совершенно бесполезный в стратегическом и геополитическом отношении. Исторически они, христиане, были близки русским, но русские сами в тот момент оказались втянуты в крупномасштабные военные действия на Западе и на Севере. Германские милитаристы сделали ставку на объединение турок, чтобы проложить путь в Российскую империю с востока, и армяне просто подвернулись под руку — как помеха, оказавшаяся на пути воссоединения агрессивной и уже не контролируемой массы.

Причиной геноцида стали военные события весны 1915 года, когда русские войска достаточно успешно продвигались к Османской территории по направлению к Диярбакыру. Историк Угур Унгор писал, что турки испытывали по отношению к русским «апокалиптический страх» и поэтому воспринимали всех армянских христиан как российских шпионов — даже мирное население, женщин и детей.

Цинизм османских чиновников кажется невероятным. Если среди мусульман попадались сострадающие люди, им запрещалось прятать и защищать армян под страхом смертной казни, не давали даже забрать обреченных на смерть малолетних детей и младенцев. В менее образованных и сострадающих жителях империи подогревалась не-

Жертвы геноцида

ненависть к европеизированным ино-
родцам. Британский историк Алан
Мурхед пишет, что «с начала века
страна не знала ничего, кроме пора-
жений и отступлений, и турки уже
стали привыкать (но не примири-
лись) к деморализующему зрелищу
беженцев, устремляющихся в глубь
страны почти после каждого пора-
жения». Позднее британский дипло-
мат и разведчик Обри Герберт на-
блюдал такую же картину в 1913 го-
ду, «когда Балканы одерживали одну
сокрушительную победу за другой
над плохо оснащенной и неоргани-
зованной турецкой армией». И все
это — на глазах у османских мень-
шинств: греков, армян, ассирийцев.
Постоянное вмешательство евро-
пейских держав в турецкие дела, ру-
ководство турками как диким на-
родом привели к стремлению изба-
виться от европейцев и вообще хри-

стиан, но в первую очередь — найти
врага, который слабее и беззащит-
нее, чтобы на нем испробовать свою
накопившуюся злобу и ненависть.

Веками жившие на территории Ос-
манской империи армяне были мир-
ными тружениками. Они много и
упорно работали. По словам Обри
Герберта: «Турок был неделовым, без-
мятежным и ленивым или беззабот-
ным. Но когда им овладевает бешен-
ство, он сеет смерть направо и налево,
и виноватый, и невинный страдают от
его слепого гнева».

Местное население завидовало уму
армян, их европейской цивилизован-
ности и, конечно — способности зара-
батывать деньги. Если кто-то рядом
обладает способностями, да еще и за-
рабатывает деньги, появляется иску-
шение ограбить, поживиться, поглу-
миться, а потом отнять и то послед-
нее, что осталось — жизнь.

Странный парадокс. XX век ввел в
обиход такое понятие, как экзис-

тенциализм, выявил и укрупнил личность, даже проник в глубины этой личности, заинтересовавшись внутренней психологией — интимной, индивидуальной, отдельной от большинства. Но этот же самый век превратил трагедию в статистику, стал исчислять жертвы тысячами и миллионами.

Резня в городке Хыныс в апреле 1915 года унесла 19 тысяч армян. В Марсоване — 12 тысяч. В Битлисе в конце июля погибло 15 тысяч. В том же месяце были депортированы и убиты 65 тысяч жителей Эрзерума. В данном случае «депортированы» и «убиты» — синонимы, потому что армянам даже не давали уйти в изгнание: целью было их тотальное уничтожение. Беженцев добивали уже в дороге — мародеры, бандиты, солдаты, курдские и черкесские племена.

Армяне, насильственно привезенные в Мараш в мае 1915 года. Через полчаса после фотографирования все они были зарезаны и сожжены

Истребление армян «младотурки» планировали провести в три этапа. Вначале были собраны и разоружены мужчины в возрасте от 15 до 45 лет. Им обещали, что тут же отпустят, как только они сдадут оружие, но сразу же уничтожили группами по 50 и 100 человек.

На втором этапе предполагалось уничтожить армянскую элиту — политиков, глав общин, военных деятелей, культурную интеллигенцию. 24 апреля 1915 года в Константинополе были арестованы 235 человек, 29 апреля — еще 800 армян.

Среди уничтоженных интеллигентов оказались известные армянские деятели. Юрист и правозащитник Григор Зограб, предчувствуя несчастье, вел накануне войны переговоры с посольствами великих держав по армянскому вопросу. Он очень рассчитывал на российскую помощь, и, находясь в Париже в 1913 году, опубликовал брошюру «Армянский вопрос в свете документов». Вернувшись на родину, Зограб был арестован, а 10 июля его по дороге в ссылку забили камнями.

Некоторые армянские профессора, привыкшие к занятию наукой, к вы-

ступлениям на кафедре, настолько не могли поверить в реальность происходящего, что иногда погибали из-за собственной наивности. Издатель и ученый Тигран Келеджян, редактировавший турецкую газету «Сабах», после ареста попал в лагерь, и, казалось, сама судьба послала ему шанс на спасение: начальником лагеря оказался турок, который когда-то у него учился. Он предложил профессору план побега, но Келеджян отказался. Он считал свой арест недоразумением и верил в торжество закона и справедливости. Во время репатриации в Сивас его вместе с другими заключенными лагеря убили погромщики.

Погиб и выдающийся поэт-символист, тридцатилетний Даниель Варужан, автор тонкой светской лирики античного образца. 24 апреля его увели из дома, оставив вдовой жену-итальянку, с которой он познакомился в Венеции. Лишь много позднее выяснились обстоятельства его гибели. 26 августа пятерых армянских писателей, в числе которых были Даниель Варужан и Рубен Севак, перевозили на телеге в другой лагерь, но это был только предлог для расправы. По дороге на них напали солдаты и, привязав арестантов к деревьям, нанесли им множество ножевых ранений.

Представители армянской интеллигенции получили образование в университетах Италии, Франции, Швейцарии, но жизнь их закончилась в придорожной пыли Османской империи.

Третий этап предполагал истребление последних армян — тех, которые уже вовсе не могли защититься, то есть — стариков, женщин, детей. Некоторым, очень немногим, давали возможность перейти в ислам и спасаться, но таких армян были единицы. Большую часть уничтожали без всякого сострадания.

Идею «младотурок» сформулировал один из лидеров партии «Единение и прогресс» врач Назим Бей, директор больницы и ярый националист: «Армянский народ надо уничтожить в корне, чтобы ни одно-

го армянина не осталось на нашей земле и забылось само это слово. Сейчас идет война, и такого удобного случая больше не будет. Вмешательство великих держав и шумные протесты со стороны мировой прессы останутся незамеченными, а если они и узнают, то будут поставлены перед совершившимся фактом, и тем самым вопрос будет исчерпан. На этот раз наши действия должны принять характер тотального истребления армян; необходимо уничтожить всех до единого...».

Вскоре вместе с православными армянами, которых постоянно обвиняли в связях с русской армией, начали резать католиков, протестантов — всех, кто попадется. Члены Анатолийского колледжа американской миссии были высланы в пустыню, несмотря на то, что за них заступались президент колледжа и американские представители. В Харпите были убиты преподаватели и учащиеся основанного американцами Евфратского колледжа. Никакие гарантии, права и международные нормы уже не соблюдались, а иностранные дипломаты в ужасе наблюдали, как османская земля превращается в ад.

Степень коварства и наглости захватчиков — отдельная тема. Аресты поначалу намеренно проводились тихо и буднично: приходили полицейские в гражданской одежде, вежливо предлагали пройти в участок для чистой формальности — ответить на пару вопросов, подписать некоторые бумаги. Из участка никто уже не возвращался. 24 апреля 1915 года стало черным днем для армянского населения Константинополя: турки арестовали почти всех армян города. Иногда люди, ни о чем не подозревая, сами приходили в полицию по повестке и оказывались в ловушке.

Армянам с легкостью давались обещания, которые никогда не выполнялись. Так, битлисских армян вынудили заплатить мзду за спасение, а после получения выкупа всех повесили. Руководителей армянской общины в Джевдете зверски пытали, чтобы получить деньги и ценности общины.

Жестокость османов потрясает: оказывается, мало просто убить. Даже если нечего было выпытывать, над нищими и все потерявшими людьми издевались просто так — ради развлечения. То, что человек способен сделать с другим человеком, никакому воображению недоступно — это за пределами добра и зла.

После захвата Битлиса всех мужчин убили, девушек отдали туркам в гаремы, остальных жителей утопили в реке Тигр. На Черном море армян грузили на корабли, отвозили подальше и топили сотнями и тысячами.

К концу лета 1915 года получившие полную свободу действий турки насильничали медсестер из больницы Красного полумесяца, беременных женщин резали и сжигали в домах, истязали детей и вырывали им прямую кишку, вбивали кол в живот. Один из немногих уцелевших свидетелей резни, музыкант Геворг Согомонян, из-

вестный под псевдонимом Комитас, от всего пережитого сошел с ума.

Позднее входившие в города и села войска союзников, уже прошедшие ужасы войны, не могли поверить в то, что они видели. По всем улицам — груды изуродованных тел и лужи крови.

Нашлись в Османской империи и предшественники нацистского доктора Менгеле. Известный под прозвищем «мясник Диарбакыр» военный врач Мехмед Решид, едва сделавшись губернатором, запер в здании школы 800 ассирийских детей и сжег их заживо, с удовольствием наблюдая, как они мечутся в проемах полыхающих окон. Армян доктор объявил низшей нацией, скотами и вообще «опасными микробами в теле страны», виновниками всех экономических проблем, поэтому прибывал им подковы к ногам и забавлял себя экспериментами с распятием. Все эти изуверские опыты

*Черепы убитых армян
в окружении армянских
сановников и женщин
из приюта монастыря св.
Саркиса в Урфе. 1919 год*

поощрялись министром внутренних дел Талаат-пашой.

За время губернаторства Решида было уничтожено около 160 тысяч армян, ассирийцев и других христиан — то есть 95% христианского населения края. Когда его позднее спросили, как врач мог допускать подобные зверства, Решид ответил: «То, что я врач, не может заставить меня забыть свою национальность! Решид врач, но он родился турком. Либо армяне устранят турок, либо турки армян. Я не колебался, когда столкнулся с этой дилеммой. Моя турецкая национальность преобладала над моей профессией». А когда его спросили, не боится ли он оставить о себе такую память, Решид добавил: «Пусть дру-

Комитас

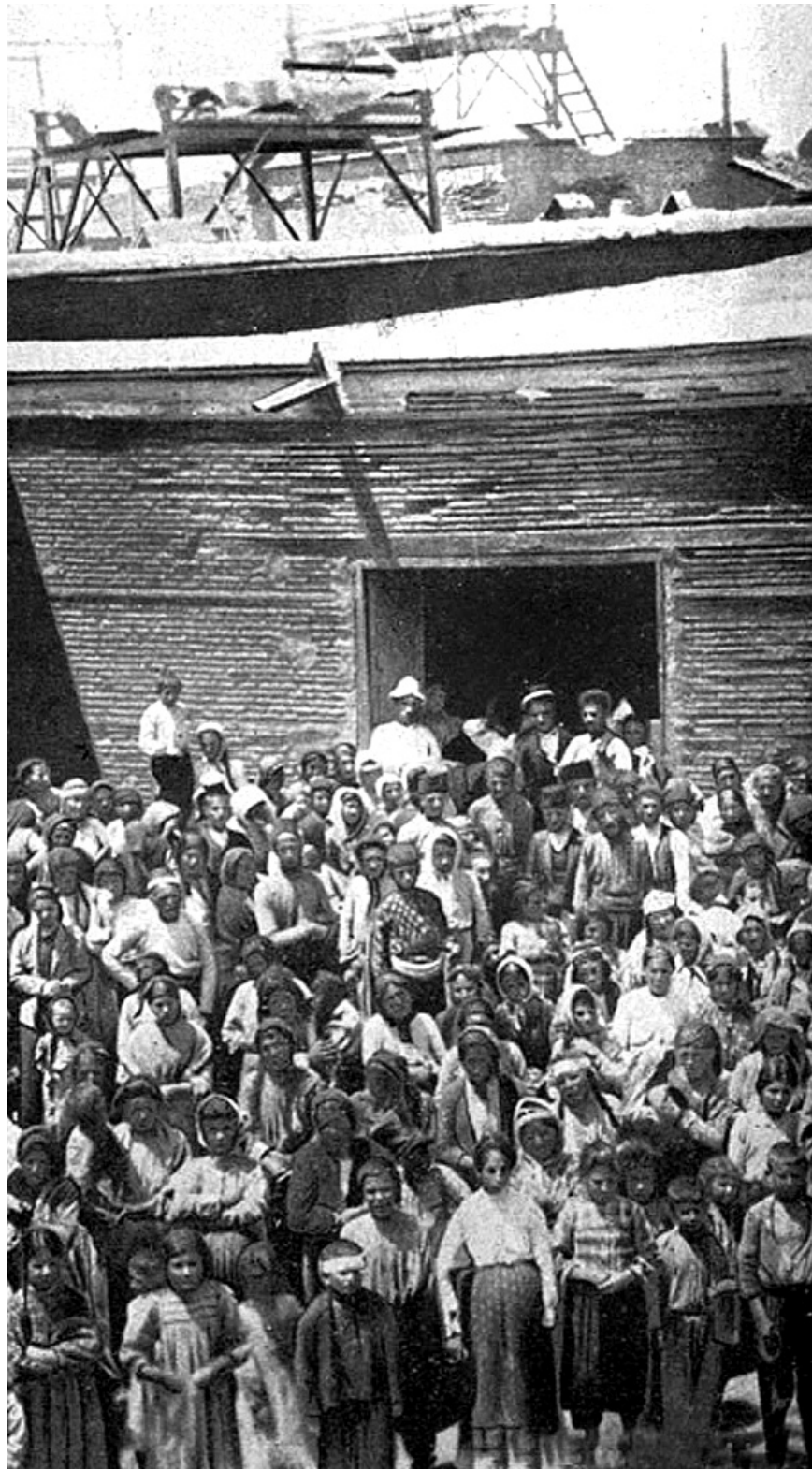
гие народы пишут обо мне всё, что хотят, меня это не заботит».

Подобно многим турецким чиновникам, доктор уничтожал армян не только в патриотических целях. Еще больше его интересовало имущество жертв. Решид отбирал у армян вещи и ювелирные изделия. Часть он оставлял себе, другую направлял в казну империи. Коллега Решида, врач Гиацинт Фарджалиан говорил, что видел собственными глазами, как Решид прибыл «в Алеппо в вагоне поезда, направляющегося в Константинополь, и при себе у него были 43 коробки ювелирных изделий и два кейса с драгоценными камнями».

Позднее Решид утратил доверие Талаат-паши, поскольку совершил растрату казенных денег и скопил личное состояние на убийствах, вместо того, чтобы думать о пополнении государственной казны. Решида в назидание перевели губернатором в небольшую провинцию близ Анкары, но и там он вовсе не собирался вести скромный образ жизни: сразу продал часть конфискованных ценностей и приобрел особняк на Босфоре. Узнав об этом, Талаат-паша снял Решида с его поста.

Талаат-паша

*Раздача одежды
выжившим после погрома*

5 ноября 1918 года, почти через неделю после капитуляции Османской империи перед союзниками, Решида арестовали и отправили в тюрьму в Константинополе. Теперь он должен был стать показательной жертвой, демонстрацией честности и объективности турецкого правительства. Его разоблачили в прессе как инициатора и исполнителя массовых убийств, и 6 февраля 1919 года он совершил самоубийство, выстрелив себе в голову.

Несмотря на то, что вина Решида во всех ужасающих преступлениях против человечности была полностью доказана, Турецкая республика продолжала считать Решида национальным героем до самого конца XX века. Оставшейся без кормильца вдове доктора-садиста были переданы конфискованные у погибших армян магазины, а его детям министерство экономики подарило два дома. В Анкаре в честь Решида был назван бульвар.

Талаат-паша иной раз снимал с постов корыстолюбцев, но это было обычным популизмом для своих же чиновников: так он стремился показать свою беспристрастность.

Его называли Великим Визирем Османской империи, но карьера Талаата началась более чем скромно. Когда министра иностранных дел Австрии Отокара Чернина спрашивали о Талаате, его губы кривились в презрительной и холодной усмешке: «До революции этот Великий Визирь был мелким телеграфистом, подвизавшимся в революционном комитете. Ему просто повезло случайно перехватить телеграмму, из которой следовало, что намерения революционеров раскрыты, игра проиграна и только в случае бунта они смогут одержать верх. Он задержал телеграмму, оповестил революционный комитет и стал героем».

Талаат-паша был военным преступником еще большим, чем «диярбакырский мясник»: именно от него исходили все приказы по истреблению армянского народа. По мнению Талаата, армяне были предателями, грабившими турок и шпионившими на Россию, они,

все до единого, готовили государственный переворот, даже малолетние дети.

«За три месяца для решения армянской проблемы я сделал больше, чем Абдул Гамид* за тридцать лет», — горделиво утверждал он.

Когда посол США Генри Моргентау, имевший с ним доверительные отношения, попытался вмешаться и защитить права армян, хотя бы тех, которые представляли религиозные миссии, Талаат ответил ему: «Это невозможно! Только полное уничтожение. Если после всего, что мы с ними сделали, оставить кого-то из них в живых, они же нас уничтожат».

Он оказался прав, фактически предсказав собственную судьбу. Ненависть к Талаату, главному военному преступнику и виновнику гибели множества людей, была столь велика, что покушения на него готовились не раз. Еще в середине июня 1915 года за подготовку покушения были повешены в центре Константинополя двадцать членов партии «Гнчак», которых выдал предатель.

Когда убийства приобретают массовый, почти не контролируемый характер, остаются чудом спасшиеся свидетели. Таким свидетелем, которому удалось выжить, оказался восемнадцатилетний армянин Согомон Тейлирян. Выходец из протестантской семьи анатолийского городка Зайтун, он потерял всех своих близких. На его глазах 24 апреля 1915 года изнасиловали и убили двух сестер, а потом мать и брата. Самого добывать не стали, очевидно, считая, что умрет сам. Так и бросили умирать раненого.

С этого момента Согомон думал только о том, как покарать убийцу близких, того, кто эту резню организовал — Талаат-пашу. Но министр внутренних дел был личностью слишком заметной в политическом мире, и Согомону пришлось ждать удобного момента шесть лет. Он стал членом армянской партии «Дашнакцутюн» и вместе с товарищами разрабатывал операцию «Немезис» — план возмез-

* *Абдул Гамид (Хамид) II* — турецкий султан в 1876–1909 годах.

дия, целью которого была казнь военных преступников. Это невозможно назвать мстью — скорее оправданным судьбой патриотическим и личным правосудием.

21 марта 1921 года Согомон Тейлирян подошел к Талаат-паше на улице Берлина и застрелил его. Он был взят под стражу, но дело приобрело резонанс, и убийцу защищали три лучших немецких адвоката. Они просто показали фотографии и зачитали в суде все документальные материалы о гибели армян в Османской империи, а потом и показания самого молодого человека о смерти его близких. Общественность Германии была шокирована, и едва ли нашелся бы хоть один человек, готовый после этого выдвинуть Согомону Тейлириану и его товарищам обвинение в убийстве.

Самое удивительное, что судебная драма 1921 года разворачивалась в Германии — том самом государстве, которое всего несколько лет назад, преследуя свои имперские цели, способствовало разжиганию национализма в османском народе. При этом множество жителей Германии об этом, оказываются, даже не подозревали.

Но политики и чиновники Германии не были столь наивны и слепы. Об этом свидетельствует история немки Янни Аппель, в 1910 году вышедшей замуж за армянского врача и писателя Рубена Севака. Отправляясь вместе с горячо любимым мужем на его родину, она едва ли догадывалась, чем это закончится. Когда 24 апреля 1915 года Рубена арестовали, Янни в отчаянье обратилась за помощью к германскому консулу и услышала в ответ тираду, заставившую ее обомлеть: «Ты недостойна немецкой нации, раз вышла замуж за инородца! Нашла себе армянина и еще хочешь, чтобы я его спасал? Никогда он больше не вернется. Его ждет смерть».

После этого дочь прусского полковника в гневе бросила в лицо чиновнику свой немецкий паспорт, пообещав отомстить за убийство мужа, и отказалась от германского подданства. Она перестала говорить по-не-

мецки и воспитала дочь и сына в духе армянского патриотизма.

Среди приговоренных преступников, помимо Талаат-паши, оказались еще сорок виновников резни. Всего организация занесла в черный список 650 чиновников, принимавших участие в геноциде, но едва ли реально было небольшими силами осуществить возмездие по отношению к такому количеству убийц.

Операции по выслеживанию преступников готовились серьезно. Одному из членов группы, Грачику Папаяну удалось проникнуть в общество «младотурок» под видом турецкого студента и оттуда передавать важные сведения руководителям группы Армену Гаро, Шаану Натали и Григору Мерджанову. За облеченным властью преступником долго следили, выясняя его распорядок дня, количество охранников, членов семьи. Если его сопровождала внушительная охрана, к делу подключалось сразу несколько человек.

«Немезис» оказалась одной из самых эффективных операций по устранению военных преступников, и это понятно: мстители не искали себе ни финансовой, ни политической выгоды, их единственной целью стало благородное возмездие за свой убитый народ.

Само небо ужаснулось содеянному, и даже те, кому всеми правдами и неправдами удалось уйти от возмездия, в 1920-е годы погибли при иных обстоятельствах. Назима Бея и еще нескольких чиновников, виновных в геноциде, казнили за покушение на Кемаля Ататюрка. Энвер-паша стал басмачом и был убит в Средней Азии.

С тех пор минуло сто лет, и эти события стали историей, но до сих пор ныне живущим не дает заснуть страшный мемориал памяти погибших, установленный на месте тех событий. Каждого, кто вступает на эту политую кровью землю, охватывает тяжелый ужас, а голоса убитых и замученных людей обреченного на смерть народа по-прежнему слышны в мягком воздухе апреля.

Кое-что о галактиках

Недавно астрономы обнаружили, что наша Галактика составляет часть суперскопления галактик, и даже назвали это суперскопление гавайским словом Ланиакея, что означает «неизмеримые небеса». Чтобы понять смысл этого открытия, промчимся по ступеням звездной иерархии. Что такое, например, галактика? Любую ли группу звезд можно так назвать?

Нет. Чтобы считаться галактикой, эти звезды должны быть связаны гравитационными силами, которые диктуют им их индивидуальное движение и не дают им разлететься во все стороны. Понятно, что чем больше звезд в галактике, тем больше их взаимная гравитация и потому размеры этой группы тоже могут быть больше. Скажем, наш Млечный путь насчитывает примерно 200–400 миллиардов звезд и имеет в диаметре 100 тысяч световых лет. А вот Туманность Андромеды (она же М31) содержит около 1000 миллиардов звезд и имеет в поперечнике, соответственно, 220 тысяч световых лет. Самой же большой из известных является галактика IC 1101 в центре скопления Абеля: в ней 100 000 миллиардов звезд и 6 миллионов световых лет от края до края.

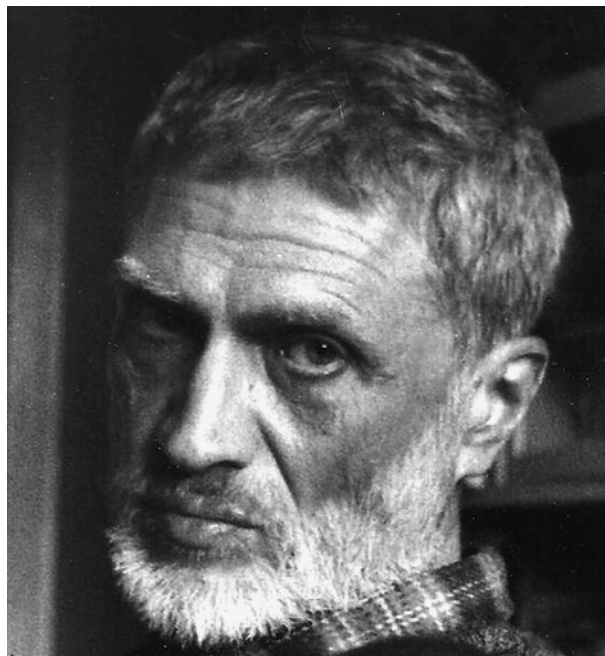
С ума сойти. Лучше задаться вопросом — есть ли среди этих монстров кто-нибудь маленький? Есть, оказывается, и такой. Это — карликовая сферическая галактика Segue 2, открытая в 2007 году: она содержит порядка 800 звезд и имеет «всего» 250 световых лет в поперечнике. Даже удивительно: неужто 800 звезд могут гравитационно удерживать друг друга? Могут, если не будут слишком быстро двигаться. Но, как показывает расчет, если их скорости будут больше одного километра в секунду, то уже должны разлететься. Галактика Segue 2, однако, не разлетается, хотя звезды в ней, как оказалось, движутся со скоростями 150 и более километров в секунду. Что же ее держит? Оказывается, звезды в ней удерживаются охватывающим ее огромным невидимым облаком «темного

вещества». Это вещество, родившееся вместе со Вселенной, есть почти в каждой галактике, оно, собственно, и помогает галактикам образоваться. Но, скажем, в нашей Галактике масса этого вещества меньше, чем общая масса звезд, а в Segue 2 наоборот — раз в 600 больше!

Теперь понятно, что могут существовать и галактические скопления: они тоже представляют собой гравитационно связанные группы, только не отдельных звезд, а целых галактик. Наш Млечный путь вместе с М31 входит в скопление, именуемое в астрономии Местной группой. Они в нем самые большие, поэтому гравитационный центр группы лежит где-то между ними; остальные 50 с лишним членов Местной группы — это, в основном, карликовые сферические галактики. Но Вселенная построена иерархически: если долго наблюдать за скоплениями галактик, выясняется, что они тоже движутся как члены еще большего по размерам гравитационного образования — суперскопления.

И вот в сентябре 2014 года группа под руководством астронома Гавайского университета Тулли доказала, что наша Местная группа — окраинный член гигантского суперскопления, которое простирается на 520 миллионов световых лет и содержит около 500 галактических скоплений, удерживаемых вместе как гравитационным взаимодействием, так и пронизывающими эту структуру «нитеями» темного вещества. Любопытно, что уже много лет назад было обнаружено, что галактики в нашей части Вселенной движутся так, будто их притягивает какой-то единый «Великий Тягач» — и вот сейчас оказалось, что этим «тягачом» является гравитационный центр Ланиакеи. Оно и понятно: в гравитационном поле все стремятся к центру гравитации — потому что яблоко падает на голову Ньютона, и камень скатывается с горы, на которую его вкатил Сизиф.

Реквием по Дон Кихоту

Все началось летом 1962 года в коридорах грозного Московского Физтеха. Туда пришли два свеженьких абитуриента: один москвич, другой из Донбасса. У первого была чистая анкета и его приняли, не глядя в глаза. Если хватит юноше упорства, то вырастет хороший физик; а если не хватит, то отчислим после первой, либо второй сессии. Напротив, медалисту из Донбасса дали от ворот поворот: нельзя такого учить секретной физике! Ведь он рожден в Магадане, куда родителей выслали за пребывание под немецкой оккупацией. Кто в войну отдал Донбасс Гитлеру — те либо погибли, либо прощены. А кого тогда

отдали, и кто прожил хоть год под несоветской властью — тем нет доверия даже во втором поколении! Так хрущевская бюрократия (совсем не кровавая!) бездумно воспитывала будущих диссидентов. Да и на Хрущева глядела косо: если тот развенчал Сталина, то не пора ли его самого развенчать? Что и случилось через два года — на глазах у вдумчивых студентов МФТИ и МГУ.

Ибо обиженный секретным Физтехом чемпион Донбасса перебросил свои документы на несекретный мехмат МГУ. Где его приняли с восторгом, ибо парень из глубинки получил пятерки на всех вступительных экза-

менах. Вот таких студентов нам и надо: из них вырастают академики! Если даже парень в душе диссидент, но НЕ утверждает об этом на каждом углу — так и правильно делает! Не важно, чем ты увлечен, если твои увлечения не нарушают общественный порядок...

На втором курсе МГУ будущий академик (назовем его пока АТФ) прославился на своем курсе как незаурядный художник и график — продолжатель еретических традиций Дали и Эшера. Эта симпатичная блажь не мешала герою мехмата идеально сдавать все сессии и еще увлекаться музыкой — так что вскоре он сделался старостой музыкального клуба при академике П.С. Александрове. И задумался герой: не займут ли когда-нибудь инициалы АТФ то место в МГУ, которое сейчас держат инициалы ПСА? Ведь нынешний президент Отделения математики прибыл в Москву из Ногинска через Смоленск; почему бы следующему не быть из Магадана? Для этого нужно быстро придумать и завершить хорошую кандидатскую диссертацию, а за нею очень хорошую докторскую. После этого ты автоматически встанешь в длинную очередь будущих академиков... АТФ встал в очередь в свои 28 лет: рисование фантастических картин не мешало, а помогало развитию геометрической фантазии. Что творилось в те же годы в уме физтеховца — Валерия Сендерова?

Он тоже сдвинулся из стана ядерных физиков в стан несекретных математиков — таких, как Анатолий Савин и Валерий Гливенко. Вокруг них вырос кустик студентов, лихо чередовавших решение красивых задач с умеренной выпивкой и неумеренными разговорами за жизнь. В этом кругу дикаря Хрущёва не любили — но сожалели об отставке этого простого и незлого мужика. Ведь его преемники притормозили в отступлении от сталинских злодеяний! Надо продолжить и ускорить это стихийное движение народных масс — просвещая граждан СССР так, как это делает Александр Солженицын! И пока Исаич тайно писал «Архипелаг», его сторонники в физико-математическом лобби нача-

ли выпускать «Хронику текущих событий». То есть перечень явных нарушений советских законов и резолюций ООН российскими чиновниками любого ранга.

Эти диссиденты не особо скрывали свою деятельность — хотя старались явно не преступать Уголовный кодекс. Например, что могут сделать власти с трибуном-самозванцем за устный или письменный призыв: не приходить на Первомайскую демонстрацию или на Ленинский субботник? По закону ничего не могут. А если чекисты преступят закон, то об этом сразу узнают западные журналисты — и раструбят по русскоязычному радио из Лондона или из Мюнхена. Так что нас укусить легко — но себе дороже выйдет!

На Лубянке это поняли, и лишь слегка прижали бунтарей. Полдюжины физтеховцев отчислили за несдачу очередной сессии. Это с пятого курса — где каждый дотянувший обретает особую ценность для деканата! Однако ценность Валерия Сендерова в глазах секретчиков уже обрела отрицательный знак. Пусть он исчезнет с нашего горизонта! Он и исчез: пошел преподавать математику в физматшколу, как почасовик-совместитель. Столь скромные персоны не привлекают внимание милиции; это мирное сосуществование волков и козлий могло бы тянуться долгие годы. Если бы приемные комиссии МГУ и других ведущих вузов не объявили тайный бойкот — сперва лицам подозрительных национальностей, а потом всем вольнодумным физматшкольникам. «Не нужны мне умники, а нужны послушники», — так заявлял царь Николай I за 20 лет до поражения России в Крымской войне. То же самое твердили Суслов, Брежнев и Андропов за 10 лет до злосчастного вторжения войск СССР в Афганистан.

Оттого на мехмате МГУ научный бум сочетался с быстрой административной деградацией. В 1969 году факультет потерял своего самого даровитого и популярного декана — Николая Ефимова. Через три года не стало великого ректора МГУ — мате-

матика Ивана Петровского, учредившего в главном вузе страны две сотни новых кафедр и лабораторий. Дальновидного Петровского сменил молодой лазерный физик — Рэм Хохлов. Увы, этот достойный лидер вскоре погиб в горах Памира. Ему на смену пришел человек более партийный, чем ученый. Что делать в такой глупеющей среде молодому блестящему математику?

Если тебе повезет — сделай открытие, достойное международной премии Филдса. Такое удалось в 1966 году троим: Сергею Новикову, Владимиру Арнольду и Юрию Манину. Но премия досталась только первому из них — потому что зловредные чиновники не посмели прервать путь племяннику президента Академии Наук. Другим героям науки не столь повезло с родством. А наш удачник АТФ вдруг ощутил, что пик его научных успехов, кажется, миновал. Так что делать дальше, чтобы не измельчать душою?

Пример Дон Кихота издавна стоит у всех на виду. Но каждый волен выбирать мельницы по своему вкусу. Один видит главное зло в юношеской глупости — и идет в школу или вуз, чтобы укротить это зло в зародыше. Другой видит активное зло в делах скудоумных чиновников — и идет в политику, чтобы оседлать эту тупую стихию. Но она чаще всего либо сбрасывает и топчет неопытного седока, либо перевоспитывает его на свой лад. А ведь можно взять чучело древней Политики — сиречь Историю, которой прислуживают люди неумные или несмелые, крохоборы и мелочеведы! Таких слуг каждый сильный математик может уверенно превзойти. Он ведь привык не только ЗНАТЬ свойства всех фигур своей науки, но и свободно ДВИГАТЬ ими по бесконечной научной доске. Если ты умеешь играть в Математику или в Физику, то что или кто помешает тебе играть в Историю?

Никто не помешает — если ты не тронешь немногих священных коров государственной церкви. Например, отрицать существование Киевской Руси опасно, а Московской Руси — очень опасно: угодишь в психушку. Но

если отождествить Древний Рим с Византией или с Золотой Ордой — такой демарш оскорбит только школьного отличника. И то не всякого! И вот, бывший отличник АТФ (то есть Анатолий Тимофеевич Фоменко — молодой профессор мехмата) начал весело играть во Всемирную Историю — лет за 10 до начала практической Перестройки Российской Истории. Играл сперва скромно, потом все смелее — и сам удивлялся, почему его никто не останавливает свыше. Он ведь тоже диссидент — и привирает гораздо больше, чем Солженицын, Оруэлл или братья Стругацкие! Однажды АТФ вызвали на Старую площадь и провели с ним воспитательную беседу. Инструктор ЦК (явно бывший троечник) прямо сказал: «Мне безразлично, в каком веке жил Юлий Цезарь! Только не морочьте головы школьным учителям!» Вопросы истории XX века инструктор и профессор не обсуждали: раз ты ее не трогаешь — значит, у нас к тебе претензий нет. Довольно нам возни с Солженицыным! Впрочем, его мы уже выслали из СССР; так будет и с другими — чтобы они нам не испортили Олимпиаду 1980 года!

В начале того года академика Сахарова выслали в город Горький — чтобы там жизнь стала слаще, а в Москве она медом не казалась. Менее заметных вольнодумцев на лето тихо выпихнули из столицы. Уехал и Валерий Сандеров: он ведь ничего не имел против советского спорта, а лишь боролся с самовластьем кремлевских чиновников в сфере высшего образования. Боролся самым простым путем: каждую осень в пустых аудиториях МГУ начинал работу не разрешенный и не запрещенный факультет научного самообразования. Для тех смысленных абитуриентов, которых почему-то отвергли лучшие вузы Москвы. Лекции и семинары там вели (бесплатно) все желающие профессионалы — особенно те, кому не хватало именно этих ясных глаз на дневных обязательных лекциях. Это самодельное чудо длилось три года — пока у парней с Лубянки не дошли руки до новой формы вольнодумства. Весною 1982 года Валерия Сандерова и очень немногих его

коллеги наконец арестовали — согласно давней поговорке: у нас сажают не «за что», а «когда». Смерть Суслова и тяжкий недуг Брежнева обострили борьбу в кремлевских верхах. Лубянка старалась пресечь все неконтролируемые связи между московской и иной интеллигенцией. Очередной железный занавес упал сроком на пять лет.

Когда Сендерова спрашивали: как ему жилось в эти годы? — он отвечал: «Совсем не плохо!» В трудовой лагерь его не пустили: слишком опасный пропагандист несоветского образа мышления! Сидел в строгой тюрьме маленького городка Чистополь — при минимуме человеческого общения. Зато думать о науке там никто не мешал, и времени хватало. Математика не сведешь с ума одиночной камерой — без особых пыток, а их к спокойным арестантам не применяли. В остальное время думал о Боге, как образе Человека — и уверовал в Христа, чтобы легче общаться с людьми, к науке не причастными. Нередко вспоминал судьбу профессора Дмитрия Егорова. Этот религиозный дед Московской математической школы умер в тюремном лазарете не за науку, а за резкое осуждение надругательства сталинской охраны над русской церковью в 1920-е годы. Егорову было за 60, и он недолго выдержал. Сколько выдержит сорокалетний Сендеров?

Свобода пришла с началом Перестройки — когда Горбачев позвонил Сахарову в Горький и предложил вернуться в Москву, к научной работе. Академик поставил одно условие: выпустите две сотни диссидентов, которые сидят в разных местах, не совершив уголовных преступлений! Сендеров был в числе этих декабристов. В 1987 году он вернулся в Москву — и вскоре увидел Перестройку идущей не по тем рельсам, которые заранее проложили либералы-вольнодумцы. Что теперь делать: исправлять непослушное чадо или позволить ему учиться на своих ошибках?

Сендеров выбрал второй вариант. Он делал то же, что прежде: жил так, как будто нет в стране никакой партии с ее неумными запретами. Ге-

бисты опять стали собирать обвинительный материал против неумного вольнодумца. Его мечтали вновь посадить — но пришел 1989 год, и всем все стало можно. Академик Сахаров согласился стать народным депутатом новой России — и умер от инфаркта через полтора года, не достигнув 70 лет. Неукротимый и невыездной математик Израиль Гельфанд был наконец избран академиком — и покинул Россию в 75 лет, чтобы еще 20 лет служить всему миру «Математическим Папой» с территории США. Математические братья Сергей Новиков и Владимир Арнольд поочередно возглавляли Московское математическое общество. При их поддержке вольнодумец Анатолий Фоменко был избран в академики — и оставил игру во Всемирную Историю ради новых научно-административных игр. Ленинград опять стал Петербургом; тамошний научный монах Григорий Перельман отбыл на стажировку в США, где впал в неумную победную любовь к непокорной гипотезе Пуанкаре. Во всех научных центрах России спонтанно возникали математические либо гуманитарные школы, лицеи, гимназии. Третья российская революция XX века развивалась стихийно и неудержимо. Валерий Сендеров ощутил себя лишним человеком в новой вакханалии различных свобод. Он объявил, что уходит из политики и возвращается в математическое просвещение — как смиренный ветеран-отставник. Христианин Валерий воцерковился, завел семью — но все это была уже жизнь по третьему кругу. Ветряные мельницы рухнули под жданным ураганом — и безработный Дон Кихот вернулся в тихую, небогатую Ламанчу. Здесь он прожил еще 20 лет и умер, по скромности не написав мемуаров.

Пусть боги судят, чей жребий лучше — как сказал 24 века назад настырный афинский праведник Сократ. Праведник Валерий Сендеров не был настырен. Даже если среди его учеников вырастут новые Платоны и Ксенофонт — они вряд ли вслух заявят о своем духовном родстве. Покойся в мире, друг Валерий!

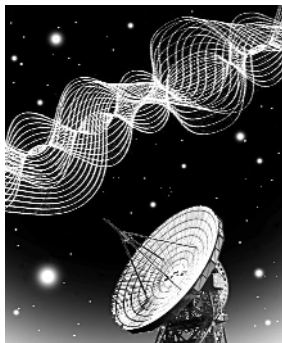
Мы просто не видим инопланетян

Почему-то астробиологи думают, что если в Солнечной системе будет обнаружена жизнь, то только в самых простых формах. Многоклеточные организмы возникли на Земле, так почему бы им не появиться и в других местах?

Как известно, во многих местах нашей Солнечной системы есть условия, благоприятные для существования жизни. Так, на спутнике Сатурна, Титане, найдены углеводороды, а в атмосфере Титана обнаружены органические аэрозоли. Исследователи попытались воспроизвести эти условия в лаборатории, чтобы понять, как могли возникнуть земные формы жизни и как они развивались от простых к более сложным. Например, на Земле одиночные белки объединяются в белковые сети. Это помогает автономным системам превращаться в сложные структуры. В основе развития сложных организмов лежат метаболизм (обмен веществ), кооперация видов и многоклеточность. Также ученые не исключают воздействия на «усложнение» жизненных форм мутации и взаимодействия генов. А еще – голод и стресс, что было доказано на примере обыкновенных дрожжей.

И вновь о сигналах из космоса

Из недр космоса до нас доносятся загадочные импульсы. Впервые

они были зафиксированы 2 ноября 2012 года в Австралии. Каждый из пяти радиовсплесков продолжался несколько тысячных долей секунды, и сигналы не уловила ни одна другая обсерватория в мире.

Поскольку ранее ничего подобного не наблюдалось, астрономы решили, что радиотелескоп улавливает сигналы с объектов, расположенных неподалеку от Земли или на самой планете. Но недавно обнаружилось, что подобные всплески происходят приблизительно раз в 10 тысяч лет, а источник всплесков, вероятно, расположен за пределами Млечного Пути. И они не могут быть связаны с помехами, вызванными движением межзвездных электронов.

О происхождении этих сигналов есть несколько версий, в том числе и та, что их посылают некие братья по разуму. Полностью не отрицают этого даже сами ученые.

На комете найдена жизнь?

Зонду, недавно посаженному на поверхность кометы 67P/Чурюмова-Герасименко в рамках миссии «Розетта»,

удалось обнаружить в ее атмосфере органические соединения.

Найденные молекулы содержат атомы углерода, которые составляют основу жизни на Земле. Анализ образцов должен показать, являются ли эти соединения простыми, как метан и метанол, или же более сложными, как аминокислоты, служащие строительным материалом для белков. Также с помощью бортового бура аппарата «Филы» с поверхности кометы удалось извлечь образцы твердого вещества, но они еще не изучены.

В августе было исследовано газопылевое облако, окружающее ядро небесного объекта. Немного раньше на комете 67P были обнаружены вода, окись углерода и диоксид углерода, а также следы аммиака, метана и метанола. В октябре астрономы сообщили об обнаружении соединений формальдегида, диоксида серы и сероводорода. Если удастся отыскать аминокислоты, это станет доказательством того, что жизнь на Земле зародилась из органических молекул, занесенных кометами.

Рисунки А. Сарафанова

Тайна ДВУХ МОСКОВСКИХ ПОДЗЕМЕЛИЙ

В своих воспоминаниях маршал Г.К. Жуков рассказывает о мероприятиях, которые командованию Красной Армии следовало бы провести перед войной, но которые проведены не были. В результате пострадала обороноспособность страны. В частности, «...при изучении весной 1941 года положения дел выяснилось, что у Генерального штаба, так же, как и у наркома обороны и командующих видами и родами войск, не подготовлены на случай войны командные пункты, откуда можно было бы осуществлять управление вооруженными силами, быстро передавать в войска директивы Ставки, получать и обрабатывать донесения от войск.

В предвоенные годы время для строительства командных пунктов было упущено. Когда же началась

война, Главному Командованию, Генеральному штабу, всем штабам родов войск и центральным управлениям пришлось осуществлять руководство из своих кабинетов мирного времени, что серьезно осложнило их работу».

Об этом же рассказывает и маршал А.М. Василевский: «Несмотря на все наши настояния, до войны нам не разрешили даже организовать подземный командный пункт, подземное рабочее помещение». И добавил при этом обескураживающую подробность: до августа 1941 года Оперативный отдел Генштаба работал на вешевом складе НКО (Народного Комиссариата обороны). У маршала были особые причины хорошо помнить про этот просчет командования — он сам пострадал, когда во двор здания Генштаба попала бомба. Понятно, что если бы бомба попала не

во двор, а в само здание, то последствия были бы тяжелыми.

Генерал армии С.М. Штеменко, в начале войны ответственный работник Генштаба, также подробно рассказывает о неудобствах, связанных с отсутствием у Генштаба подземных рабочих помещений. При этом его рассказ позволяет разрешить противоречие: по Г.К. Жукову, руководили «из кабинетов мирного времени», а по А.М. Василевскому — из непригодных подземных помещений. На самом деле, когда опасность дневных налетов авиации противника была невелика, днем руководили из кабинетов, а на ночь спускались под землю.

На фоне этих сожалений об отсутствии оборудованных командных пунктов для высших командных инстанций особое удивление вызывает рассказ генерала Д.А. Журавлева, незадолго до войны ставшего командиром корпуса ПВО, поставленного на защиту Москвы: «В начале июня ...я отправился в новое здание ...управления корпуса. К тому времени строительство большого ...дома в центре города было уже закончено. ...командный пункт находился здесь же, под домом, на глубине пятидесяти метров. По левую сторону длинного, ярко освещенного коридо-

ра — многочисленные двери ...пункт управления командира корпуса. Стены обиты бархатом, чтобы приглушать звук, мягкая мебель, отлично продуманное освещение, хорошая вентиляция ...очень скоро я убедился, как облегчили нам выполнение трудных обязанностей созданные здесь удобства.

В середине зала... большой стол с пультом управления. Пользуясь им, можно было связаться с любой частью, с каждым из начальников родов войск, с городскими организациями и правительственными учреждениями. ...Не выходя на поверхность земли, мы могли принять горячий душ, отдохнуть, поесть. В случае недостатка воздуха можно было включить кислородное оборудование.

...Слева от зала, где размещался пункт управления командира корпуса, находилась комната оперативной группы начальника зенитной артиллерии, справа — командира 6-го авиационного корпуса. ...Верхний этаж КП занимал главный пост ВНОС (Воздушного наблюдения, Оповещения и Связи). ...Рядом находилась оперативная группа прожектористов ...и некоторые другие службы. ...в специальном помещении смонтирована достаточно мощная электростанция для обеспечения нужд командного пункта на случай аварии городской сети. ...на протяжении всей войны включать ее приходилось только для проверки. Московская энергосистема работала бесперебойно, так же как водопровод и канализация — словом, всё коммунальное хозяйство большого города».

Итак, мы столкнулись с исторической загадкой — почему у Генштаба и у НКО (Наркомата обороны) убежища не было, а у ПВО Москвы был образцово-показательный подземный командный пункт. Но, так или иначе, этот пример показывает, насколько серьезно в предвоенное время Советское руководство относилось к организации ПВО и, в частности, ПВО Москвы. Недавно вышла книга, содержащая много интересных подробностей относительно этого командного пункта. И там есть информация о наличии подобного пункта управления у ПВО Ленинграда.

Как мы видим, к ПВО в предвоенные годы относились вдумчиво.

Но еще большего удивления заслуживает информация из воспоминаний генерала армии И.В. Тюленева, перед войной командующего МВО (Московским военным округом): «Климент Ефремович (К.Е. Ворошилов. — *И.Г.*) спросил: — Где подготовлен командный пункт для Главного Командования? — Такую задачу передо мной никто не ставил, — ответил я. Штаб Московского военного округа и ПВО города командными пунктами обеспечены. Если будет необходимо, можно передать эти помещения Главному Командованию».

Еще одна загадка истории. Командование тылового военного округа имело командный пункт, в то время как высшие командные инстанции его не имели. Все это выглядит вопиющим разгильдяйством. Но для военных разгильдяйство не характерно. А тем более, для высокопоставленных военных. Поэтому еще раз прочтем, что написал об этом Г.К. Жуков: «время для строительства командных пунктов было упущено». Но это же не означает, что к строительству вообще не приступали. А слова Г.К. Жукова можно понимать и так: строительство велось, но с началом строительства опоздали.

В связи с этим уместно вспомнить относящиеся к тому времени воспоминания Н.Г. Кузнецова, наркома ВМФ в годы войны. «Не запрашивая разрешения, на свой риск и страх, я приказал строить бетонированный блок, в котором можно было разместить немного людей и средства связи Наркомата ВМФ. А Наркомат обороны пока ничего не предпринимает». Опять это высказывание можно трактовать как упрек разгильдяям из НКО. Но обратим внимание, что согласно воспоминаниям А.М. Василевского, дело не в разгильдяйстве НКО, а в том, что им «не разрешили». Поэтому стоит отметить, что А.М. Василевский и Н.Г. Кузнецов рассказывают о разных вещах. Одно дело «подземный командный пункт», который не разрешили организовать то ли НКО, то ли Генштабу, а другое — «бетонированный блок, в котором можно было разместить немного людей и средства связи». Как

мы видим, командование ВМФ тоже не имело своего «подземного командного пункта». Наличие такого бункера могло лишь смягчить масштаб катастрофы в случае попадания тяжелой бомбы в здание наркомата. Но эффективно управлять флотами из такого бункера вряд ли было возможно.

Все это тем более удивительно, что в предвоенной Москве большое внимание уделялось МПВО (Местной противовоздушной обороне) — строительству бомбоубежищ и другим мерам пассивной защиты от воздушного нападения. К началу войны город располагал 700 убежищами и 2613 бомбоубежищами. Заметим, что здесь речь идет об объектах городского значения. Об особо важных объектах заботились соответствующие наркоматы и ведомства. В частности, МПВО на объектах НКО относилась к компетенции самого Наркомата обороны. Невозможно поверить, что про такую солидную организацию, как Генштаб, при этом просто забыли.

Но вернемся к воспоминаниям Г.К. Жукова. А точнее, к тем фактам, которые в них изложены. Итак, весной 1941 года командование Красной Армии было обеспокоено отсутствием командных пунктов для высшего военного руководства. Это факт. Но интерпретировать его можно по-разному. С одной стороны, так и хочется спросить — а о чем вы раньше думали! А с другой — это можно считать еще одним свидетельством того, что весной 1941 года советское руководство всерьез опасалось нападения Германии на СССР. И таких свидетельств довольно много. Но во второй половине апреля значительные силы вермахта вторглись в Грецию и в то же время развернули наступление в Северной Африке. И тогда в Москве, по всей видимости, совершили роковую ошибку — решили, что на ближайшие месяцы угрозы нападения со стороны Германии не существует.

Подводя итог, хотелось бы отметить два обстоятельства. Во-первых, мемуары не являются историческими исследованиями и не претендуют на полноту описания исторических событий. И отдельные эпизоды в них

могут допускать разные интерпретации. Более того, когда речь идет о далеко не главных, частных вопросах, это даже неизбежно. Поскольку книги имеют ограниченный объем, всех подробностей в них привести невозможно. Не зная подробностей, легко сделать неверные выводы.

Рассмотрим, например, вопрос о командном пункте МВО. Собственно говоря, что мы о нём знаем? Был ли он подземным? Действительно, прочитав воспоминания генерала И.В. Тюленева, автор этих строк остался в твердом убеждении, что МВО к началу войны имел подземный командный пункт. И только при подготовке этого материала к печати был весьма удивлен, убедившись, что в воспоминаниях И.В. Тюленева нет слова «подземный». Выяснилось, что во всех других известных материалах на эту тему речь шла о подземных командных пунктах. И в результате стало само собой разумеющимся, что командный пункт должен быть подземным. Но так ли это было на самом деле?! В воспоминаниях генерала К.Ф. Телегина, в 1941 года ЧВС (Члена Военного Совета) МВО, не удалось встретить ни одного упоминания о подземном командном пункте. А работал он в кабинете, где под утро можно было открыть окно. Но он счел нужным рассказать, что в его кабинете были телефоны для прямой связи с Кремлем, с НКО, городской, внутренний. Действительно, для командного пункта главное — связь. И генерал в своих воспоминаниях пишет о том, что его волновало — о состоянии связи на его новом рабочем месте. А вопросы его личной безопасности волновали его существенно меньше. Тем более, что опасность попадания бомбы в штаб тылового округа была невелика.

Так что нельзя исключить, что командный пункт подземным не был. Или что подземное помещение для штаба МВО существовало, но после того, как к октябрю 1939 года граница существенно отодвинулась от Москвы, о таких вещах стали думать значительно меньше. И этот подземный пункт не был в должной мере обеспечен средствами связи.

Маршал Г.К. Жуков сказал то, что он хотел сказать — что в 1941 году высшие командные инстанции Красной Армии работали в непригодных помещениях. А размышления о том, почему так произошло, относятся к предыстории вопроса. И если даже кто-то проявил в этом вопросе вопиющее легкомыслие, то это произошло до вступления Г.К. Жукова в должность начальника Генштаба. Но в любом случае версия о чем-то разгильдяйстве кажется в высшей степени маловероятной или маловероятной.

Действительно, всегда следует различать факты и их толкование. Интерпретаций может быть много, причём некоторые из них могут быть маловероятными или маловероятными. Однако как раз такие иногда оказываются правильными. Такое бывает редко, но бывает.

И в заключение о самом главном. Заинтересовавшись этим весьма частным вопросом нашей истории, мы должны обратить внимание на то, что летом и осенью 1941 года десятки тысяч людей, военных и гражданских, сравнительно далеко от фронта, но в радиусе действия вражеской авиации, выполняли организационную и штабную работу. Помимо естественных трудностей военного времени, помимо многократно возросшего объема работы, помимо опасности, угрожавшей с неба, им пришлось преодолевать трудности, вызванные неполной готовностью тыловых объектов к войне. И если оперативный (то есть самый главный) отдел Генерального штаба работал на вещевом складе, то есть все основания считать, что нечто подобное происходило у большого числа штабов, командатур и других военных учреждений низшего уровня. И в еще большем числе гражданских учреждений, от московских наркоматов до небольших контор в областных центрах. Где, кстати, значительное число сотрудников составляли женщины. И, вспоминая красноармейцев и командиров, защищавших страну на фронте, мы не должны забывать и тех, кто в тяжелых условиях 1941 года обеспечил управление армией и страной.

СКЕПТИК

Александр Волков

А был ли мальчик в пропасти Лакедемона?

«З-С» Апрель 2015

С древних времен историки говорят о страшном обычае, который существовал в одном из самых небольших и наиболее знаменитых государств античной Эллады – в Спарте. Новорожденного ребенка, если он казался болезненным, хилым, здесь не пестовали, а казнили – бросали в пропасть. Этот «искусственный отбор» помог властям Спарты вырастить нацию прирожденных воинов – крепких, здоровых бойцов, готовых сражаться с целым миром. Но так ли верно это предание?

Спарта! Имя, овеянное славой, имя, замешанное на крови... Его звучание стихает как удар копья о щит. Сколько бы ни длился этот глухой удар, ему не высечь из памяти ни видения громадных храмов, ни образы статуй на площадях, ни геометрию стен, нависающих над долиной. В памяти возникает лишь поле, по которому всё быстрее спешат солдаты с копьями наперевес, или горный перевал, где несколько дней сидят в засаде сотни воинов, или неуютные, колючие заросли, где спрятался юноша-охотник – сейчас он увидит прохожего, подбежит, заколет кинжалом, чтобы через несколько секунд снова растаять как мираж. Спартанский мираж!

Две тысячи лет, как нет уже Спарты, но память о ней – не о соседних ей Элиде, Арголиде, Локриде, Фокиде! – всё живет. Страшная память. Таинственная память. Память, въевшаяся в наше сознание, как воспоминание о «первородном грехе».

Мы привыкли говорить о жестокости спартанцев, но завидовать их лаконической краткости (Лакония, Лаконика, Лакедемон – все это синонимы названия «Спарта»). Мы удивляемся спартанской муштре и восхищаемся спартанской храбростью. Мы иронизируем над спартанским воспитанием и не знаем, что коммунизм уже был построен – в одной, отдельно взятой Спарте, стране за «железным занавесом», где были отменены деньги и весь честной народ – «община равных» – питался в одной коммунальной столовой.

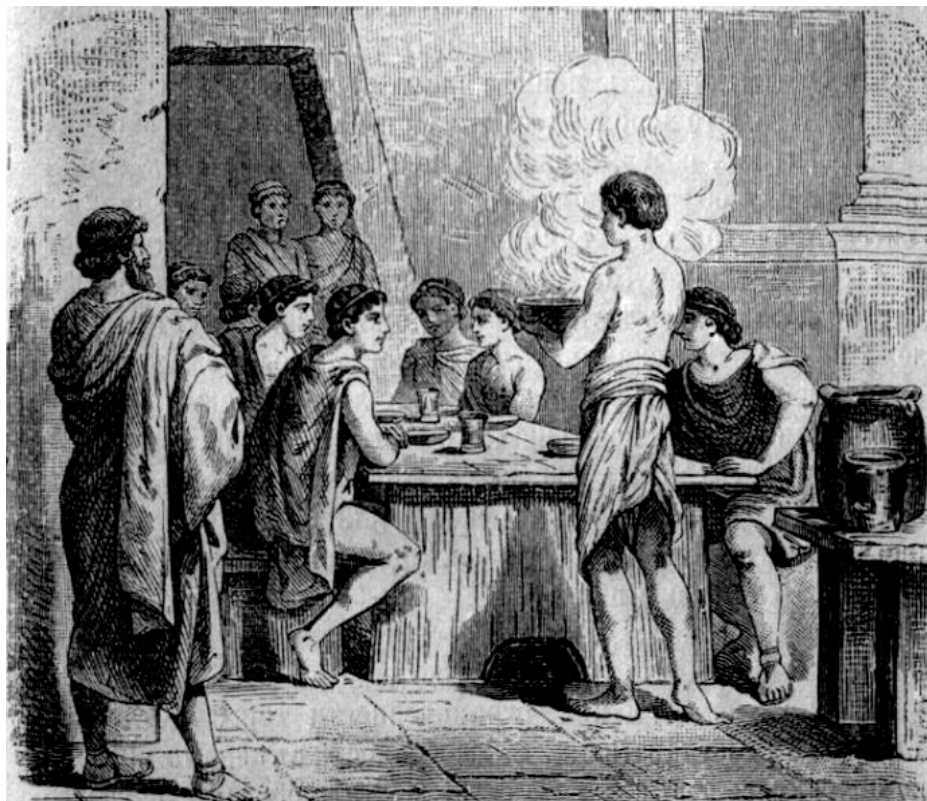
А еще, добавляют историки, в Спарте существовало крепостное право, как у нас или в Германии пару веков назад, и сохранялись варварские, первобытные пережитки. А еще прослав-

ленные воины сумели присоединить к Спарте почти половину греческих земель путем мирных дипломатических инициатив, создав подобие, хотите, НАТО, хотите, Варшавского договора. А еще, когда в стране осталось всего две тысячи спартиатов, они объявили войну всей Персидской империи – и добились почетного «Царского мира». А еще в столице Спартанской державы было много и статуй, и величественных храмов; не было только стен, ведь лучшие стены Спарты – ее люди, любили говорить правители страны. И они не обманывались в ожиданиях. Несколько столетий подряд ни одна вражеская армия не решалась вторгнуться в узкую, горную долину, покрытую благоуханными садами, – долину, посреди которой стоял город Спарта.

Всё так! Спарта – одно из самых странных государств в европейской истории. Но из всех загадок, с ней связанных, мы поговорим лишь об одной – о спартанском воспитании.

Тысячелетний Рейх, агоге и лесха

Подлинным гражданином своей страны спартанца делало воспитание. Оно вытравило в человеке все индивидуальные черты, превращая его в бездушный механизм, готовый выполнять любые приказы. У истинного спартиата не оставалось ни желаний, ни собственных мыслей. У него исчезало «я», вытесненное словом «мы». Едкую фразу Евгения Замятина: «Мы – счастливейшее среднее арифметическое...» истинный спартиат мог бы распевать как гимн. «Противники спартанского общественного порядка наказывались

Спартанская школа

самим обществом, причем презрение к ним было всеобщим и действовало сильнее, чем кнут надсмотрщика», — писал Арнольд Тойнби.

Итак, воспитание — «агоге», как называли его спартанцы, — было основой спартанского космоса. В нём залог их успехов и в нём же корень их бед. «Воспитание, дисциплина сделали спартиатов, не кровь предков», — писал немецкий историк XIX века Эрнст Курциус.

Не случайно, поборники тоталитаризма в XX веке взяли на заметку спартанское воспитание. Элементы его мы узнаем и в нацистской Германии, и в маоистском Китае, и в сталинском СССР. Однако все эти режимы на собственном опыте убедились в том же, в чем и спартиаты. Со временем устои тоталитарного воспитания ослабевают. Из поколения в поколение уникальная система педагогики расшатывается и вдруг рассыпается —

эта каменная твердыня, возведенная на песке человеческих душ.

В XX веке идеологи тоталитаризма делали одной из основ своего учения вульгарно истолкованный дарвинизм. Спартанское воспитание начиналось, если прибегнуть к терминам Дарвина, с «отбора». Если ребенок, по мнению властей, родился слабым и не пригодным для жизни, его казнили. Плутарх описывает этот обычай.

«Воспитание ребенка не зависело от воли отца, — он приносил его в «лесху», место, где сидели старшие члены филы (объединения. — А. В.), которые осматривали ребенка... Слабых и уродливых детей кидали в Апофеты, пропасть возле Тайгета... Жизнь новорожденного была так же бесполезна ему самому, как и государству, если он был слаб, хил телом при самом рождении». Спасти ребенка якобы можно было, лишь бежав из Спарты, прежде чем его увидят старейшины.

Менее ста лет назад у этого мрачного ритуала нашелся горячий по-

клонник. Вот что он писал: «Если люди захотят ограничить свою численность,.. то им нужно урезать число... оставляемых (!) в живых. Когда-то к подобной мудрой мере прибегли спартанцы — не в пример нашему нынешнему, лживо сентиментальному, буржуазно-патриотическому люду. Господство 6000 спартанцев над тремя с половиной сотнями тысяч (!) илотов было возможно только благодаря их расовой полноценности, но это — результат плановой расовой селекции, а потому мы вправе рассматривать Спартакское государство как первое национальное государство».

Человеком, превозносившим обычаи Спарты, был Адольф Гитлер. Отдавая приказ об уничтожении неполноценных людей в годы Второй мировой войны, Гитлер помнил и о спартанской традиции. Официальные немецкие историки вторили фюреру.

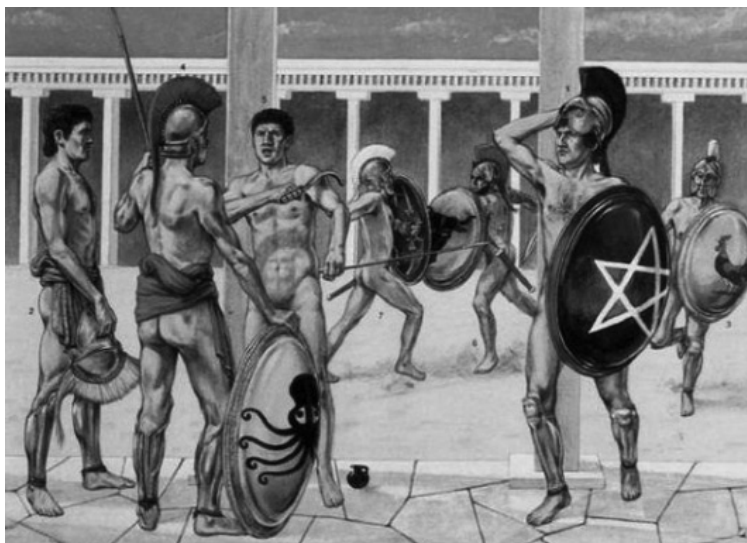
«В Спарте, — писал Хельмут Берве, — мы видим дух северных переселенцев, который являлся во многих чертах родственным германской сущности, мог осуществить идеальную форму жизни, что была заложена в нем самой природой». Или: спартанское воспитание «можно причислить к величайшим достижениям эллинского духа, которые вечно будут служить нам примером», говорил он же в 1937 году, утверждая духовные

основы Тысячелетнего Рейха. «Нигде прежде так исторически явственно не проявлялся «государственный порядок», созданный людьми нашей расы и соответствующий биологическим законам, как проявился он в Спарте», — писал один из нацистских апологетов Х. Людеман.

Вот только был ли «мальчик», сброшенный в расселину скалы? По оценкам историков, в Греции была широко распространена практика отказа от новорожденного ребенка, но младенцев не убивали, а подкидывали кому-либо или оставляли там, где бывает много людей. Известно, что под властью Рима так же поступали и спартанцы.

Британский историк Найджел Кеннел, анализируя употребление Плутархом глагольных времен, пришел к выводу, что сам автор относил обычай убийства детей к категории давно забытых.

Как отмечает российский историк Андрей Зайков («Вестник древней истории», 4/02), рассказ Плутарха о хромом царе Агесилае и свидетельство Ксенофонта о том, что «слабость тела» не лишает спартанца гражданских прав, в некотором смысле противоречит истории об Апофетах. «Следовало бы проявить осторожность в этом вопросе и усомниться, в самом ли деле в Лаке-

демонe когда-либо практиковалась такая расчетливо-рациональная евгеника, в чем нас пытается убедить Плутарх». Возможно, что подобные жестокости совершались лишь в глубокой древности.

Лаконический «Гитлерюгенд»

Первые семь лет жизни ребенок проводил дома. Спартанские няньки славились далеко за пределами страны. Даже иностранцы выписывали их для своих детей. С ранних лет малыша приучали терпеть и ничего не бояться. Ему полагалось есть любую пищу, какую подадут; его оставляли одного в темноте; наказывали за капризы и плач. Во всем он обязан был слушаться старших.

В семь лет мальчика забирали от родителей; никто не мог этому воспротивиться (исключение делалось лишь для царских детей). Семья не должна была стоять между государством и его гражданами. Роль ее в воспитании детей была сведена к минимуму. Родителям позволялось лишь изредка навещать детей.

Теперь о мальчиках заботилось государство. Нигде в Древнем мире подобного не было. Поделив детей на группы по возрасту, их расселяли в бараках, где они сами прибирались и наводили чистоту. Их воспитывали в закрытых полувоспитательных школах — своего рода «детских домах». Вальтер Эберхардт, энтузиаст нацистской педагогики, сравнивал их с «Гитлерюгенд».

Отныне детей подвергали зверской муштре, воспитывая в них выносливость, хитрость, жестокость, умение приказывать и повиноваться. И зимой, и летом мальчики ходили босиком, одетые в легкий хитон, доходивший им до колен. Кожа на ногах постепенно грубела, и они приучались лазить по горам босиком. Надзирали за ними юноши 19-20 лет (ирены). «Кто из граждан не проходил всех ступеней воспитания мальчиков, — писал Плутарх, — не имел гражданских прав».

Забавно, что во Франции в конце

XIX века спартанское воспитание любили сравнивать с английским. Вот типичный журналистский пассаж: «Спартанцы придерживались воспитания, которое мы называли бы английским. Они не пеленали новорожденных детей, приучали их к изменениям температуры, мыли их холодной водой и даже зимой не позволяли им кутаться».

Всех детей делили на отряды (агелы); в основном по шесть мальчиков в каждом. Командовал отрядом самый смелый и ловкий ребенок. Британские археологи, проводившие раскопки в храме Артемиды Орфии, обнаружили многочисленные надписи, оставленные в честь мальчиков, одержавших победы на состязаниях, посвященных Артемиде. Если мальчик командовал отрядом, это указывалось в надписи.

Полномочия командира были достаточно широки. Остальные дети слушались его беспрекословно. По его приказу заготавливали дрова и овощи; он мог отстегать провинившегося мальчишку. Наказывали любого, кто возражал, медлил. Так растили идеаль-

ных воинов (это была единственная профессия настоящего спартанца). В бою гоплит (тяжеловооруженный пеший воин) инстинктивно (!) не смел игнорировать приказ; он подчинялся ему, как автомат. Ради этого в спартанцах с детства вырабатывался особый условный инстинкт: «моментальное подчинение приказу».

Повиноваться и... повелевать — вот залог успехов Спарты, восхищенно говорил писатель и философ Ксенофонт, изгнанный из Афин. Его сыновья не разделяли его мнение и предпочли остаться в Афинах, нежели учиться всем азам повиновения.

Спартанцы же воспитывались как послушники в монастыре, только в этом монастыре учились не молиться, а сражаться, не пробуждать в себе добро, а воспитывать воинскую доблесть, не помогать людям, а воевать с ними. Каста спартанцев была сродни рыцарскому ордену, и, подобно монахам, они были ограждены от внешнего мира — от этой дьявольской напасти, противостоять которой было делом всей жизни и настоящего монаха, и истинного спартанца.

Вместе с мальчиками-спартиатами воспитывались и «мофаки» (дети неграждан или внебрачные дети спартиатов). Сыновья спартанских аристократов имели право приводить с собой в школу двух-трех ровесников — детей периеков (иностранцев, не имевших в Спарте гражданских прав). Аристократы усыновляли этих детей, но те не имели право наследовать их имущество. Мофаки всю жизнь находились при своих «побратимах», выполняя обязанности адъютантов. Они охраняли их жизнь в бою. Их связывали отношения, характерные для патронов и клиентов. Особо отличившиеся мофаки иногда получали гражданские права.

Сыновья знатных иностранцев, оказавших большие услуги Спарте, тоже могли учиться в спартанской школе. Многие богатые и аристократически настроенные родители отправляли детей на воспитание в Спарту.

Терпеть!

В школе приучали детей не только слушаться приказов, но и, выполняя их, доблестно воевать. Подготовка новых воинов была жизненно важна для государства. Все спортивные состязания и игры были подчинены одной цели — воспитывать в юношах солдат. С детства спартанцы приучались владеть мечом, копьем и щитом. Во время игр выстраивались в фалангу. Подолгу занимались бегом, борьбой, прыжками, метанием диска и дротика.

Ежегодно между спартанскими юношами проводились состязания — своего рода «бои без правил». Площадка для поединка была со всех сторон окружена глубоким рвом, наполненным водой. Перед началом состязания приносили жертву. Затем юноши разбивались на две команды. Цель поединка — столкнуть противника в воду. Разрешено было наносить удары ногами, кусаться, царапаться, надавливать на глаза, нападать в несколько человек на одного — никаких правил «фэйр-плей». Запрещалось лишь применять оружие.

В этом «потешном сражении» юноши не щадили друг друга; еще меньше они будут жалеть противника. Как отмечают комментаторы, подобные игры больше всего напоминали поединки гладиаторов — жестокие, безжалостные бои.

Впоследствии, в римскую эпоху, когда Спарта превратилась в скромный провинциальный городок, спартанские «бои без правил» стали популярным аттракционом. Очевидцами подобных игрищ были и Павсаний, и Цицерон, удивлявшийся тому, «с каким невероятным упорством (юноши) сражались кулаками, ногами, ногтями и даже зубами; они предпочитали погибнуть, чем признать поражение».

Другим видом испытаний было бичевание юношей на празднике Артемиды Орфии. Их секли ивовыми прутьями перед алтарем богини. Некогда жертвенник богини орошали человеческой кровью, казня любого, вы-

бранного жребием. По преданию, Ликург заменил подобные казни бичеванием юношей. За этим наблюдала жрица, державшая в руках небольшое деревянное изображение богини. Если бичующие щадили юношу, то изображение становилось таким тяжелым, что жрица едва удерживала его. Тогда она обвиняла бичующих в нерадивости. Каждый юноша должен был сносить наказание молча. Если он кричал от боли, презирали не только его, но и его родителей.

Пока подрастали юноши, им приходилось постоянно учиться терпению. Если они попадались на воровстве, а все, что они добывали по приказу командиров — овощи, дрова, — было ворованным, то их нещадно наказывали — хлестали плетями, но не за кражу, а за нерасторопность. Вздумай юноша пожаловаться отцу, тот принимался сам колотить несчастного.

Совершив воровство, спартанские дети стремились ничем не выдать себя. Рассказывают, что как-то мальчишка украл лисенка и спрятал его под плащ. Когтями и зубами зверек раздирает живот ребенка, стараясь вырваться из западни. Мальчик молчал; он так и умер от ран, но не подал виду, что держит под плащом что-то ворованное.

Современные историки считают этот рассказ, переданный Плутархом, выдумкой, хотя он психологически точен. Если бы мальчик признался в краже, вытащил добычу из-за пазухи, то его — за неловкость и трусость — запороли бы до полусмерти. Мальчик настолько боялся жестокого наказания, что крепился, даже когда терпеть уже было нельзя.

«Терпеть» — вот что было главным в спартанской «школе мужества». Гимнастические упражнения обычно выполняли голыми: летом под палящими лучами солнца; зимой — невзирая на снег и дождь. Принимать теплые ванны и умащать тело запрещалось; грязь покрывала тело. Спали мальчики в бараках, на подстилках из тростника, сорванного голыми руками на речном берегу. Зимой под низ подстилки клали чер-

тополох; считалось, что это растение согревает.

Жили впроголодь. Впрочем, античные авторы полагали, что это шло спартанцам на пользу. Они становились от этого стройнее, «не раздавливались вширь»; их тело росло «свободно, без принуждения», делалось «тонким и худощавым», пояснял преимущества такой «диеты» Плутарх. Недавно немецкий искусствовед Иоганн Иоахим Винкельман называл телосложение спартанцев образцом греческой красоты.

Однако красота была лишь побочным результатом спартанского воспитания. Точно так же спартанцы занимались музыкой или танцами отнюдь не ради звуков нежных. Пиррихий, танец с оружием, исполнявшийся юношами, скорее, напоминал боевое упражнение. Его элементами были атаки, прыжки, оборонительные приемы, молниеносные удары копьем — то есть всё, что требовалось воину во время боя. Исполняли его в полном вооружении. Занятия танцами мало чем отличались от повседневной муштры; они лишь разнообразили ее. Под звуки же флейты спартанцы шли на битву. По словам Плутарха, мелодии спартанцев «обладали способностью проникать в душу, возбуждать мужество и великодушные чувства, внушать порывы энтузиазма». В песнях спартанцев восхвалялась храбрость тех, кому посчастливилось умереть за Спарту.

Как только юноши подрастали, они могли испытать это «счастье». Их делили на небольшие отряды и отправляли в Мессению, соседнюю страну, которую некогда покорили и сделали своей колонией их пращурь. Скитаясь по горам, среди диких зверей, они убивали встречавшихся им местных жителей — илотов. По достижении 20 лет юноши поселялись в казармах для взрослых. Все они считались военнообязанными (срок военной службы в Спарте составлял сорок лет).

Но это тема других разговоров...

Что мы знаем о лисе?..
Ничего. И то не все
Борис Заходер

Традиционные семейные ценности от Совнаркома

«К традиционным семейным ценностям, провозглашаемым Концепцией, относятся ценности брака, понимаемого как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению».

Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года.

*Утверждена распоряжением
Правительства Российской Федерации
от 25 августа 2014 г. № 1618-р*

Демоскоп знает больше

Нам кажется, что Концепция государственной семейной политики внесла, наконец, долгожданную ясность в вопрос о том, что же следует понимать под нашими традиционными семейными ценностями. Демоскоп, всегда внимательно следящий за духом времени, уже давно склонялся к тому, к чему склонялось начальство: надо укреплять традиционные семейные ценности. Но теперь он может честно признаться: даже ему, с его ярко выраженным умением держать нос по ветру, не всегда было ясно, о чем идет речь. Теперь всё стало на свои места. Само правительство своим распоряжением дало необходимые разъяснения.

Перво-наперво это древняя народная традиция государственной регистрации брака в органах записи актов гражданского состояния, созданная Декретом ЦИК и Совнаркома «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» от 18 декабря 1917 года. До этого такая регистрация требовалась только от раскольников, и Демоскоп не был уверен, что ее надо относить именно к традиционным ценностям многонационального народа России. Но теперь, когда к подписям В.И. Ленина и Я.М. Свердлова, скрепившим вышеупомянутый декрет, прибавилась еще и подпись Д.А. Медведева, последние сомнения у Демоскопа отпали: это и есть наша традиция.

Но кое-какие вопросы у Демоскопа все же остаются. Что все-таки имели в виду эти Ленин и Свердлов, когда называли свой декрет декретом «О гражданском браке...»? (Хорошо еще, что Д.А. Медведев не подписался под этим сомнительным термином). Ведь любому журналисту, политику, не говоря уже о простом народе, ясно, что гражданский брак — это когда люди живут без регистрации в книгах актов состояния, повенчавшись, так сказать, вокруг ракитового куста! А как же тогда называть тот брак, который основан на государственной регистрации в этих книгах и ценность которого определена первой среди всех традиционных семейных ценностей? Пока названия для него нет даже в новой замечательной Концепции, но мы надеемся, что наша Государственная дума включит этот вопрос в программу своей законотворческой деятель-

ности, дабы народ, наконец, понял, как называется брак, в котором он состоит, а также как следует называть тот брак, в котором он иногда состоит в других случаях.

И почему-то стало казаться Демоскопу, что традиционное, по крайней мере, для России, понимание цели брака отличается от ее нынешнего правительственного понимания. Как писал в свое время один православный богослов, «брачная любовь есть сама по себе цель, а не средство продолжения рода». И он еще утверждал, что учение о деторождении как главной цели брака сделалось официальным учением католической церкви. «Современные католические богословы другие цели брака считают лишь следствием этой главной и, в сущности, единственной цели», тогда как совсем по-другому смотрят на этот вопрос «многочисленные канонические памятники Православной Церкви, усвоившие как наилучшее, знаменитое Модестинское определение брака, рассматривающее брак как всестороннее и полное объединение супругов, но вовсе не упоминающее о рождении» (С. Троицкий. Христианская философия брака). Уж не католик ли наше правительство?

А другой православный богослов настаивает на том, что это «для древних евреев брак имел значение лишь как средство продолжения рода, в то время как для христиан брак является самоцелью, союзом двух существ в любви, отражающим союз между Христом и Церковью. И действительно, нигде — ни в Евангелии, ни у апостола Павла, ни в святоотеческой литературе — мы не найдем оправдания брака детьми» (Протоирей Иоанн Мейендорф. Брак в православии). Так, может быть, наше правительство — древний еврей?

Конечно, мы гоним от себя все эти непристойные мысли. Но, в конце концов, почему мы должны искать свои традиции в святоотеческой литературе? Разве не говорилось еще в Программе КПСС, сколь полезно для повышения трудовой и общественной активности людей «широкое распростра-

нение новых советских обрядов и обычаев»? Одним словом, как и подобает законопослушным Демоскопам, мы охотно соглашаемся с главной установкой новейшей Концепции, согласно которой «приоритетами государственной семейной политики на современном этапе являются утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании».

Но при этом мы понимаем, что за каждым современным этапом всегда следует суперсовременный и умильный взгляд на то, что мы собираемся сейчас возрождать и сохранять, может смениться другим, более критическим. Так на этот гипотетический случай хамелеонистый Демоскоп приберегает цитату из Николая Бердяева. «С формами семьи, — писал Бердяев, — связана была тирания, еще более страшная, чем тирания, связанная с формами государства. Иерархически организованная, авторитарная семья истязает и калечит человеческую личность. И эмансипационное движение, направленное против таких форм семьи... есть борьба за достоинство человеческой личности... Нужно отстаивать более свободные формы семьи, менее авторитарные и менее иерархические... Евангелие... требует свободы от рабства у семьи». (Н. Бердяев. О рабстве и свободе человека).

Уж не от традиционных ли семейных ценностей предлагает отказаться уважаемый Н. Бердяев, ссылаясь на Евангелие? Демоскоп, только что мобилизовавший себя, в соответствии с новой концепцией, на «сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании», не может опять демобилизоваться из-за столь некорректного по отношению к нынешнему правительству высказывания, пусть даже и «великого русского философа, столпа русского религиозного возрождения» (так написано о нем на одном православном сайте), и не советует это делать своим читателям — по крайней мере, до тех пор, пока не кончится современный этап.

Ускоряя собственное мышление

В издательстве Ивана Лимбаха вышла книга*, похожей на которую, пожалуй, еще не было: разговоры с современными композиторами о том, как – и почему именно так – устроено то, чем они занимаются.

Причем обсуждается это не со специальной музыковедческой точки зрения – что как раз было бы вполне обычно и чего сложность предмета, казалось бы, требует категорически, – но с позиций общечеловеческих. Что значит для нас, живущих сегодня, новейшая

* *Дмитрий Бавильский. До востребования: Беседы с современными композиторами. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2014. Книга удостоена премии Андрея Белого за 2014 год в номинации «Литературные проекты и критика».*

музыка, выбивающаяся из рядовых слушательских привычек?
Как ее слушать и расслышать? Как чувствует себя,
с другой стороны, композитор в своей музыкальной алхимической
лаборатории, создавая ее? Как музыка – в особенности, новейшая –
вплетается в более широкие культурные процессы
(а заодно – и в биографии своих создателей), испытывает их влияние
и влияет ли на них она сама?

На все эти вопросы вместе со своими собеседниками ищет ответы
писатель, литературовед и критик (кстати говоря, автор нашего журнала)

Дмитрий Бавильский. В ходе этих разысканий он, человек,
профессионально работающий со словом, кроме всего прочего, ищет
и находит общий язык с творцами и первопроходцами несловесного – что
сообщает всему этому грандиозному, почти на 800 страниц,
интеллектуальному предприятию дополнительную интригу.

Так зачем же все-таки говорить о музыке? Почему недостаточно – и так
ли уж недостаточно – просто и доверчиво ее слушать? Никто лучше самого
автора, конечно, этого не объяснит. К нему мы и обратились.

«Знание—Сила»: Дмитрий, вы начинаете книгу с признания в том, что вы — «не музыковед и даже, можно сказать, не патентованный меломан». А как бы вы обозначили собственную культурную позицию в отношении музыки?

Д. Бавильский: Спасибо за важный и точный вопрос, касающийся моего «позиционирования» себя не только по отношению к музыке, но и ко всему прочему культурному потреблению.

Зиждется оно на очевидной презумпции того, что все в этом мире делается для «простого человека» и «обычного потребителя», коим я себя и считаю. Правда, «творческие единицы» очень часто забывают о том, что их самовыражение необходимо людям не само по себе, но только если оно соответствует каким-то конкретным духовным или бытовым потребностям. Если бы музыка исполнялась только для музыковедов, считающих себя хозяевами дискурса, то концертные залы оставались бы пустыми. Это значит, что в первую – как и во вторую, третью и четвертую – очередь туда ходят люди, не понимающие птичьего языка музыковедов и исследователей, критиков и знатоков, но которые, тем не менее, нуждаются в «текстуальном сопровождении» концертов и дисков.

Ведь есть, сплошь и рядом, такие потребители, которым важно, напри-

мер, сравнивать впечатления. Я сам такой: посмотрев фильм или спектакль, лезу в интернет читать рецензии и отклики – мне почти всегда интересно уточнить свое ощущение и найти к нему дополнительные обертона. Или, скажем, многим важно быть уверенными в том, что они посещают правильные мероприятия, повышающие самооценку. Такие люди не могут читать научные монографии, но это не значит, что их не нужно учитывать.

В своей книге я называю себя «агентом читательского влияния», так как считаю себя человеком, который интересуется музыкой, ее развитием, ее исполнением и при этом обладаю некоторым ремеслом, позволяющим анализировать свои впечатления, формулировать «проблемные зоны» и поэтому – задавать точные вопросы. Для выхода из гетто, в которое профессионалы загоняют сложные культурные процессы, актуальному и поисковому искусству нужен толковый посредник. Желательно бескорыстный.

«З—С»: Правильно ли я понимаю, что вашей целью была выработка нового языка говорения о (высокой и сложной) музыке, «общечеловеческого», общего для профессионалов и непрофессионалов?

Д.Б.: Я не вырабатывал нового языка. И даже популяризаторские задачи

у меня стояли на втором, если не на третьем месте.

В основе книги лежали весьма простые и четкие интересы. Например, разобраться в том, что сейчас происходит в сфере музыкального сочинительства, далекого от попсы. А также научиться выбирать записи для своей фонотеки — в магазинах и тем более в интернете гложешь и слепнешь от обилия неизвестных имен. Я один раз поймал себя на дискомфорте и желании закрыться от непонятных материй, второй раз, третий... А потом собрал волю в кулак и решил потратить на знакомство с этими сочинителями некоторое время своей жизни методом погружения в контекст. Вот что важнее всего: желание остановиться и задуматься, потратить какое-то количество времени на погружение в вопрос.

Помог случай: в Живом Журнале у меня был — и есть до сих пор — куст блогеров, сочиняющих музыку. И я всего лишь откликнулся на пару приглашений от них. Сначала пошел на концерт, в котором звучала музыка Антона Батагова и Бориса Филановского (это произошло на фестивале «Территория»), затем Сергей Невский позвал всех желающих на свою музыку в камерный зал Филармонии, и там же я услышал музыку Мити Курляндского. В дальнейшем все они стали моими собеседниками, и интервью с ними составили костяк будущей книги.

«З-С»: Был ли у вас какой-то принцип отбора собеседников (скажем, по характеру их музыкальной работы), помимо личного знакомства с ними?

Д.Б.: Нет. Все начиналось стихийно, но когда первая волна интереса оформилась в разговоры с Филановским, Курляндским и Невским, подспел проект «Гамлет-машина» Кирилла Серебренникова в МХТ. На нем я услышал музыку Антона Светличного и Ольги Раевой. Найти Антона мне помог Курляндский, а Раеву я нашел сам через один из музыкальных сайтов. Когда я понял, что это работает, то написал десятки писем композиторам самых разных поколений — от Губайдулиной и Пярта

(за исключением, может быть, Щедрина, музыка которого мне не кажется интересной) до Екимовского и Тернапольского. Я находил в сети записи композиторов, слушал их и то, что казалось мне интересным, пытался понять «методом погружения».

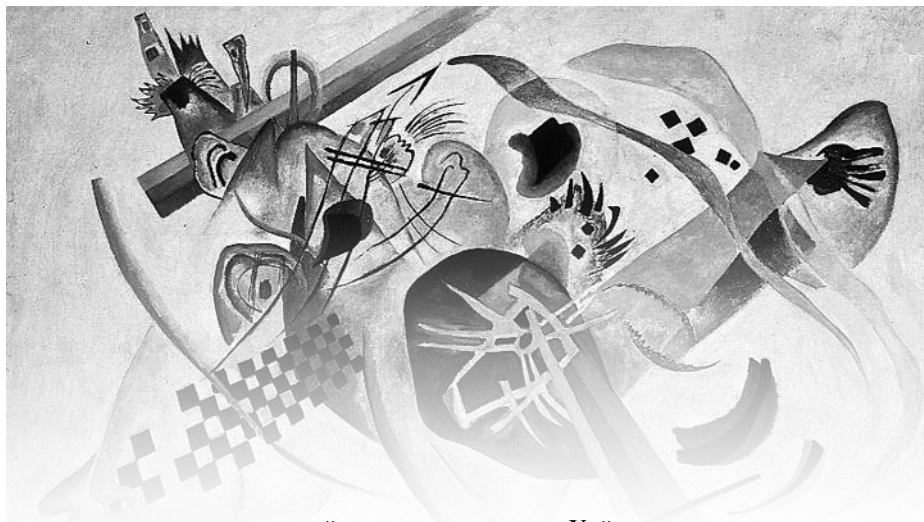
Работал я с теми, кто откликнулся. Мне казалось, что мы делаем общее дело агитации и пропаганды за хорошую музыку, поэтому беседы наши нужны в одинаковой степени как мне, так и моим собеседникам. Поэтому, когда кто-то отлынивал, пропадал или начинал буксовать, — я откладывал разговор с ним, понимая, что настаивать бессмысленно: книга должна расти свободно и органично, как растение. Я работал с теми, кому проект был действительно интересен.

Я принципиально не принадлежу ни к одному из лагерей или группировок, течений или направлений. Я заступил на территорию музыки в достаточно зрелом возрасте, эмигрировав в нее из литературы, не для того, чтобы связывать свои впечатления новыми обязательствами перед кем бы то ни было. Уж если мне удалось сохранить свою независимость в литературе (что, как вы понимаете, адски непросто), то в музыке сделать это было гораздо легче. Я не собирался делать карьеру или монетизировать свой интерес. Меня интересовала только современная поисковая музыка и ее авторы. Ничего более.

«З-С»: Как бы вы объяснили непосвященным, что такое «поисковая» музыка, в чем отличие ее от непоисковой (уже-всё-нашедшей?), как проходит эта граница?

Д.Б.: Поисковая музыка — это contemporary art, который еще не отработан в узнаваемых и повторяемых формах, но движется по территории неизведанного. Если продолжать аналогию с миром изобразительного искусства, то это не музей и не салон, но то, что показывают в галереях, далеких от коммерции.

Как показывает мой опыт, подделывать или симулировать авангард (или радикальность звучания) проще простого. Когда начинаешь слушать мас-

су актуальных сочинений, многие формы, которые с непривычки кажутся обжигающими, оказываются проходимыми общими местами. Скажем, все эти густые или, напротив, постепенно рассеивающиеся симфонические солярисы, внутри которых умирают и начинают разлагаться вскипающие перед смертью смычковые инструменты. Или опусы с пустотными прорехами внутри...

Словом «поисковый» я хотел отграничить сочинения определенного рода от тех, что легко группируются с понятиями «академическая», «новая классическая», «авангардная» и «радикальная». В описании современных художественных практик существует осязаемый терминологический «за-тык», который мне и хотелось бы преодолеть. Хотя бы отчасти. В первом приближении.

«З-С»: Как ни поверни, задачи все-таки получаются просветительские: прояснить происходящее внутри профессионального круга для тех, кто — за его пределами. Считаете ли вы, что в культурном целом в принципе необходим слой — ну пусть не популяризаторской, все-таки со словом «популяризация» неминуемо ассоциируется (огрубляющее) упрощение — но «общекультурной» рефлексии о музыке, преодолевающей разрыв между «специальным» и «неспециальным» ее восприятиями?

Д.Б.: Конечно, необходим. Рефлексия нужна самая разная — кто-то ведь

читает Хайдеггера, а кто-то — журнал «Крестьянка», но ни один человек не чужд своего понимания прекрасного, и его можно и нужно совершенствовать хотя бы постоянным расширением круга получаемой информации.

С другой стороны, уникальная ситуация в современной поисковой музыке смогла сформироваться еще и потому, что она максимально удалена от внимания и влияния медиа. Как вполне себе Касталия или заповедник здорового смысла. Поэтому вторгаться на эту территорию следует крайне осторожно. Хотя невозможно удержаться от восхищения, которое тебя охватывает, когда ты понимаешь, что, подобно Шлиману, открываешь собственную Трою.

«З-С»: Какими качествами должна обладать музыка, чтобы она могла быть сочтена «интересной» (каким не кажется, например, Родион Шедрин)? И, наконец, вопрос, простительный в устах того самого «простого» человека, к которому, по идее, книга и обращена и к которым я себя уж точно отношу: «хорошая» музыка — это какая?

Д.Б.: Определить это крайне сложно, при том, что качество опусов — штука весьма конкретная, осязаемая: просто музыка — материя очень уж абстрактная и субъективная.

Иной раз всё, кажется, на месте: и составы инструментов, и умелые инструментовки, и структура самого сочинения, — но в том, что ты слуша-

ешь, не хватает, что ли, глубины или точности выражения.

А с другой стороны, есть не слишком замысловатые опусы, звучание которых внезапно проникает в сердцевину «центра удовольствия» или в средостение каких-то твоих интеллектуальных поисков — и тогда понимаешь, что это сочинение обладает, если воспользоваться известным понятием Бернарда Беренсона из книги об итальянской ренессансной живописи, важнейшей «осязательной ценностью». То есть, сочетанием структур, звуковых пятен, отдельных элементов и особенностей общего замысла, проявляющегося в частностях, начинающих резонировать с твоими собственными физиологическими проявлениями так, что становится очевидным: композитор нашел здесь единственно верное, единственно правильное сочетание всех своих элементов.

С третьей стороны, есть море иллюстративной музыки, которая используется в кино или в театре. В ней, при всех сочинительских и исполнительских талантах, часто возникает непрозрачность восприятия, скрадывающая потенциальную глубину. А есть сочинения, которые ставят себе задачу понравится слушателю любым образом — через избыточную затейливость или радикальный радикализм, — и это тоже почти всегда чувствуется. Наши разум и чувство взыскуют смысла, а оттого практически безошибочно откликаются на сочинения, вызванные к жизни не утилитарной надобой, но важной внутренней потребностью композитора. Точнее сформулировать не могу.

В сочинениях Родиона Константиновича Щедрина я чувствую избыток неконкретности и «ваты», маскируемых бесконечно талантливыми аранжировками — того, что Александр Блок называл «завитками вокруг пустоты». Такая «переменная облачность» вполне имеет право на существование и, возможно, кому-то нравится. Но я привык отвечать только за себя. Опусы Щедрина весьма продолжительны по звучанию, на пустяки

он, как правило, не разменивается, поэтому как слушатель я быстро устаю от этого терпеливого трепетного марева, в котором мне сложно за что-либо зацепиться.

То есть, музыка, как и любой вид искусства, важна количеством информации, передаваемой с помощью художественных образов. Собственный язык художника — неважно, писателя он или композитора — заключается в создании определенных частотных рядов. Собственно, такие ряды элементов, часто воспринимаемые нами как стиль, и есть главный способ передачи информации. Все мы способны воспринимать разное ее количество, и хотя бы уже поэтому то, что для русского — смерть, для немца — вполне консервативный Штокхаузен.

Но я точно знаю, что в каждом сочинении есть общая сумма посланий и мыслеобразов, которые эта музыка способна вызвать (душевных движений или прислушиваний к себе). Поэтому всегда важно, чтобы мессидж в музыке по возможности не разбавлялся, но был донесен в предельно сжатом, цельном виде. Тем более, что вниманию сложно концентрироваться на длительных промежутках непривычного и не всегда комфортного звучания.

«З-С»: Какова, по-вашему, роль музыки в культуре?

Д.Б.: Для меня этот вопрос слишком глобален. Музыка всеохватна и непреходяща. Я не знаю в своей жизни большего намека на возможность мировой гармонии и большего утешения. Оказывается, что музыка может быть полигоном для отработки культурных, философских и даже политических идей. Собственно, в этой книжке я и пытался вытащить на первый план «философскую составляющую» того, что звучит, казалось бы, достаточно отвлеченно.

«З-С»: А вообще нужно ли — и для чего нужно? — «просто» человеку-непрофессионалу знать и более-менее понимать, что происходит за стенами лабораторий высокой музыки? Отчего нельзя просто слушать? В отношении, скажем, классической музыки

существует ли подобная (общекультурная) ясность?

Д.Б.: Конечно, «просто слушать» — можно. Большинство так и делает: слушают, не задумываясь. Как фон, как повод для возгонки эмоций, как спасение от одиночества, точнее, ради возникновения чувства сопричастности, того, что ты не один. Некоторым музыка дает ощущение божественного присутствия в мире.

Но если тебе не все равно, чем питаться и на какой диете сидеть, то рано или поздно тебе потребуется серьезное расширение репертуара. Так как вся привычная музыка, весь ее массив оказывается обозримым.

«З—С»: *Обозримым в каком смысле?*

Д.Б.: В том, что симфоний даже у Гайдна — ограниченное количество. При том, что поначалу даже один, отдельно взятый мир Гайдна, о котором в нашей книге превосходно рассказывает Сергей Невский, кажется огромным. Но слух меломана постоянно изощряется, а новой информации не прибывает. Очень скоро ты начинаешь кружить в трех основных стилистических «соснах»: переслушав классики и барокко, начинаешь рваться к модернизму, а наевшись музыки XX века — отдыхаешь на романтизме. И так — по кругу и во всех возможных сочетаниях. Чередуя камерное с симфоническим, Шумана с Шубертом, а Шостаковича с Шнитке. Ведь долго на одном стиле не просидишь. Более того, слушательская жизнь как раз и прекрасна вот этим самым постоянным чередованием направлений и композиторских манер, когда ты меняешь их под настроение или перемену погоды. Как парфюм или вино.

Для себя я называю этот феномен «эффектом театрального критика»: когда ты посмотрел сто чеховских постановок, то идти на сто десятую сил никаких нет. Какой бы гениальный режиссер ее ни ставил, какие бы гениальные актеры ни были в ней задействованы. Наблюдая коллег, каждый вечер обреченно идущих в театр, начинаешь понимать, что театральная критика — это не синекура, но труд-

ная и даже опасная для чистоты восприятия сфера деятельности.

В ней ты поневоле начинаешь искать новизну ощущений где-то за пределами привычного канона. Все время хочется чего-то свежего, причем не только в музыке, но и в изобразительных искусствах. Именно это толкает нас на освоение новых музеев, а в литературе — на покупку книг неизвестных авторов (что, кстати, касается, в основном прозы, потому что, в качестве странного исключения, новых стихов мне не хочется. Пушкина и Мандельштама для моих внутренних потребностей хватает за глаза).

Мне кажется, работая в театре, я очень точно уловил этот момент перехода критического интереса от перекормленности классикой к сырым формам вербатима и современной драмы. Ну, невозможно смотреть еще один спектакль по Шекспиру или Островскому. Так и тут. Какое-то время ты еще держишься внутри классического репертуара, смакуя разные интерпретации симфоний и камерных сочинений, но жизнь-то длинная. Даже Малера или Брукнера невозможно слушать каждую неделю!

«З—С»: *Современная поисковая музыка, значит, предлагает выход(ы) из этого круга?*

Д.Б.: Именно.

«З—С»: *Куда же она нас ведет?*

Д.Б.: Скорее, сопровождает, делает жизнь насыщеннее и объемной — примерно все то же самое, что и современная мысль — философия, литература, — но в гораздо более сильных дозах.

«З—С»: *Правильно ли будет сказать, что она размыкает сложившиеся (и затвердевшие) структуры мировосприятия?*

Д.Б.: Мне сложно судить о влиянии музыки в чистом виде: для меня она — часть сложно взаимодействующих и взаимопроникающих видов культурного потребления. И то, что я затеял делать о музыке именно книгу — то есть, продукт и предмет такого взаимодействия и сублимации одного искусства в другое, говорит о сложности для меня чистых определений.

Разные виды творческой деятельности дополняют и комментируют друг друга. Важно не идти на поводу у их логики, давая себя использовать чужому «эго», а навязывать им свою. Брать от них то, что нужно тебе в данный момент, и не брать того, что не нужно. Так что размыкает, конечно.

«З-С»: *Кстати, можно ли назвать ваше внимание к несловесным искусствам усилиями по преодолению литературоцентричности собственного и/или общекультурного сознания?*

Д.Б.: Мне бы хотелось сказать, что — да, мол, такая вот у меня важная идеологическая установка. Но на самом деле, делаешь то, что тебе хочется, то, что интересно, а уже потом подбираешь аргументы для того, чтобы вписаться в общее движение. Или же из него выпасть. Иногда мне кажется, что мои писания на музыкальные темы — это и есть попытки преодоления литературоцентричности (того самого формального и тематического размыкания, о котором мы старались говорить выше). Иной раз, напротив, ощущаешь, что наоборот, — такое истончение литературного слуха и попытка передать на письме сложноуловимые, невидимые материи, напротив, служат этой самой литературоцентричности большую службу, поставив перед ней новые задачи.

Важны же движения и результаты, а не бирки и названия. Все мы — люди изощренные в самозаблуждениях и умелые в плетении словес, поэтому можем придумать любые аргументы для отмазки. Сегодня кажется так, завтра — иначе... А послезавтра о наших «достижениях» уже и не вспомнят. Гораздо существеннее, что какая-то часть жизни была согрета созидательной деятельностью, разогрета любопытством и интересным конечным результатом. В том числе — в виде книги.

«З-С»: *И, наконец: изменила ли работа над книгой ваши собственные взаимоотношения с музыкой или взгляды на нее? Стало ли что-нибудь яснее — или, напротив того, непонятнее — вам самому?*

Д.Б.: Эта работа помогла мне исследовать новую, неизвестную ранее

область и обогатить свой рабочий инструментарий новым количеством возможностей.

Через понимание музыки, кстати, я очень многое понял и в литературе тоже. Это корректирует мое понимание, скажем, «писательского мастерства», так как музыка наглядно демонстрирует и объясняет, почему сегодня нельзя писать так, как раньше, сюжетно связанные тексты. А если ты, несмотря на особенности сегодняшних познавательных установок и привычек, все-таки хочешь делать нечто цельное, как в XIX или хотя бы в XX веке, то обречен на вампуку.

Но вообще для меня изучение музыки (как впрочем, и любого вида деятельности) — не самоцель, но способ поддержания хорошей творческой формы.

«З-С»: *А сегодня нельзя писать, как раньше, потому, что смысловый ресурс прежних повествовательных моделей истощен?*

Д.Б.: Не только это — но изменилась сама ментальная ситуация, а с ней и оптика восприятия. Конечно, привычные модели истощены до предела, заштампованы до полной стертости индивидуальностей (то, что Пригов в отношении поэзии называл не ремеслом, но «ремесленничеством» — в смысле деланья матрешек из одинаковых деревянных болванок).

Тут ведь важно, что понимаешь под литературой лично ты. Для меня она — главный противовес постоянно увеличивающейся стандартизации жизни, заштампованности и зашлакованности мышления; едва ли не последний приют осмысленного существования, лишённого автоматизма. «Дом бытия», выражаясь высокопарно.

Собственно, поисковая музыка — и есть то же самое балансирование на грани доступного пониманию. Ну да: важно же раздвигать границы — или пытаться снимать их, ускоряя собственное мышление.

Беседовала Ольга Гертман

Ян ван Эйк.

Портрет ювелира (1436)

**Венский музей
истории искусств**

Если мы говорим о Северном Возрождении, то надо понимать, что собственно о «возрождении» мы вести речь не в праве, ибо традиций античной культуры, которую надобно возрождать, на данном участке земли просто не было. Источников, питающих живописцев той поры, было, по существу, только два — средневековая архитектура (которая весь XV век почти не менялась) и книжная иллюстрация. Весь «Северный Цвет» есть прямое продолжение именно готической традиции: вспомним и братьев Лимбургов, и соборы в Мелехене или в каком-нибудь Солсбери. Примечательно, что и братья ван Эйки, Ян и Хуберт, тоже начинали как миниатюристы.

Есть просто огромный соблазн остановиться сейчас на самом прославленном полотне Северной Европы — Гентском Алтаре, начатом Хубертом и продолженном Яном после смерти первого — на этом чуде отдельного ко-

смоса, с его ангелами, зверьми, птицами, травами и человеками, где греховный мир и «град божий» собраны воедино под куполом звездного неба.

Есть также соблазн еще раз пройтись внимательным взором по свадебному портрету четы Арнольфини, застывшей в торжественной серьезности, замечая все то, что уже тысячу раз разобрано на молекулы, — по янтарным четкам как символу богатства, по лохматой собачке как символу верности, по тяжелому канделябру с единственной горящей свечой как символу окончательно оформленных отношений.

Но сегодня — только о портрете, который и по сию пору находится чуть в стороне от основных путей и толпы посетителей прославленного венского музея — и то сказать, за стеной находятся великие «Охотники на снегу», а здесь, в боковом коридоре, смотрят на зрителей два портрета кисти Яна, один из которых назван «Портрет ювелира».

Только когда Гентский алтарь был более-менее завершен, — а работа над ним продолжалась многие годы, — Ян позволил себе трудиться над другими проектами. Почти не сохранилось никаких его картин, которые он создал, будучи придворным живописцем — тем более странно, что среди них нет портрета самого нежного его покровителя, герцога Филиппа Доброго, — но факт остается фактом: «простому» ювелиру в этом смысле просто больше повезло.

На каждом из портретов тех времен — бургундская знать, духовенство, ремесленники, купцы — именно человек, и только человек, с возможными, но необходимыми дополнениями в виде атрибутов власти или ремесла.

Ювелир — один. Хорошо можно различить только его лицо и руки. Остальное — добротное сукно, дорогой мех, украшение, да и другие второстепенные подробности скрыты — предельно простая композиция способствует выявлению самого главного в человеке. Страсть к деталям — религиозно-почтительная, фигура повернута на три четверти, что было

тогда новшеством: предыдущая эпоха жаловала профильные портреты.

И впрямь, с такой реалистичной натурой работать легко: мы видим невероятно выразительные руки и довольно резкое, жадное лицо, смотрящее на нас с таким вызовом, словно герой собирается задать вопрос в стиле «а если найду?». Это человек с бледной кожей и взглядом, острым, как бритва, с «темными мужскими челюстями» (вспомним Набокова), властно сомкнутыми — он из той породы, которым иной раз нет нужды говорить, чтобы добиться желаемого.

Сам автор, с его интересом к античности (использовал греческий и латынь), с его техническими и научными знаниями, — кто, как не он, усовершенствовал масляные краски? — с его грамотностью и дипломатическими успехами при дворе представляется нам очень и очень просвещенной личностью. Предмет его интереса, ювелир Ян де Леу, далеко не так образован и блестящ. Но внутреннее уважение художника к модели, к его жизненной силе и хитрости, неугасимая эмпатия, возникающая как следствие почти интимного акта работы над полотном, передаются нам через века практически без потерь.

Первое, что приходит на ум, когда — о, нет, не ты, а он на тебя смотрит — примерно следующего содержания: «Этот мужчина еще все может». Я, стоя перед этой небольшой работой — там, в тихой анфиладе обитых синим сатином стен, — думала, что герой из тех, чья стезя — скорее живая деятельность, чем пространные размышления, и он в том счастливом возрасте, когда можно с удовольствием взглянуть в прошлое, чтобы порадоваться победам, и без страха видеть будущее, ибо еще полон сил и планов.

Чем внимательнее мы наблюдаем за ним, тем глубже проникает его взгляд в наши мысли. На этом портрете ювелиру около тридцати шести лет, и он — один из самых активных членов Гильдии ювелиров города Брюгге.

Жизненная школа, или Научение у ЖИВОТНЫХ

Зачем нужна жизнь человеку, если он не уважает и не слушает своих родителей?!

Японская пословица

Благоденствие и существование каждого вида живых существ, будь то лев, муха или человек, состоит из смены, череды поколений и может продолжаться практически вечно, пока существует планета или условия, при которых вид может процветать. Каждое живое существо, составляющее эти поколения, приобретает от родителей некий генофонд. Это цвет глаз, форма тела, ушей и ног, а также некий набор инстинктов — врожденных поведенческих стереотипов, которые и определяют его выживание, процветание и размножение.

Инстинкты

У низших форм жизни — пчел, муравьев, бабочек, блох этими инстинктами определяется вся их жизнь. И, в целом, они надежно обеспечивают все естественные поведенческие реакции животных, позволяющие им выживать и размножаться. Все они рождаются на свет с уже готовыми «знаниями», заложенными в них инстинктами. А передают эти навыки им родители, вместе со всеми прочими генетическими задатками. Шмеля или пчелу никто не учит, как находить цветы, собирать нектар и пыльцу,

строить соты, ухаживать за личинками, согревать соты и тому подобное. Все их «знания» закодированы в генофонде, полученном от родителей.

Все низшие животные отличаются от высших не только объемом и качеством знаний, но и тем, что им все приходится постигать самостоятельно! У них нет семьи, рядом нет их мамы и никто не может подсказать, как поступать в том или ином случае. Есть только инстинкт! Он ведет юное существо по жизни. Однако, ничтожно малая часть поведения определяется еще и... собственным жизненным опытом. Высшие же животные развиваются в семье, и именно она вместе с матерью дает малышу весь тот необходимый багаж знаний, нужный ему для выживания.

Какие есть инстинкты? Это — инстинкты «выживания», «замирания», «питания», «размножения», «страха», «охоты» и так далее. Но зачастую наследственная программа действует вопреки жизненной обстановке, и тогда мы видим, что инстинкт сам по себе слеп, необходимы открытые глаза и «опыт ошибок трудных».

Все высшие животные при появлении на свет тоже действуют инстинктивно, это их главное «оружие». Страусенок в яйце слышит голоса родителей и старается разломать скорлупу, олененок — затаиться в густой траве, а обезьяныш крепко держится своими кулачками за шерсть матери и вместе с нею летает по веткам. Какое-то время инстинкт выручает, но окружающая жизнь настолько сложна и изменчива, что малышу придется всему учиться, набираясь опыта. Именно этот опыт поможет пройти по всем «зигзагам» жизни, остаться в живых и дать потомство. Приобретать этот опыт помогают инстинкт подражания (старшим), родительская помощь и собственная ненасытная любознательность. Это один из основных двигателей «прогресса» в жизни молодняка, позволяющий познавать окружающий мир, будь то саванна, лес или океан. Иногда за свое чрезмерное любопытство глупенькие детеныши платят жизнью, но в целом только так приобретается опыт, сберегающий не только чью-то

отдельную жизнь, но и стаю, сообщество и даже вид в целом! Таким образом пополняется и «золотой фонд» инстинктов — копилка наследственно передающихся полезных форм поведения. В нее идет лишь то, что тысячекратно проверено временем, на множестве поколений, только то, что в жизни непременно понадобится. Так сложились все основные инстинкты.

Учеба родителей

С первых шагов в жизни маленькие существа ощущают на себе внимание родителей, которые стараются их оберегать и передать весь свой богатый опыт выживания. У многих видов животных существуют «чувствительные периоды», когда они особенно восприимчивы к запоминанию и научению. И именно в этот период малыш воспринимает и заучивает львиную дозу всех знаний, полученных им в жизни! Классический пример — запечатлевание детенышем облика и запаха своей матери. Если утенку после вылупления не предъявить его мать, он может пойти за любым движущимся предметом. Новорожденные антилопы гну, облизанные матерью, тут же запоминают ее образ и уже через полчаса(!) следуют за нею, а через час стремительно бегут со всем стадом. Антилопы канна и импала прячут своих малышей в траве и те лежат, еле дыша, пару дней, пока не окрепнут.

У хищников учеба зачастую начинается еще у логова — мать приносит полуживую добычу и малыши самозабвенно таскают ее за шкуру. Позже, уже на охоте, они учатся у взрослых сидеть в засаде, стремительно нападать, сбивать с ног свои жертвы и быстро лишать их жизни. Наиболее восприимчивы все детеныши к научению именно в самом юном возрасте. По мере взросления им уже труднее учиться новшествами, потому что нужно преодолевать барьеры сложившихся ранее стереотипов поведения.

Пожалуй, меньше всего забот с воспитанием детенышей у зайца-беляка. Зайчата появляются на свет с открытыми глазами, покрытые густой шерстью и уже с первого дня жизни способны

бегать. Покормит мать-зайчиха новорожденных и уходит в сторонку, чтобы своим запахом и видом не привлекать хищников. Зайчата не разбегаются далеко друг от друга. Они умеют затаиваться так, что их и не различишь среди кочек, мха и травы. Зачастую на зайчонка и наступить можно. Через день-два зайчиха разыщет детенышей и каждого снабдит новой порцией молока, которое гуще сливок, а сама опять удалится. Уже на 8–10-й день после рождения зайчата начинают есть траву. Вскоре мать перестает навещать детенышей, и они переходят к самостоятельной жизни.

Детеныши хищных зверей мелкого и среднего размера — хорьков, куниц, лисиц, енотовидных собак — взрослеют не так быстро, как зайцы и белки. На их воспитание родителям приходится затрачивать больше времени, а потому эти виды размножаются всего один раз в год. Малыши этих хищников появляются обычно в закрытых убежищах, чаще всего в норах. До полутора-двух месяцев мать кормит их молоком, потом начинает подкармливать мясной пищей, а в середине лета берет с собой на охоту. Молодняк приучается сперва ловить насекомых, грызунов и мелких птиц, а затем под руководством матери и более крупную добычу.

Чем выше стоит животное на эволюционной лестнице, тем дольше срок его жизни, тем более сложная обстановка его окружает и тем больше опыта нужно ему перенять у родителей а затем учиться всю свою жизнь на собственном опыте и ошибках.

У высших животных, — млекопитающих и птиц, в «курс высшего образования» входит несколько «программ». Во-первых, это научение осторожности и спасения от опасностей. Каждый малыш или птенец должен знать, кого ему нужно бояться, какие опасности его подстерегают и как вести се-

бя, что бы уцелеть. Например, при появлении ястреба галки издают сигнал опасности, — скрежещающий звук, после которого все птенцы замирают в своих гнездах. Или прячутся в зелени, если сидели на голых ветках. Такие же сигналы есть у каждого вида и каждый детеныш должен понять, кого и как ему нужно бояться.

Во-вторых, как научиться добывать корм? Сначала малыши сосут мать и смотрят по сторонам, знакомясь, скажем, с саванной и со стадом. Но, постепенно смотрят, как мать щиплет траву, и сами начинают вырывать травинки и пробуют их жевать. Поганка или чомга, обучая малышей ловить рыбу, подбирает им пойманных мальков. И пока детки не поймут, что ее нужно поймать и съесть, она будет снова и снова ловить им рыбок. Самка гепарда ловит малыша газели и дает своим деткам возможность... поиграть с ним! Сначала они не знают, что с ним делать, и просто догоняют или тыкаются в него. Но постепенно мать научит их ловить, валить и дуть добычу.

В-третьих, жизнь настолько сложна и многообразна, что внутри каждого вида есть свои специфические моменты или «спецкурсы», которые должны освоить детки. Например, новорожденный малыш серого кита совершенно не умеет... плавать! И если ему не помочь, то он просто утонет. Поэтому его мать бережно поддевает его и выносит наверх, а потом плавает кругами рядом, показывая, как это делается.

Чтобы, например, из медвежонка вырос взрослый самостоятельный зверь, одного сезона мало. Медведица приносит потомство в середине зимы в берлоге. Чаще всего у нее рождаются два медвежонка, иногда один, реже три или даже четыре. Медвежата появляются на свет слепыми, покрытыми редкой шерсткой. Веса́т они около 500 граммов и в длину не превышают 25 сантиметров. Более крупных детенышей мать не могла бы выкормить, ведь зимой она не питается, и количество молока, которое у нее вырабатывается за счет накопленного с осени жира, ограничено. В месячном возрасте медвежата прозревают, но мать выходит с выводком из берлоги только весной, когда земля больше, чем наполовину, освободится от снега. Медведица — очень заботливая мать. Медведь-отец же терпеть не может своих деток и очень опасен для них. При встрече с ним медведица превращается с грозную защитницу и несмотря на то, что уступает самцу в размере и силе, сама злобно нападает на него, не подпуская к детенышам.

С первого дня после выхода из берлоги медведица буквально пасет малышей и приучает их к подножному корму. Она — строгая воспитательница и за провинности наказывает своих чад увесистыми шлепками. Случается, что в первое лето к выводку пристает одинокий годовалый медвежонок, почему-либо отбившийся от своей семьи или потерявший мать. Встречая в выводке разновозрастных медвежат, люди посчитали, что медведица специально берет годовика для ухода за детьми, и называют его пестуном. За лето медвежата значительно подрастают, к осени накапливают запас подкожного жира и залегают на зиму в берлогу вместе с матерью. После второй зимы медвежата постепенно начинают отдаляться от матери, переходят к самостоятельному образу жизни, но взрослыми становятся только после трех лет.

У некоторых животных о потомстве заботится не только самка, но и самец. Это волки. Они составляют пару на всю жизнь, и выкармливанием и вос-

питанием волчат в равной мере занимаются и мать, и отец. Весной пара волков выбирает труднодоступное место и здесь, в норе, появляются от пяти до семи волчат. Первое время щенки довольствуются только молоком матери, и пока они малы, она от них не отходит ни на шаг. В это время ее кормит волк-отец, принося добычу к логову в своем желудке. Он отрыгивает полупереваренную пищу, которую и поедает волчица. Такой же обед получают и волчата, когда родители начинают приучать их к питанию мясом. Осенью, когда волчата подрастут и начнут постигать охотничью науку, хищники образуют зимнюю стаю. В это время к выводку присоединяются переярки — прошлогодние дети этих же родителей. Зимой добыть пропитание труднее: выросли зайчата, повзрослели кабанята и детеныши других копытных, нет беспомощных птенцов и нелетной линяющей птицы; домашний скот в хлевах. В эту пору легче прокормиться стаей, которой доступны взрослые копытные — кабаны, лоси и олени.

По сравнению с другими животными, волки — более заботливые родители. Они помогают пережить трудное время не только щенкам, но и своим полувзрослым детям.

Целых два года кормит молоком слониха своего слоненка и передает ему все сложности поведения в природе, общения с другими слонами и так далее. Кроме этого, более старшие братья и сестры помогают ему в освоении навыков жизни. Большинство слонят остаются с матерью и в дальнейшем, обучаясь всю жизнь таким сложным вещам, как ориентация в саванне, нахождение водопоев, пастбищ и путей ухода от опасностей.

Дети обезьян, особенно человекообразных, и самого человека взрослеют особенно долго и трудно. Сначала малыши-обезьяны ездят на своих матерях, вцепившись в их шерсть. Со временем они научаются срывать те или иные растения, находить корешки и птичьи гнезда. Самка шимпанзе по имени Уошо, овладев в неволе языком глухонемых, научила его...свою дочь и они самозабвенно «разговаривали» друг

с другом и со своими учителями! Более того, она учила ее всему тому важному, чему научилась у людей: пользоваться вилкой и ложкой, салфетками, ванной, задвижками на дверях...

В то же время шимпанзе, выросшие в обедненных лабораторных условиях зоопарков, значительно отстают по своему развитию от воспитанных на воле, в дикой природе, с собственными матерями. Если они выросли в неволе, то никогда не научатся строить гнездо на деревьях и добывать пищу в лесу.

Главное, что дольше остаются со взрослыми малыши-хищники, которым для добывания корма нужно возмужать и пройти охотничью науку, причем, чем крупнее у хищника жертва, тем дольше младенец остается при родителях. И второе — с появлением семьи у высших животных «опыт ошибок трудных» стал передаваться из поколения в поколение! Причем, не только жизненно необходимых навыков, но и культурологических, как у обезьян, учащих своих деток.

Самостоятельное научение

Рано или поздно с родителями приходится расставаться и переходить на собственные харчи и шишки. Здесь и начинается суровая школа жизни. Теперь нужно самостоятельно определять, что можно съесть, а что нельзя, куда можно наступить, а куда нет, кому можно довериться, а кому нет, как вести себя в той или иной ситуации в тысячах случаев. Вот тут и выясняется, кто был лучшим учеником в стае, а кто — худшим, а цена всегда одна — твоя жизнь! Выживает и остается «наверху» всегда сильнейший, умнейший и сообразительнейший! А еще тот, кто сумеет вовремя(!) перенять такой полезный и такой нужный опыт у других.

Всем известны истории о японских макаках, живущих на островах Тихого океана. Люди приносили им сладкий картофель батат, который оставляли на песке. И вот, самка Имо однажды решила омыть плод в соленой морской воде. Отмыв его от песка и попробовав уже соленый батат, она нашла, что так вкуснее! Через месяц ее подруга стала

ей подражать, а еще через несколько месяцев вся стая стала мыть картофель в воде. В другом случае обезьянам давали рис, рассыпая его на берегу и они по одному зернышку собирали его. Та же Имо взяла и ...бросила горсть песка с зерном в воду. Песок утонул, а зерно всплыло и обезьяна легко его собрала! Через какое-то время все обезьяны стаи уже умели так делать.

С самых первых своих охот молодой гепард или леопард запоминают все уловки своих жертв и свои успешные броски, захваты, которые будут совершенствоваться всю их жизнь. Память у них на полезные приемы и успешную обстановку поразительна.

Такие открытия делают обычно молодые, энергичные особи, с ярко выраженной исследовательской активностью и умением анализировать череду событий.

У павианов анубисов малыш рождается весом от 0,5 до 1,5 килограммов, и самка сама перекусывает ему пуповину. С этого момента новорожденный малыш находится с матерью постоянно. Она не может его запеленать или оставить с бабушкой, поэтому детеныш вцепляется мертвой хваткой всеми четырьмя нежными лапками в шерсть матери и уже не отпускает ее ни на миг. Отцепляется он от нее только на отдыхе, да и то не надолго. Через четыре месяца он уже осмеливается ездить на матери верхом или сбоку, а на отдыхе уже общается с другими обезьянами-тетушками, двоюродными братьями и сестрами. Именно у них малыш учится находить съедобное в саванне, чего нужно бояться, а чего нет. Стремление «тетушек» к обладанию чужим малышом бывает так велико, что были случаи, когда они силком отнимали детей у их матерей и нянчились с ними. Особенно здесь страдают молодые, низкоранговые и неопытные самки, которых обижают более старшие, но бездетные подруги.

Тесная связь детеныша и матери характерна не только для павианов. Женщины-бушменки в Южной Африке надолго уходят от поселения для сбора орехов и несут детей на себе. Женщины-масайки в Кении и Танза-

нии не расстаются с младенцем круглые сутки. Причем, они привязывают его к себе или держат спереди на руках дома, в селении, а когда идут далеко или что-то собирают, то привязывают сзади. Что интересно, ребенок привязывается не только снизу, под туловище и ноги, но и за шею. Это своеобразная компенсация за то, что ручки человеческого детеныша не способны уже так крепко держаться за мать, как обезьяньего.

Бурые капуцины два года учатся управлять с булзжником, которым они лихо разбивают орех, положив перед этим его на другой камень, — «наковальню». Шимпанзе очищает веточку от листьев, облизывает, засовывает в термитник и лакомится прилипшими муравьями. Для того чтобы напиться из узкой щели, жуёт листья и засовывает их туда. А потом высасывает воду из этого рыхлого комка, впитавшего в себя воду. Синички повально научились пробивать своими клювами тонкие крышечки бутылок со сливками.

Достоинства опыта жизни одних постепенно становятся опытом и практикой других. Собственный же опыт основан на своих ошибках и шишках, а это многого стоит. Так, современные собаки в городах и селах научились уворачиваться от машин, а те, кто еще не научился, поплатились за это своими жизнями. Животные, воспитанные в неволе, зачастую не выживают в дикой природе, даже если это хищники — лиса, лев или тигр. Ибо научить охотиться на антилоп может только мать или родной прайд.

Даже человека жизнь иногда ставит в тупик, что уж тут говорить о зверях. Сегодня многие люди, например, впервые столкнувшись с эскалатором метро, не могут найти в себе сил, чтобы ступить на движущуюся лестницу, хотя все вокруг их убеждают, что это безопасно. Еще больший страх овладевает человеком, когда ему нужно прыгнуть с «тарзанки» или с парашютом! Он знает, что это в целом безопасно, но! Какой-то животный подсознательный инстинктивный страх не дает ступить вниз!

Опыт общения с человеком

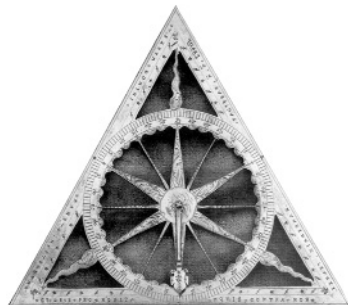
Когда-то дикие животные не боялись человека совсем, для них он был маленьким и безобидным. Но появление вооруженных людей, например, в саванне и постоянная охота сделали их боязливыми. Там, где существует охота, все дикие звери стремятся исчезнуть из зоны обзора, как только услышат звук мотора джипа или увидят человека. Поэтому в таких местах я всегда передвигаюсь в маскхалате, становясь для них «невидимкой».

Но сегодня, когда на планете есть много заповедных территорий и зверей оставили в покое, они снова подпускают людей чуть ли не вплотную. Много раз в африканских заповедниках я умудрялся, не таясь, подойти к антилопам и бородавочникам на 10–12 метров!

Этот же опыт жизни научил зверей не бояться автомобилей. В африканских заповедниках антилопы и жирафы подходят к ним почти вплотную, отдыхающие львы лежат до конца и не уступают дорогу машине, даже если сигналить без конца. А гепарды даже... вприпрыжку на крышу джипов, чтобы оглядеть окрестности, охотясь на газелей.

Ощущения при этом возникают — просто фантастические. Чувствуешь свое единение с Миром Природы и то, что ты с ним — одной крови. В общем, понимаешь, что это и есть Рай, когда свободное дикое животное научилось доверять себя и свою жизнь человеку!

Другой момент возникает, когда животные в неволе обучаются от человека вещам неадекватным, — невозможным для них в дикой природе. Это некое Суперповедение. Имеется в виду владение обезьянами речью и атрибутами жизни человеческой, а также передача всего этого своему потомству. Когда самке шимпанзе Уошо предложили рассмотреть пачку фотографий с изображением шимпанзе и людей, она четко разложила их на две стопки: людей и обезьян. Свою фотографию она отнесла к людям, справедливо считая, что при таких-то навыках и такой красоте, — она явно человек! Ну, так, только немного лохматый...

Календарь «З–С»: апрель

210 лет назад, 3 апреля 1805 года при Императорском московском университете было учреждено существующее и поныне Московское общество испытателей природы. Первым председателем МОИП был избран инициатор его создания – профессор Московского университета Фишер фон Вальдгейм (1771–1853), немец по национальности, с 1804 и до конца жизни работавший в России.

130 лет назад, 3 апреля 1885 года родился Борис Андреевич Вилькицкий, ученый-гидрограф и геодезист, в августе 1913 года совершивший самое крупное географическое открытие XX века. К северу от побережья полуострова Таймыр возглавляемой им полярной экспедицией на ледокольных транспортах «Таймыр» и «Вайгач» была открыта Северная Земля, до 1926 – Земля Николая II. После революции Вилькицкий покинул Россию и окончил свои дни в 1961 году в Брюсселе.

95 лет назад, 6 апреля 1920 года была образована буферная большевистская Дальневосточная Республика с населением свыше 18 миллионов человек и с территорией от озера Байкал до берегов Тихого океана, включая Приморье, Камчатку и северную часть Сахалина. После эвакуации японских войск из Приморья в ноябре 1922 года ДВР волилась в РСФСР.

220 лет назад, 7 апреля 1795 года Национальное собрание революцион-

ной Франции в качестве единой универсальной единицы длины утвердило метр, равный миллионной доле четверти парижского меридиана.

175 лет назад, 9 апреля 1840 года родилась графиня Прасковья Сергеевна Уварова (ур. княжна Щербатова), археолог, общественный деятель, меценат, собирательница русских древностей, прообраз княжны Китти Щербачкой в толстовской «Анне Карениной». Прасковья Сергеевна получила блестящее домашнее образование, в 19 лет вышла замуж за известного ученого-археолога Алексея Уварова, одного из основателей московского Исторического музея, сына графа Сергея Уварова, президента Петербургской Академии наук, в 1834–1849 годах министра просвещения. Когда в 1884 году Алексей Уваров умер, графиня стала его преемницей на посту председателя Московского археологического общества (МАО) и более тридцати лет возглавляла эту авторитетную научную организацию.

210 лет назад, 13 апреля 1805 года Императорский Московский университет за 11000 рублей приобрел у Медико-хирургической академии (в 1845 году поглощенной медицинским факультетом Университета) для «заведения Ботанического сада» Московский аптекарский огород, заложенный Петром I в 1706 году для нужд Военного госпиталя в Лефортове. Ныне это филиал Ботанического сада МГУ (проспект Мира, 26), памятник исто-

рии и культуры Москвы, одно из любимых мест отдыха москвичей.

120 лет назад, 13 апреля 1895 года воспоследовал высочайший указ Николая II об учреждении в петербургском Михайловском дворце Русского музея императора Александра III (ныне Государственный Русский музей), открывшегося в марте 1898 года.

70 лет назад, 16 апреля 1945 года началась победная Берлинская операция (по 8 мая) войск 1-го Белорусского (командующий Георгий Жуков), 2-го Белорусского (командующий Константин Рокоссовский) и 1-го Украинского (командующий Иван Конев) фронтов Красной Армии при участии сил Балтийского флота, Днепровской военной флотилии, а также 1-й и 2-й армий Войска Польского. Группировка войск насчитывала 2,5 миллиона человек, 6250 танков и самоходных орудий, 7500 боевых самолетов. С германской стороны ей противостояли около 1 миллиона человек, 1500 танков и 3300 боевых самолетов.

40 лет назад, 17 апреля 1975 года полпотовские войска «красных кхмеров» овладели столицей Камбоджи Пномпенем, после чего началось невиданное в истории человечества массовое уничтожение правящей кликой собственного народа.

55 лет назад, 21 апреля 1960 года была торжественно открыта новая столица Бразилии — город Бразилиа, построенный на пустом месте по единому плану архитектора Оскара Нимейера.

30 лет назад, 23 апреля 1985 года, состоялся апрельский Пленум ЦК КПСС, который принято считать поворотным пунктом в истории нашей страны, стартовой точкой перестройки, так как «обозначил поворот к новому стратегическому курсу, к перестройке, дал основы ее концепции».

70 лет назад, 25 апреля 1945 года в Сан-Франциско открылась Междуна-

родная конференция 50 государств (по 26 июля) по выработке Устава Организации Объединенных Наций, созванная по решению Крымской конференции трех великих держав — СССР, Великобритании и США.

110 лет назад, 26 апреля 1905 года богатейший купец, уроженец Вологды Христофор Семенович Леденцов (1842—1907), своего рода «русский Альфред Нобель», но в отличие от знаменитого шведа в России почти забытый, завещал весь свой капитал, составлявший около 2 миллионов рублей (по тем временам фантастическая сумма), на поощрение науки и технического изобретательства. В 1909 году в Москве на завещанные средства было учреждено «Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х.С. Леденцова», просуществовавшее до октября 1918 года, когда его имущество было национализировано. Несмотря на недолгий срок функционирования Общество принесло немалую пользу отечественной науке: оказало финансовую поддержку физику П.Н. Лебедеву, физиологу И.П. Павлову, аэродинамику Н.Е. Жуковскому, геохимику В.И. Вернадскому и другим; в 1916 году в Москве на Миусской площади открылся построенный «Леденцовским обществом» Институт биофизики и физики, на базе которого в 1929 году был создан знаменитый ФИАН — Физический институт АН СССР им. П.Н. Лебедева.

70 лет назад, 28 апреля 1945 года в деревушке Джулио ди Медзетро под Миланом итальянскими партизанами были расстреляны бывший итальянский диктатор Бенито Муссолини (р. 1883) и его любовница Карла Пяттаччи. Их тела доставили в Милан и в знак позора повесили вверх ногами на всеобщее обозрение на рыночной площади.

*Календарь подготовил
Борис Явелов*

Мобильные телефоны безвредны для здоровья!

Британские ученые проверили гипотезу, что электромагнитные поля мобильных устройств вызывают бесплодие и рак, а также способствуют возникновению лейкемии. Химики изучили воздействие слабого магнитного поля на белки, играющие важную роль в управлении нервной системой и восстановлении ДНК. Оказалось, что излучение на их функционирование не влияет.

«Биохимические реакции под влиянием электромагнитного излучения считаются самыми вероятными кандидатами на повреждение. Однако условия реакции в организме таковы, что биохимический эффект магнитного поля стремится к нулю», — рассказали авторы исследования.

Работа позволяет утверждать, что линии электропередач, мобильные телефоны и им подобные устройства безопасны для человека, однако многие организации призывают продолжить исследование, ведь для обнаружения долгосрочных эффектов прошло слишком мало времени.

Кто стащил журналы?

Новозеландские медики решили выяснить, почему в приемных терапевтов в основном присутствуют старые номера журналов. Один из ученых в приемной терапевта положил 87 журналов, как серьезные издания, так и легкое чтение. Половина журналов свежие, остальным было от трех месяцев до года.

Эксперимент остановили на 31-й день. К тому времени пропало 47% периодики. Последние номера и желтую прессу брали гораздо чаще.

Кроме того, обнаружилось, что пропажа журналов из приемных обходится здравоохранению Великобритании в 12,6 миллиона фунтов стерлингов в год. Выходит, чтобы сократить эти расходы, врачам следует класть в приемных только старые номера серьезных общественно-политических изданий.

Затем ученые собираются выяснить, кто и почему уносит журналы.

Почему в войну мальчиков рождается меньше

Американские демографы объяснили, почему во время войн, голода и стихийных бедствий мальчиков рождается меньше. Они воспользовались данными финского биолога, оцифровавшего церковные записи пяти городков Финляндии с 1790 по 1870 год. Ученые выявили 16 лет, когда мальчиков рождалось существенно меньше, чем девочек, а выжившие отличались крепким здоровьем: умерших в первый год жизни среди них оказалось на 12 процентов меньше, чем среди мальчиков, рожденных в спокойные времена.

Возможно, причина заключается в том, что в стрессовые времена женский организм самостоятельно прерывает беременность, если может родиться слабый мальчик. Таким образом у женщины есть шанс зачать здорового малыша. Поскольку у девочек больше возможностей продолжить род, то их «стоит рожать» в любом состоянии.

Получается, гипотеза вполне состоятельна. Осталось сравнить выживаемость девочек в обычные и тяжелые времена. Возможно, рождение мальчиков связано не с их полом, а с условиями среды обитания.

Эбола может передаваться половым путем

Испанские медики изучали записи о случаях выздоровления пациентов от лихорадки Эбола и обнаружили, что за период с 1977 до 2007 года анализ спермы брали только у четырех мужчин. При этом в трех случаях вирус жил в сперме в течение 66 дней, в одном — 91 день.

Специалисты заявляют, что необходимо изучить механизм передачи вируса половым путем. Пока они советуют всем выздоровевшим от лихорадки воздержаться от незащищенного секса.

Рисунки А. Сарафанова

Журнал **ЗНАНИЕ-СИЛА** в электронном виде

Купить электронную версию журнала:

Аймобилко www.imobilco.ru **Ай**
мобилко

ЛитРес www.litres.ru **ЛитРес:**
одну книгу до книг

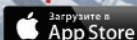
Рукопт rucont.ru **ПРЕССА**
по подписке

Подписка на электронную версию:

Пресса.ру pressa.ru **PRESSA.RU**

Читайте мобильное приложение на

AppStore и GooglePlay

9 770130 164002 >

С **ВОЙНОЙ,**
ВОЙНОЮ,
О ВОЙНЕ...
Об этом читайте
в следующем номере